

ISSN 2073-5618

Translator **П**ереводчик

Выпуск 21
2021

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

*К 30-летию
Союза переводчиков России*

П Е Р Е В О Д Ч И К

Научно-художественный журнал

Выпуск 21

Чита
Забайкальский государственный университет
2021

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Научно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор

О. В. Стельмак, канд. филол. наук,
доцент кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет

Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент ЗабГУ

Редакционная коллегия

*О. В. Ушеникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филликова*

П 27 **Переводчик** : научно-художественный журнал / Забайкальский государственный университет ; гл. ред. О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ, 2021. – Вып. 21. – 278 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящен славным страницам российской истории. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы...!!!», «Новинки».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

- Союзу переводчиков России исполняется 30 лет! Леонид Гуревич.
О создании СПР из книги «Пролетая над временем»..... 5

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

- Гвидо Гоццано.** Поэтические произведения. Предисловие и перевод с итальянского Леонида Зимана..... 8
- «Послание» Фернандо Пессоа – поиск Новой Индии.** Лирика. Вступительная статья и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой..... 15
- Стивен Крейн.** Стихи. Предисловие и перевод с английского Андрея Щетникова..... 25
- Оливер Голдсмит.** Стихотворения. Перевод с английского Евгения Фельдмана..... 34
- Французская поэзия. Басни. Жан де Лафонтен, Антуан Фюретьер, А. Ноде.** Перевод с французского Майи Квятковской..... 39
- Михаил Ю. Лермонтов.** Поэма «Мцыри» (части 18–23). Перевод с русского на английский язык Екатерины Коржовой..... 47
- Елка Няголова.** Лирика. Перевод с болгарского Ивана Белокрылова..... 49
- Кристина Д. Россетти.** Лирика. Перевод с английского Валентины Брилёвой..... 52
- Цыбигмит Дамдинжапова.** Лирика. Перевод с бурятского Бориса Макарова..... 55
- Мэри Хауитт.** Перевод предисловия (из критико-биографического эссе А. Джэппа) и баллады «Рассказ старика» с английского Ольги Стельмак..... 60
- Светлана Махабадарова.** Стихи. Предисловие «Звуки, уходящие в бытие...» и перевод с бурятского Виктора Балдоржиева..... 71

Проза

- Оскар Уайльд.** Сказка. Молодой король. Предисловие «Дикий принц» и перевод с английского Евгении Славороссовой..... 82
- Современная американская новелла. Сюзанна Карлсон.** Среди животных. Предисловие и перевод с английского Иды Замирской..... 91
- Панингуак Боассен.** Синдром Кивиттока. Перевод с датского Ольги Маркеловой..... 95
- Гвидо Гоццано.** Сказки. Перевод с итальянского Леонида Зимана..... 106
- Гоце Ристовский.** Обожествленная трагедия. Перевод с сербского Ольги Панькиной..... 114
- Бьёрнстjerne Бьёрнсон.** Нобелевская речь. Предисловие и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой..... 145

АМЕРИКАНА

- Фрэнк Г. Эпплгейт.** Рассказ «Женитьба Хопи» из сборника «Индийские рассказы из пуэбло». Предисловие и перевод с английского Татьяны Воронченко..... 152

Фрэнк Г. Эпплгейт. Рассказ «Аго По» из сборника «Индийские рассказы из пуэблос». Перевод с английского Екатерины Фёдоровой.....	156
Мэри Х. Остин. Плетельщица корзин. Из книги «Земля редких дождей». Перевод с английского Елены Гладких.....	161
В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ	
Дарья Муромская. Особенности перевода описаний городского пейзажа (на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной печали»)	168
Екатерина Сараева. Специальный перевод: аэрокосмическая терминология в современном китайском языке.....	173
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Ирина Ковалёва. Тоннель под Альпами. Два мира – две судьбы: Мэри Хобсон и Марина Литвинова.....	178
Ашот Сагратян. Искусство ворочаться в образе.....	191
Николай Воропаев. Об опыте перевода специалиста для палаты по патентным спорам.....	193
Анна Булдыгерова. Особенности перевода числовых обозначений (на материале китайского языка).....	203
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
Поль Лаббе. В краю лам Забайкалья. Перевод с французского Николая Епишкина.....	210
Виктор Балабанов. Путешественники. Из книги «Строкой и памятью отмечено...». Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	219
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ	
Ирэн Фрэн. Роман. «Я последую за тобой в Сибирь». Глава VII. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади.....	221
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Ольга Маркелова. Лирика.	234
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...!!!	
XXVI Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2021.....	242
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	255
НОВИНКИ	
Ингрия – наша Родина... Воспоминания, эссе, стихи, рассказы. Составитель Элеонора Панкратова.....	263
Рецензия Ольги Маркеловой на книгу «Ингрия»	264
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Статистика.....	269
Сведения об авторах.....	270

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

*Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)*

Россия, 111124, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 507
тел./факс +7 (495) 925-03-77 эл. почта org@rutrans.org

СОЮЗУ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ – 30 ЛЕТ!

14 апреля 2021 года исполнилось 30 лет со дня основания Союза переводчиков России, который объединяет в своих рядах переводчиков с разных языков из многих регионов России и зарубежья.

О том, как создавался творческий союз переводчиков в нашей стране подробно описал в своей книге «Пролетая над временем»¹ первый Президент СПР Леонид Ошерович Гуревич, который бессменно возглавлял Союз в течение четверти века. Именно поэтому информация из первых рук является для всех нас особенно ценной.

От редакции

ЛЕОНИД ГУРЕВИЧ

СОЗДАНИЕ СОЮЗА

В декабре 1988 года в издательстве «Прогресс» состоялась учредительная конференция Московской ассоциации переводчиков (МАП). Среди учредителей Совет переводчиков «Прогресса», коллективы переводчиков издательств «Русский язык», «Радуга», «Мир», «Внешторгиздат», «Международные отношения», АПН, а также АОН, ВКШ, ряда журналов, МГПИИЯ им. М. Горького, ММПШ и др. Избрано Правление МАП во главе с Л. О. Гу-

¹Леонид Гуревич. «Пролетая над временем». Записки переводчика. – Москва, 2017. – 256 с.

ревичем. 20 апреля 1990 года ассоциация была зарегистрирована Моссоветом.

В сложных условиях конца 80-ых годов новая творческая организация не ограничилась вопросами социальной защиты коллег, сохранения переводческих кадров высшей квалификации. Но уже тогда публично выступила с предложениями, направленными на фактическую и правовую легализацию переводческих профессий, на повышение их престижа в глазах государства и общества. Одновременно учредительная конференция высказалась за создание и общенационального союза переводчиков. В июне 1990 года 2-я конференция МАП одобрила подготовленные проекты уставов будущего союза и его фонда. В это время уже шло массовое сокращение мастеров перевода, рушились переводные издательства...

С началом 1991 года начинается завершающий этап подготовки III конференции Московской ассоциации переводчиков, которой суждено будет превратиться в учредительный съезд Межреспубликанского союза переводчиков. Формировались делегации МАП и регионов, рассылались приглашения почётным гостям, были подготовлены проекты Устава и другие документы.

... 14 апреля 1991 года актовый зал «Прогресса» был переполнен. Пришли многие ветераны перевода, известные и авторитетные люди в нашей среде. Среди них был и мой бывший декан Валентин Михайлович Кузнецов. Создание Союза приветствовали замечательные мастера перевода А. В. Фёдоров, Н. М. Любимов, легендарные переводчики военных и послевоенных лет В. Н. Павлов и В. М. Бережков.

В тот день вместе с москвичами в зале находились делегаты переводчиков Ленинграда, Свердловска, Одессы, Нижнего Новгорода, Минска, Киева, Ташкента, Алма-Аты. Конференция заслушала мой доклад, содоклад Бориса Фарумды, ораторов, выступивших в прениях, и учредила Межреспубликанский Союз переводчиков (с 1993 года – Союз переводчиков России).

Считаю необходимым хотя бы кратко упомянуть и моих самых верных соратников, готовивших этот съезд и помогавших мне предохранить будущую организацию от разного рода авантюристов и карьеристов. В первую очередь обязан назвать покойного Бориса Фарумду. Опытный переводчик и редактор из «Внешторгиздата», умный и внимательный человек, он оставался со мной даже тогда, когда казалось, что мы были обречены на одиночество. Его я попросил выступить на съезде, отстаивая те принципы, которые мы положили в основу нашего проекта.

Назову ещё моих верных друзей – профессоров Вилена Комиссарова, Михаила Цвиллинга, Гелия Чернова, Леонору Черняховскую, моих коллег Виталия Сеферьянца, Евгения Коненкина, Юрия Кузьмина, Александра Урбана, Татьяну Гергель, многих других... И совершенно неоценимую помощь

мне оказала юрист издательства «Прогресс» Анна Алексеевна Лукьянова, моя будущая жена.

Но наш Союз не только стал первым общенациональным объединением переводчиков в России. До этого момента наша страна не была представлена в Международной федерации переводчиков (ФИТ), объединяющей общенациональные ассоциации переводчиков.

Вскоре после съезда было принято решение о создании Литературно-переводческого агентства и о выпуске информационного бюллетеня «Мир перевода», ставшего позднее нашим одноимённым журналом. Работа над журналом на многие годы связана со мной сотрудничеством и дружбой с Венерой Бицовой. Она стала и дизайнером, и верстальщицей нашего журнала.

В первые же годы мы занялись организацией семинаров по важнейшим вопросам перевода. Большую роль здесь сыграла Марина Дмитриевна Литвинова. Она как раз была в начале своего большого пути в шекспироведении, продолжая заниматься переводами англоязычной классики. В то же время родился стараниями Марины Дмитриевны и наш клуб «Филозавров» <...>.

СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ СЕГОДНЯ

50 региональных отделений

800 действующих членов

МИССИЯ

- Укрепление единства страны через знакомство с переводами литературных, исторических духовных и фольклорных памятников народов России.
- Формирование полифонического образа России 21 века трудами национальных переводчиков и через контакты с мировым переводческим сообществом.
- Изменение общественного отношения к фигуре и профессии переводчика – медиатора и созидателя в бизнесе, политике, культуре.
- «Все мы, члены Союза переводчиков России, действуя сообща, можем сделать много полезного для переводческого профессионального сообщества в целом, для будущего нашей любимой профессии, а значит – для собственного будущего, будущего своей страны».

Из обращения Президента СПР Ольги Ивановой

Поэзия

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГВИДО ГОЦЦАНО

В предыдущем номере «Переводчика» читатели познакомились со сказками итальянского писателя Гвидо Гоццано (1883–1916), которые в Италии ставят в один ряд со сказками братьев Гримм, Джана Франческо Страпаролы. Но в первую очередь он известен в стране как поэт, один из самых выдающихся итальянских поэтов XX века.

В русскоязычный сборник «Западноевропейская поэзия XX века» (М.: Худ. лит., 1977) вошли три стихотворения Гоццано в переводе Евгения Солоновича. Одно из них, по свидетельству итальянских критиков, читатели воспринимают как автопортрет, но не только автора – всего его поколения. Название стихотворения – «Тото Мерумени», по имени героя произведения. Двадцатипятилетний Тото Мерумени – наследник аристократических традиций и романтической культуры прошлого и одновременно человек с иссушённой душой, сын своего времени, с его циничным прагматизмом (начало XX века).

В ряде других стихотворений Гоццано как бы противопоставляет ему человека иных времён, сентиментальных и романтических. Он прославляет, например, великого фантаста и мечтателя Жюль Верна, романы которого, по словам Гоццано, навевают читателю необыкновенные сны (стихотворение написано в 1905 году, в год смерти Жюль Верна).

Переведённое Солоновичем и опубликованное в упомянутом сборнике, стихотворение «Прекраснейший на свете» по-своему раскрывает своеобразие фантазии Жюль Верна. Гоццано рассказывает о таинственном острове Неоткрытом, который, кажется, постоянно меняет своё местоположение и до которого никак не могут добраться мореплаватели:

Пузатые фрегаты вотще крепили снасти,
напрасно каравеллы стремились тайне вслед:
искали португальцы – не улыбнулось счастье,
испанцы обыскались – нет острова и нет.

Но этот остров обозначен на старых пиратских картах, «он был знаком пиратам». Однако стоит приблизиться к нему, как он тут же «исчезает – прекрасный, непонятный, уже неотличимый от дали голубой».

В представленных в нашей подборке «Сладких стихах, подаренных маленькой Луизе вместе с большой коробкой шоколадных конфет» (так звучит название стихотворения в моём переводе) поэт в шуточной форме знакомит юных – и не только юных – читателей со структурой романского сонета. Большая часть поэтического наследия Гоццано – сонеты. Три из них вошли в нашу подборку.

В сонете «Надежда» ощутимы романтические ноты поэзии Гоццано, так явственно звучащие в «Прекраснейшем на свете». Сонет «Мечо Хоршовский» посвящён выдающемуся польскому пианисту и музыкальному педагогу, который прожил 101 год (1892–1993). Он концертировал с 9-летнего возраста, выступал в разных странах. Гвидо Гоццано посетил его концерт в 1904 году.

«Песнь о Пикколино» написана на основе бретонской легенды. Имя главного героя Песни – *Piccolino. Piccolo*, как известно, в переводе с итальянского *маленький, in* – уменьшительно-ласкательный суффикс. Так что имя это можно перевести как *очень маленький*. Мой перевод: *мальчик-с-пальчик*.

Эта Песнь была экранизирована. Сценарий создал сам Гвидо Гоццано. Это не единственная работа писателя в кинематографе. Буквально все биографы Гоццано вспоминают его киносценарий о Франциске Ассизском.

Леонид Зиман

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

ПЕСНЯ О ПИККОЛИНО, МАЛЬЧИКЕ-С-ПАЛЬЧИЧИК

(по бретонской легенде)

В очаге лишь только пламя;
В доме пусто, как в пустыне.
Кто же после смерти мамы
Позаботится о сыне?
Ждать ли помощи? Откуда?
С жалким скарбом Пикколино
Двинулся дорогой длинной,
Уповая лишь на чудо.

Шёл (уж еле держат ноги)
Целый день – и в дождь, и в стужу.
И промокла вся одежда.
Вот пекарня у дороги.

– Подмастерье вам не нужен? –
Обратился он с надеждой.

Пекарь разразился смехом:
– Ты ж едва из колыбели.
Смех в жене отдался эхом:
– Мальчик-с-пальчик в самом деле.
Пекарь подмигнул жене:
– Нет, ты не подходишь мне.

Солнышко ещё не село –
В королевские палаты
Пикколино входит смело,
Просит взять его в солдаты.
– Ты так мал, почти с мизинец.
Ведь не сделаешь и шагу
Ты без нянь и без кормилиц...
Из ножон не вынешь шпагу,
Не проскачешь на коне.
Нет, ты не подходишь мне.

Королевство ждёт героя...
Кровью залиты долины...
Средь солдат на поле боя
Мальчик-с-пальчик Пикколино.
Пули свищут, грозно рея
Высоко над головою
Низкорослого героя,
Будто бы его жалея.
– Хоть и милый он парнишка, –
Раздаётся здесь и там, –
Но совсем уж коротышка.
Нет, он не подходит нам.

Пуля всё ж его задела.
Душу принимает небо.
Святой Пётр ждёт в раю.
Молвит: «Пикколино, где бы
Мог приняться ты за дело?
Как решить судьбу твою?

Ты, конечно, не Архангел,
Мал ты даже и как Ангел –

Не доверить небесам.
Нет, ты не подходишь нам».

Но Христос, Господь единый,
Улыбнулся Пикколино,
Упрекнул Петра святого:
– Мальчик одинокий, нищий...
Очень мал, лишился крова,
Много дней бродил без пищи...
И страдал – по чьей вине?
Святой Пётр, неужели
Ты не видишь, в самом деле:
Очень он подходит мне.

СЛАДКИЕ СТИХИ, ПОДАРЕННЫЕ МАЛЕНЬКОЙ ЛУИЗЕ ВМЕСТЕ С БОЛЬШОЙ КОРОБКОЙ ШОКОЛАДНЫХ КОНФЕТ

Девочки нету прелестней:
Белый изящный цветок.
Голос её льётся песней –
Жаворонка голосок.

Третью весну уж встречает
Точно по календарю.
И для игры, и для чаю –
То, что я ей подарю.

В этой коробке столь сладкой
Сто шоколадных конфет.
В них я запрятал загадку –
Я, продавец и поэт.

– Слушай, берём шоколадки –
Ровно одиннадцать их.
Выстроим все по порядку.
Так получается стих.

Сорок четыре конфеты –
Слов настоящих взамен –
Встанут рядами, а это
Четверостишье, катрен.

Сложим теперь два катрена –
Восемь конфетных рядов.
Только в конце непременно
Нужны созвучия слов.

Ну, а теперь ещё надо
(Правда, не хватит конфет)
Выстроить дважды три ряда.
Это и будет сонет.

Целых четырнадцать строчек –
Из шоколадок слова.
Вдруг она как захохочет!..
– Здесь ты, Луиза, права.

Скучно? Сонет уж не сладок?
Ну а представь, он каков,
Если не из шоколадок,
А из обычных слогов.

Редко удачи бывали...
Нижутся тысячи слов
Из неизбежной печали.
Это моё ремесло.

ПЕРВОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

«Нет, не догонишь!..». – Словно ветер,
Она бежала через сад,
И смех так серебрист и светел...
За ней бежал смущённый брат.

«Ой, мама!» – К дереву прижалась.
От ветра – кудри словно снег.
Цветок помят – какая жалость!
«Нет, не догнал!» – и снова смех.

«А кукла у меня такая...
Как часто говорит со мной!».
И брат ей: «Да, она живая,
Хоть с головою восковой».

«Так принеси её» – И сразу
Стремглав он бросился домой.
А солнышко – в последней фазе,
И тень над самой головой.

В момент брат с куклою приходит.
Сестра ему: «Смотри-ка! Вот
За нитку дёрну – речь заводит,
А поцелую – оживёт.

Чуть упрекну её – обида...
(Ну избалованный народ!)
Хотя не подаёт и вида...
Но похвалю – в улыбке рот».

И гладит куклу по головке.
Кудряшки нежны и легки.
И вдруг... взяла её неловко,
И кукла наземь! В черепки!

Рыдает горько, неутешно,
И слёзы льются, как река.
И смотрит на осколки – те, что
Недавно были глаз... рука...

А брат теперь уж за большого –
Он преданно глядит в лицо:
«Дам тебе карлика смешного...
А хочешь, подарю кольцо?»

Не успокоиться так скоро:
Была как девочка – точь-в-точь –
Живая кукла из фарфора,
И для неё она как дочь.

Тут солнце где-то за горою
Пылающий закат унёс.
Стал день, что начался игрою,
Днём разочарованья, слёз.

ГОРОСКОП

Маме в связи с рождением брата Ренато

Над колыбелькой, как в молитве, руки
Весенним утром распростёрла фея.
И ангелы во сне явились с нею,
И полились таинственные звуки:

«Живёте вы, божественные духи,
В стране, где солнце всех, лучи жалея,
Лишь к ночи дарит теплотой своюю.
Не будьте ж, духи, к моей просьбе глухи:

Покиньте поднебесья высоту
И одарите разумом и силой,
А у меня возьмёт он красоту, –

Промолвила с улыбкой на устах,
Сказав ещё: – Как мама, будет мил он».
И фея растворилась в небесах.

МЕЧО ХОРШОВСКИЙ

Расцеловать бы маленькие руки,
Что утешают от напастей, бед.
А пианисту – лишь двенадцать лет...
И нежно льются сладостные звуки.

Немые клавиши, как преданные слуги,
Когда другой защиты в мире нет,
От берега мечтаний шлют привет
Пресыщенным... Страдающим в разлуке...

Те звуки для тебя забавы вроде...
Не ведаешь, что совершаешь чудо,
Что музыкою утешаешь мир

Подобно соловью, творцу мелодий,
Несущихся неведомо откуда –
Он для поэтов подлинный кумир.

НАДЕЖДА

Всю зиму, погребён землёй сырою,
Подрубленный под самый корень дуб
Покоился под снегом. Только сруб
Знал, долго ль дуб прожил, гордясь собою.

Сто девяносто лет – гниющий труп...
Весна своею бархатной рукою
Покрыла мёртвые узлы листвою,
И, как во сне, всё расцвело вокруг.

Переворот свершается в природе:
В садах плоды налились и созрели,
Щебечут птицы в пёстром хороводе,

Был мрачный свод – стал ясно-голубой.
Но что меня тревожит, в самом деле?
Как обречённый борется с судьбой!

Перевод с итальянского Леонида Зимана

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

«ПОСЛАНИЕ» ФЕРНАНДО ПЕССОА – ПОИСК НОВОЙ ИНДИИ

«Послание» Фернандо Пессоа – единственная книга, вышедшая у него при жизни на португальском языке. Интересна история появления этой книги. Пессоа в течение многих лет создавал свою будущую поэму, составленную из циклов стихов, которую он назвал «Португалия». В 17 номере журнала “Pessoa Plural” за 2020 год исследователи Николас Барбоза (Brown University), Жеронимо Пизарро (Universidad de los Andes), Карлуш Пителла (Universidade de Lisboa) и Руй Соуза (Universidade de Lisboa) рассказали о своих поисках в архиве Пессоа, благодаря которым был обнаружен конверт под названием «Португалия» со 106 неопубликованными ранее рукописями португальского поэта, содержащими материалы его предполагаемой книги «Португалия». Первый из этих текстов датирован 1910 годом. Это был год, когда разочарованный в португальской монархии Пессоа приступает к осуществлению своей идеи о супер-Камозэнсе, о писателе, который создаст новую книгу песен, современные «Лузиады».

Как известно, «Послание» – наиболее публикуемая, и не только в Португалии, книга Пессоа, например, «Дом Фернандо Пессоа» в Лиссабоне имеет в своём распоряжении более 30 её изданий. Факт существования в рукописях книги-предшественницы «Послания», носившей название «Португалия», давно известен португальским филологам. Внимательное прочтение этих неизданных текстов и организация на их основе нового критического издания «Послания», где объединились бы изданные в 1934 году стихи и неизданные поэмы, и отрывки из архива Пессоа, относящиеся к его первоначальной идее, значительно расширит «Послание», сделает его, подобно «Книге непокоя», «открытой», саморазвивающейся книгой. Такое издание способно углубить наши представления о замысле поэта, о целях, реализуемых в этой книге. Один из текстов-заметок о будущей книге «Португалия» прямо свидетельствует о намерении Пессоа – подражать «Лузиадам» Камозенса, создавая современную версию героической истории Португалии. Его песни и по форме часто похожи на написанные десятисложником восьмистишия Камозенса, в отличие от многих стихов «Послания» они содержат 8 строк и рифмовка также подобна рифмовке «Лузиад»: АВАВАВСС. «Португалия» была задумана как эпический эскиз. Она начиналась в конце 1909 – начале 1910 гг., а о её переименовании зашла речь в 1914 году, тогда Пессоа колебался между двумя названиями «Португалия» и “Gladio”. Последнее название – многозначное слово, которое может быть переведено как «меч или кинжал», «война» и «сила или мощь».

Но перевод найденных материалов книги «Португалия» и расширенное издание «Послания» на русском языке – это дело будущего, тем более что как переводчик, так и издатель этой книги столкнутся с правами португальских издателей, которые, как я понимаю, вскоре организуют выход в свет таких расширенных критических публикаций книги. Пока мы можем только снова и снова обращаться к «Посланию» Пессоа, совершенствуя его русский перевод, вычерпывая всё более глубокие подтексты этой замечательной книги.

Несколько слов об истории выхода «Послания» в свет в 1934 году – за год до смерти её автора. В сентябре 1933 года Антониу де Оливейра Салазар, премьер-министр Португалии, практически управлявший страной в течение 36 лет (с 1932 по 1968 гг.), создал новую организацию по руководству и контролю внутренней и внешней национальной пропагандой – Секретариат национальной пропаганды. В том же году были учреждены пять национальных премий в области литературы, которые должны были поощрить новаторов национальной культуры. Одна из премий, а именно премия за книгу стихов – премия Антеру де Кентала, замечательного португальского поэта, и досталась Фернандо Пессоа. Для этого ему пришлось быстро доработать и организовать своё «Послание». Его книге дали только второе место, тогда как на первом месте оказалась книга одного священника Вашку Рейша «Ромария» (переводится как «сельский праздник») – слабая книга

начинающего поэта, которой сам автор – Вашку Рейш, по прошествии нескольких лет, давал нелестную оценку. Повторилась история с Сезариу Верде, великолепная поэма которого «Мир чувств западного человека» не только не заняла никакого места на поэтическом конкурсе, но даже не удостоилась ни одного критического отзыва. А победили на этом конкурсе откровенно слабые работы поэтов, о которых забыли уже через несколько лет после проведения конкурса. Долгое время считалось, что второе место было получено Пессоа из-за того, что объём его книги был меньше того стандарта, который требовался по условиям конкурса. Этому способствовали высказывания Гашпара Симойша, одного из биографов Пессоа, утверждавшего, что должна была быть только одна премия за поэтические произведения, но Антониу Ферру, знакомый Пессоа, специально для него добился учреждения второй. Эта точка зрения была опровергнута только в 1951 году. Последние исследования архива конкурса также показывают, что книга «Послание» Пессоа по количеству страниц даже немного превысила необходимые для участия 100 страниц, так что очевидно, что упоминавшееся только на первом заседании жюри несоответствие объёма книги условиям конкурса было заявлено с целью вывести на первое место книгу Вашку Рейша (об этом говорится в статье Жузе Баррето в журнале "Pessoa Plural" за 2018 год).

Сам Пессоа писал в своём знаменитом письме к Адолфу Казайшу Монтейру от 13 января 1935 года о «Послании» таким образом:

«Я полностью согласен с Вами, что такое начало для писателя, с книги, подобной моему «Посланию» – не является особенно удачным. Фактически я – мистический националист, рациональный себастьянист. Но я, кроме этого, и даже в противоположность этому, являюсь многим другим. И «Послание», по самой своей природе, как раз это многое другое не может включить».

В качестве замечания автору «Послания» со стороны жюри была отмечена перенасыщенность книги эзотерическими идеями. Однако многие русские исследователи творчества Фернандо Пессоа считают, что как раз в этой книге эзотерическая, «масонская» и «тамплиерская» символика отступает на задний план, а вперёд выдвигается миф о короле Себастьяне (Себастьяну), погибшем в 1578 году – о его грядущем возвращении и возрождении Португалии (Овчаренко О. А. «Гетеронимия Фернанду Пессоа как способ самоинициации»). Я, как переводчик стихов этой книги, не могу полностью согласиться с такой точкой зрения.

Следует отметить: то, что Пессоа называл «мистическим национализмом», фактически был не национализм и не чистый патриотизм, но, если можно так выразиться, патриотизм космополита, сына Вселенной. Его «пятая империя», которая, по мысли Пессоа, грядёт и в деле построения которой Португалия будет посредницей, одной из главных созидających её сил – это новая форма существования, которая примет в себя и интегрирует все

планетарные культуры и цивилизации. В «Послании» Пессоа, повествуя о героях Португалии, об их морских открытиях, аллегорически говорит о «Новой Индии», новых открытиях – уже открытиях духа. Именно так и надо читать «Послание» – не как восхваление прошлого Португалии, подвигов её прошлых героев, но как призыв к возрождению, к новым построениям – к достижениям духа. И в этой книге, как во многих своих стихах, Пессоа вновь говорит о том, что было его глубочайшим убеждением: о миссии гения и героя, о необходимости пожертвовать личным счастьем, жизненными благами ради выполнения своего предназначения:

Товару – дар богов сродни.
Величье тяжело нести.
Счастливым – горе, ведь они
Пыль на пути!

Достанет вдосталь тем достатка,
Кому достаточно достать!
Душа безмерна, время – кратко:
Иметь – отстать.

(Второе: Поле Щитов)

Пессоа – создатель мифов – сумел в этой книге выразить своё понимание колоссального значения мифов, архетипов в жизни народов в лаконичной яркой образной форме: «Миф – ничто, но Вечность в нём».

«Послание» Пессоа было переведено впервые учёной-португалисткой О. А. Овчаренко. Преимущество её перевода – стремление точно и как можно полнее передать содержание оригинала. Но эта замечательная книга Пессоа нуждается и в других переводах. Многие переводили некоторые стихотворения из этой книги, есть переводы более и менее удачные. Но всю книгу после О. А. Овчаренко пока не перевёл никто. В 2020 году я осуществила полный перевод «Послания» Пессоа. Очень надеюсь найти заинтересованного в публикации этой книги издателя. Некоторые переводы из этой книги я привожу здесь.

ПОЛЕ КРЕПОСТЕЙ

Европа возлегла, облокотясь,
С Востока к Западу стелясь, и смотрит вдаль,
Кудрей сплетённых романтична вязь,
И профиль греческий – античная медаль.

Под левым локтем – солнце и тепло
Италии, под правым – в бурном море

Британия дождливой скрыта мглой;
На руку опирается чело
И даль необозримая во взоре;

Взгляд сфинкса, он сквозь тьму веков проник,
На Запад, к будущему, что прошло –

Взгляд Португалии, её мистичный лик.

В стихотворении говорится о карте Европы, которая напоминает лежашую женщину.

ПОЛЕ ЩИТОВ

Товару – дар богов сродни.
Величье тяжело нести.
Счастливым – горе, ведь они
Пыль на пути!

Достанет вдосталь тем достатка,
Кому достаточно достать!
Душа безмерна, время – кратко:
Иметь – отстать.

Христа на муку и покор
Господь обрѣк, как святотатца:
Природе стать наперекор
И – Сыном зваться.

УЛИСС

Миф – ничто, но Вечность в нём,
Вот небесного чертога
Миф немой горит огнём:
Солнце, труп кровавый Бога,
Плавит окоём.

Муж, невидимый для глаз,
Не для жизни был назначен,
Он причалил¹ в нужный час:

¹ Речь идёт об Одиссее или Улиссе – легендарном герое «Одиссеи» и, согласно мифу, основателе Лиссабона. Легенда утверждает, что он причалил здесь во время одного из своих плаваний. Название Lisboa (Лиссабон) выводят из имени Улисса. (Прим. пер.).

Миф о нём лучом горячим
К жизни вызвал нас.

Так легенда в свой черёд,
В жизнь ворвавшись дерзновенно,
В ней зачнёт бесценный плод.
Длится миф, а жизнь – мгновенна,
Вспыхнет и пройдёт.

ВИРИАТУ

Как душа любого существа
Вспоминает о житье бывалом,
Наша раса памятью жива,
Португальца первого закалом.

Нация, мы кровь твоя и плоть,
Мы – народ: твой дух в нас воплощён.
Так пришла забвенью побороть
Португалия из тьмы времён.

Ты – как тот холодный луч-намёк
Там, где ночь раскинула манто,
Блик восхода, что ещё далёк,
Предрассветность, тусклое ничто.

ДОН ФЕРНАНДО ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПРИНЦ

Дал Бог мне меч свой, чтоб вступил я в бой,
И сделал паладином
Своим в чести и в горести любой.
А ветер ледяной чинил разбой
Порывом единым.

Бог руки возложил. Закат устало
Мне позлатил чело;
И подвигов земных мне было мало,
Желание величия пылало
И не прошло.

Вот меч в руке блистает богоданный,
Покою грудь полна.
Бесстрашен я, как рыцарь из преданий,

Душа бездонна, нет таких страданий,
Что не вместит она.

ДОН СЕБАСТЬЯН, КОРОЛЬ ПОРТУГАЛИИ

Безумец, алчущий величья: плату
За это взыщет рок.
И, не вместив мечты своей крылатой,
В пустыне я окончил жизни срок,
Себя отринул, перейдя порог.

Другие переймут безумья гений
Со всем, что в нём живёт.
Что – человек – вне ярости мгновений?
Добыча смерти, скот,
Плодящийся, чтоб отложить уход.

ГОРИЗОНТ

О море, ты внушало людям страх,
Они не знали о твоих дарах:
Жемчужных побережьях и кораллах;
Когда через шторма до этих мест,
Дошли суда, сиял им Южный Крест –
Залог побед, открытий небывалых.

Далёкий абрис берега так строг,
Зелёный склон, иззубренный отрог,
Даль не раскроет красоты сполна;
Но близь встаёт цветущей и звучащей,
Пьянят цветы и птичьи трели в чаще, –
Где линия одна была видна.

Вот это мы мечтою и зовём,
Когда глядишь на дальний окоём
И в линиях его, холодных, влажных,
Не видя, видишь близь – блаженный миг,
Пляж золотой, лесную тень, родник –
Так Истина целует в лоб отважных.

ВЕХА¹

Мал человек – отвага велика.
Я, Дьогу Кау, мореход,
Оставил эту веху на века
И вновь с попутным ветром выбрал шкот.

Сильна душа – несовершенен труд,
И эта веха будет здесь залогом,
Что часть моя, законченная – тут,
А часть незавершённая – за Богом.

Я герб вознёс и уповаю втайне:
Он в память врежет, лучше всех замет:
Эллады, Рима море – не бескрайне,
У португальского – пределов нет.

Крест на вершине – то, что я храню
В душе и что всем благам предпочту.
Подобна страсть к открытиям огню,
Её уйму я в неземном порту.

МИФИЧЕСКОЕ УСТРАШАЮЩЕЕ СУЩЕСТВО

Муштрэнгу², морей воплощённое зло,
В ночи смоляной поднялся на крыло;
Вкруг судна, крича, облетел он три раза,
Три раза его облетел тяжело,
Сказал он: «Кого же сюда принесло,
В пещеры, кто, жизнь не дорожа,
В дома мои входит сей жуткой порой?»

¹ Каменный столб с гербом Португалии и крестом на вершине, который воздвигали мореплаватели на побережьях открытых ими земель. (Прим. пер.).

² Муштрэнгу, о котором нам повествует одно из стихотворений «Послания» Ф. Пессоа, по всей видимости, соответствует Адамастору «Лузиад» Луиса де Камознса. Если Адамастор был сторожем мрачных океанских вод у мыса Бурь (позже переименованного в мыс Доброй Надежды), то Муштрэнгу – воплощение страха, сверхъестественных сил, опасностей, которые ждут мореходов. Видимо, это некое существо, подобное громадной летучей мышши-вампиру или демону, он обитает в пещерах и безлунными ночами в открытом море кружился над идущими кораблями. Но в то же время, происходя от латинского слова «monstrum», это название имеет и другой смысл: демонстрировать, открывать что-то. Благодаря тому, что португальцы не испугались угроз этого существа, они смогли открыть новые миры. (Прим. пер.).

И рулевой отвечал, весь дрожа:
«Король Дон Жуан Второй!»

«То – чьи корабли среди китов и сардин?
Где смерть не щадит ни кудрей, ни седин?», –
Муштрэнгу сказал и кружился три раза,
Огромный и смрадный, кружился один:
«Кто вторгся в пучину, где я – господин,
Туда, где конец, где начало начал,
Где жуть навеваю среди бездны сырой?»
И рулевой, весь дрожа, отвечал:
«Король Дон Жуан Второй!»

И трижды, дрожащий, он руки воздел,
И трижды, руль взявши, собой овладел,
И громко сказал, укрепившийся трижды:
«Не я – у руля: мой народ, твёрд и смел,
И он перейдёт океанский предел;
Пусть кружит муштрэнгу вблизи корабля,
Пусть небо пред штормом багрово;
Что страх? Я назначен стоять у руля
Приказом Жуана Второго!»

ПЯТАЯ ИМПЕРИЯ

Горе, кому нет дорожке
Домашнего тепла.
Кому порой непогожей
Не снится очаг, тревожа,
Кого мечта не звала.

Горе счастливому – горе!
Живёт, потому что жив,
Не у судьбы в фаворе –
В затворе, с душой в раздоре,
Как мёртвый, веки смежив.

Эра за эрой – от века
Уходят во тьму времена.
В довольстве – нет человека,
Будь силы слепой опека
Мечтою укрощена!

Когда все пройдут – четыре,
Пророк не скрыл их числа,
Начнёт разрастаться в мире
Сиянье, что в мрачной шири
Глухая ночь зачала.

Греция, Рим, христиане,
Европа – уходят в туман.
Но рождённому для дерзаний
Истины нет желанней –
За неё погиб Себастьян.

ШТИЛЬ

Что за берег, о коем волны
Начинают плавную речь?
Он судам не всплывает встречу,
Но знаком он стихии вольной.
Будто пляж и волны остуда
Набегают, чтоб снова стечь –
Этот звук приходит откуда?

Остров есть в лазурном просторе:
Слышат звук прибоя суда,
А земли вокруг – ни следа.
Разве парусник белопёрый
Проторит к этой суше трассы,
Если пусто: одна вода,
Лишь колышет море саргассы.

Но найди в пространстве провалы,
Что к иным выводят пределам,
Что там, в воздухе отверделом,
Миражом встаёт небывало?
Там, счастливых краёв посланник,
Виден остров в тумане белом,
Где, хранимый своим уделом,
Ожидает король-изгнанник.

ТУМАН

Какой король, законов свод
Определить тебя возьмётся –

О, тусклый блеск земли и вод,
Что Португалией зовётся?
Неясный блик во тьме колодца,
Блуждающий огонь болот.

Никто из нас не даст ответа:
Что ищет, чем душа согрета.
Добро и зло? Всё – ночь без света.
(Кто плачет там, где луч угас?)
Всё смутно, точно сквозь экран,
Всё в клочьях, словно в ураган,
Вся Португалия – туман¹....

И значит, бьёт наш Час!

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

СТИВЕН КРЕЙН (1871 – 1900)

От переводчика. Стивен Крейн – американский поэт и прозаик, проживший совсем короткую жизнь. Его поэтическое наследие невелико, полное собрание включает в себя всего 135 стихотворений. Однако заметная часть этих стихов – это признанная классика американской литературы. Крейн – первый большой поэт Америки, который стал писать верлибры после Уитмена. Причём его верлибры совсем другие; это короткие зарисовки, в которых парадоксально обрисованы предельные ситуации человеческого бытия.

Эти стихи я прочёл, когда мне было чуть больше двадцати, в толстом томе «Поэзия США», в переводах Андрея Сергеева и Владимира Британишского. Они произвели на меня столь сильное впечатление, что по-настоящему врезались в память. Вспоминая их, я думал, а зачем их переводить ещё раз, если те переводы были так хороши, и новые вряд ли прибавят к ним что-то нового? А неделю назад взял и перевёл за два вечера пять десятков стихотворений, и потом за несколько вечеров ещё сколько-то. (Понятное дело, в те старые переводы я сознательно не заглядывал; и, если у меня что-то получилось к ним близким, это или моя память через тридцать лет сработала, или общее чутьё.) А когда переводил, понял, что те давние переводы знают по большей части лишь те, кто читал тогда эту книжку. А стало быть, у меня есть оправдание: я издам книжицу тиражом в сотню экземпляров, и

¹ В мифе о короле Себастьяне говорится, что он вернётся в Португалию в туманный день. (Прим. пер.).

кто-то её прочтёт, узнает об этом поэте и его запомнит. Так что Стивен Крейн на русском языке будет жить дальше.

Андрей Щетников

* * *

Три мелкие птахи сидели рядом
И пели.
Мимо проходил человек,
И мелкие птахи стали толкать друг друга.
Они сказали: «Он думает, что может петь».
Они запрокинули головы и рассмеялись.
Они рассматривали его
С удивлёнными лицами.
Они были очень удивлены,
Эти три птахи, сидевшие рядом.
В пустыне
Я увидел существо, нагое, дикое,
Оно сидело на корточках на земле,
Держало в руках своё сердце,
Откусывало от него и ело.
Я спросил: «Оно вкусное, друг?»
«Оно горькое-горькое, – отвечало оно, –
Но мне нравится,
Что оно горькое,
Ведь оно – моё сердце».
Да, у меня тысяча языков,
Но из них девятьсот девяносто девять лгут.
И хотя я стремлюсь использовать тот, один,
Он никак не поёт по моей воле,
Но мёртвый лежит у меня во рту.
Господь построил корабль мироздания тщательно.
С бесконечной сноровкой мастера на все руки
Сотворил Он корпус и паруса
И держал в руках руль,
Готовый его приладить.
Прямо стоял Он и гордо взирал на свою работу.
Тогда – в роковой момент – его кто-то окликнул,
И Бог обернулся, внимая.
И вот корабль при этой возможности лукаво качнулся,
Бесшумно и хитро соскользнул со стапелей.
И уже навсегда без руля он пошёл по морям,

Совершая нелепые вояжи,
Причудливо продвигаясь вперёд,
Сворачивая, будто всерьёз,
Перед тупыми ветрами.
И были многие в небесах,
Кто смеялся над этим.

* * *

Я стоял на высоком месте
И видел, как черти внизу
Бегали и скакали,
Погрызшие во грехе.
Один посмотрел вверх, ухмыльнулся
И произнёс: «Брат! Товарищ!»

* * *

На Небесах
Маленькие травинки
Предстали пред Богом.
«Что вы делали?»
И все травинки, кроме одной,
Охотно стали рассказывать
О заслугах своей жизни.
А одна стояла поодаль,
Устыжённая.
Но затем Бог спросил:
«А что делала ты?»
Маленькая травинка сказала: «О, Господи,
Память подводит меня,
И если я сделала что-то хорошее,
Я об этом не помню».
И тогда Бог во всём Своём блеске
Встал со Своего трона
И сказал: «О, наилучшая из травинок».

* * *

Однажды ко мне пришёл учёный.
Он сказал: «Я знаю путь – пойдём».
Я очень обрадовался.
Мы отправились без промедления.

Скоро, очень скоро, мы оказались там,
Где от моих глаз не было проку,
Я не знал путей, по которым шёл.
Я схватил моего друга за руку,
Но он закричал: «Я заблудился!»

* * *

Я видел, как человек гнался за горизонтом.
Так они и бежали по кругу.
Я встревожился.
Я обратился к нему:
«Это бессмысленно, – сказал я, –
Ты никогда...»
«Ты лжёшь», – прокричал человек
И устремился дальше.

* * *

Смотри: могила нехорошего человека,
И рядом с ней суровый дух.
Туда пришла скорбная дева с фиалками,
Но дух удержал её за руку.
«Ему никаких цветов», – сказал он.
Дева заплакала:
«Ах, я его любила».
Но дух, нахмуренно и сердито:
«Ему никаких цветов».
И вот –
Если дух прав,
Отчего дева плачет?

* * *

«Истина, – сказал путешественник,
Это скала, могучая крепость;
Я там часто бывал,
Даже восходил на высокую башню,
И мир оттуда казался мне чёрным».
«Истина, – сказал путешественник,
Это дыхание, это ветер,
Это тень, это призрак;
Я долго её преследовал,

Но не коснулся ни разу
Подола её одежды».
И я поверил второму страннику;
Ведь истина для меня –
Это дыхание, это ветер,
Это тень, это призрак;
И я не коснулся ни разу
Подола её одежды.

* * *

Смотри, из краёв далёких солнц
Я вернулся назад.
Вокруг меня копошились рептилии,
Иначе сказать, люди с гримасами
Застили всё своей чёрной завесой.
Я с отвращением сжался,
Ослабев от этого вида.
И я спросил его:
«Что это?»
Он ответил мне медленно:
«Дух, а ведь это мир;
И это твой дом».

* * *

Многие рабочие
Сложили большой шар
На вершине горы.
Потом они спустились в долину
И обернулись взглянуть на свою работу.
«Это величественно», – сказали они,
Им это нравилось.
Но он неожиданно покачнулся
И быстро покатился на них;
Он раздавил их до крови.
Но некоторые успели взвизгнуть.

* * *

Человек увидел в небе золотой шар;
Он стал подниматься к нему

И наконец дошёл:
Шар был из глины.
И вот какая странная штука:
Когда человек спустился на землю
И посмотрел опять,
Он там увидел золотой шар.
Вот какая штука:
Это был золотой шар.
Да, клянусь небесами, это был золотой шар.

* * *

Я встретил пророка.
Он держал в руках
Книгу мудрости.
«Господин, – я обратился к нему, –
Позволь мне прочесть».
«Дитя...», – начал он,
«Господин», сказал я.
Не думай, что я дитя,
Я уже знаю многое
Из того, что ты держишь.
Да, многое».
Он улыбнулся,
Затем он раскрыл свою книгу
И позволил мне посмотреть.
Странно, что я так внезапно ослеп.

* * *

Бледные молнии вспыхивали в облаках,
Гремели свинцовые громы.
Проповедник воздел свою руку:
«Слушайте! Слушайте! Голос Бога!»
«Нет так, – сказал человек. –
Голос Бога отдаётся шёпотом в сердце
Так мягко,
Что душа замирает
Бесшумно
И тянется к этим мелодиям,
Далёким, как самое лёгкое дыхание,
И всё сущее затихает, чтобы их слышать».

* * *

Я брёл по пустыне.
И я вскричал:
«Ах, Боже, забери меня из этого места!»
Голос ответил: «Это не пустыня».
Я вскричал: «Да, но:
Этот песок, эта жара, этот пустой горизонт!»
Голос ответил: «Это не пустыня».

* * *

Я был во тьме.
Я не видел ни своих слов,
Ни желаний моего сердца.
И внезапно вспыхнул великий свет –
«Помести меня назад в темноту».

* * *

Традиция, ты – для сосунков,
Ты – живительное молоко для младенцев.
Но нет в тебе мяса для мужчин.
И тогда...
Но, увы, все мы младенцы.

* * *

Много красных чертей
Вырвалось на страницу из моего сердца.
Они были такими мелкими,
Я мог давить их пером.
Они боролись с чернилами.
И было странно писать в этой красной жиже
О жизни моего сердца.

* * *

«Думай, как думаю я, – сказал человек, –
А иначе ты гнусная тварь,
Ты жаба».
Я подумал немного и сказал:
«Уж лучше я буду жабой».

* * *

Жил один человек –
Ох, такой мудрый!
И что он ни пил,
Везде была горечь.
Чего ни касался,
Везде был ожог.
Наконец он вскричал:
«Да нет ничего:
Ни жизни,
Ни боли,
Ни радости.
Нет ничего, кроме мнения.
И мнение – будь оно проклято!»

* * *

Глазом и жестом
Ты говоришь, что ты святой.
А я говорю, что ты лжёшь:
Ведь я видел, как ты
Отдёрнул свои одежды
От греха на руках
Маленького ребёнка.
Лжец!

* * *

Мудрец давал блестящий урок.
Перед ним две картинки:
«Вот это дьявол,
А это я».
Он отвернулся.
И хитрый ученик
Поменял их местами.
Мудрец повернулся обратно:
«Вот это дьявол,
А это я».
Ученики сидели и ухмылялись.
И радовались игре.
Но мудрец был мудрецом.

* * *

Когда-то я знал славную песню,
Это правда, поверь мне!
Эта песня была из птиц,
Я держал их в корзинке,
И когда я её приоткрыл,
О небо! Все они улетели прочь.
Я закричал: «Вернитесь назад,
Мельчайшие мысли!»
Но они только смеялись.
Они летели,
Покуда не стали как песок,
Разбросанный между мной и небом.

* * *

Не плачь, дева, ведь война добрая.
И когда твой любимый дико выбросил руки к небу,
И испуганный конь понёсся дальше один,
Не плачь.
Война добрая.
Хриплые, рокочущие барабаны полка.
Мелкие души, жаждущие сражения,
Эти люди рождены для муштры и смерти.
Неизъяснимая слава витает над ними,
Велик Бог войны, велик, и велико его Царство –
Поле, и в нём тысяча мёртвых.
Не плачь, дитя, ведь война добрая.
И когда твой отец рухнул в жёлтых траншеях
С яростным криком в груди, захрипел и умер,
Не плачь.
Война добрая.
Быстрое, пламенное знамя полка.
С орлом на древке, алое и золотое.
Эти люди рождены для муштры и смерти.
Укажи им доблести скотобойни,
Проясни им совершенство убийства,
Поле, и в нём тысячу мёртвых.
Мать, чьё сердце поникло, словно цветок,
Над ярким роскошным саваном сына,
Не плачь.
Война добрая.

* * *

Путник
Набрёл на тропинку к истине
И застыл в изумлении.
Вся она поросла травой.
«Ха, – сказал он, –
Я вижу, здесь давно уже
Никто не ходил».
А потом он увидел, что каждая
травинка как нож.
«Ладно, – пробормотал он, –
Должно быть, есть и другие дороги».

* * *

Когда пророк, самодовольный толстый мужчина,
Добрался до вершины горы,
Он воскликнул: «Увы, моё знание!
Я хотел увидеть хорошие белые земли
И плохие чёрные земли,
Но отсюда всё выглядит серым».

* * *

Человек обратился к Вселенной:
«Сир, я существую!»
«Однако», – отвечала Вселенная, –
Этот факт меня ровным счётом
Ни к чему не обязывает».

Перевод с английского Андрея Щетникова

ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ (1730 – 1774)

Оливер Голдсмит¹– английский прозаик, поэт и драматург ирландского происхождения, яркий представитель сентиментализма. Сын священника.

В 1744 году поступил в Тринити-колледж в Дублине. Его наставни-

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki>

ком был Тикер Уайлдер. В 1747 году вместе с четырьмя другими студентами он был исключён за бунт, в ходе которого они пытались штурмовать тюрьму Маршалси¹. В 1749 году Оливер окончил Тринити-колледж в Дублине, пытался продолжить медицинское образование в Эдинбурге. Не получив диплома, самопровозглашённый «доктор Голдсмит» отправился в путешествие по Европе, откуда в 1756 году прибыл в Лондон без гроша за душой и устроился помощником аптекаря, а затем школьным привратником. Его публицистические очерки в большом количестве печатались в лондонской прессе, однако среди множества начинающих авторов Голдсмита выгодно выделяли изящество и лёгкость слога.

Вечно в долгах и пристрастившись к азартным играм, Голдсмит проявил себя как отличный писатель. Социально-бытовые очерки с сатирическим подтекстом «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» (1762) принесли ему славу и позволили войти в кружок интеллектуалов во главе с Сэмюэлом Джонсоном, Эдмундом Берком и Джошуа Рейнольдсом. В 1764 году компания основала собственный клуб, среди девяти членов-основателей которого числился и Голдсмит. В том же году большой резонанс получила его поэма «Путешественник», сопоставляющая национальные обычаи и степень удовлетворенности жизнью в различных уголках Европы.

Привычка жить на широкую ногу втянула Голдсмита в долги, и он был вынужден зарабатывать составлением компилятивных историй Греции, Рима и Англии. В 1766 году он решился опубликовать написанный четырьмя годами ранее сентиментально-мелодраматический роман «Векфильдский священник», живописующий гонения добродетельного священника помещиком на фоне идеализированной сельской жизни. Роман имел грандиозный успех, и в 1770 году Голдсмит вернулся к его основным темам в поэтической антиидиллии «Покинутая деревня».

Последним крупным произведением Голдсмита был фарс «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости» (1773), не сходивший с английской сцены до самого XX века. Годом спустя 43-летний писатель скоропостижно скончался и был похоронен в церкви Темпла. Через 15 дней после его смерти в печати появилось «Возмездие» – серия сатирических портретов современников, облечённых Голдсмитом в форму шуточных эпитафий.

Со своим изрытым оспой лицом и даром острого слова Голдсмит всегда был предметом обсуждения и преклонения в лондонском обществе. Как

¹ Маршалси – тюрьма на южном берегу реки Темзы в Саутверке (ныне район Лондона). Начиная с XIV века, до закрытия в 1842 году в ней содержались находящиеся под трибуналом за преступления, совершённые на море, политические деятели и интеллектуалы, осуждённые за антиправительственную агитацию, а также (за что тюрьма и получила наибольшую известность) лондонские должники. (Прим. ред.).

азартный игрок и недалёкий острослов он выведен в босуэлловской «Жизни Сэмюэля Джонсона», который писал про него, что «нет человека более мудрого с пером в руке и более глупого при отсутствии оно́го». Более объективная характеристика содержится в биографии Голдсмита, написанной Вашингтоном Ирвингом.

ЭЛЕГИЯ

НА СМЕРТЬ БЕШЕНОЙ СОБАКИ

Один рассказ я вам припас
 (И, значит, не десяток).
Недлинен будет мой рассказ
 (И, значит, будет краток).

Когда-то в Айлингтоне жил
 Мужчина добрых правил:
Он век с молитвою дружил,
 (И, значит, Бога славил).

Врагу и другу доброту
 Дарил он без изъятья.
Скрывал он утром наготу
 (Надевши, значит, платье).

И в том же месте жил полкан,
 Обычная дворняга.
Он был задира и буян
 (И, значит, не скромняга).

Был светел путь их до поры,
 До чёрного момента,
Где пёс, повздорив, молвил: «Р-ры!»
 И – цапнул оппонента!

И стар и млад был удивлён
 И возмущён, к тому же:
«Рехнулся пёс, коль цапнул он
 Достойнейшего мужа!»

И реки христианских слёз
 Исторглись от кручины:

И клялся всяк, что бешен пёс
И что умрёт мужчина.

И только чудо из чудес
Остановило реки:
Для жизни славный муж воскрес,
А пёс – угас навеки!

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛУ ЭДВАРДА ПАРДОНА¹

Книготорговцев прокормил он тьму,
Они на нищем деньги наживали.
Даруй Господь вторую жизнь ему,
Бесценный дар он принял бы едва ли!

НА КОНЧИНУ МИССИС МЭРИ БЛЕЙЗ

Сегодня, дамы, господа,
Мои оплачут ямбы
Похвал не ждавшую, когда
Ей пели дифирамбы.

В нужде к ней обращались мы,
Её теплом согреты:
Она давала нам займы,
Заклад беря за это.

Она блистала красотой,
Нас это возвышало:
О, Мэри Блейз была святой,
Пока не согрешала.

В шелку, бывало, в храм войдёт,
Присев, молитве внемлет,

¹ Эдвард Пардон (1729–1767) – английский журналист и литературный переводчик. В 1744 г. поступил в Тринити-Колледж (Колледж Святой Троицы) в Дублине, который, судя по всему, не закончил. В колледже познакомился с Голдсмитом, и дружил с ним до конца жизни. Промотав родительское наследство, пошёл служить в армию рядовым пехотинцем. Позднее осел в Лондоне и занялся литературной подёнщиной: писал статьи для газет и делал переводы для книгоиздателей. Перевёл «Генриаду» Вольтера. (Прим. пер.).

И глаз, бывало, не сомкнёт,
Покуда не задремлет.

О ней красавцев легион
Мечтал, как о награде.
Король за нею шёл, коль он
Оказывался сзади.

Богатство – где оно сейчас?
Красавцы – где они-то?
Лишь доктор молвил: «Всё, я – пас,
Комедия – финита!»

Затем-то и скорбит народ
И вся Кент-стрит в унынье,
Что, проживи она хоть год,
Не умерла бы ныне!

НА ПРЕКРАСНОГО ЮНОШУ, ОСЛЕПШЕГО ОТ ВСПЫШКИ МОЛНИИ

Судьба была к красавцу благосклонна,
Был к избранным красавец отнесён:
Он стал слепым, подобно Купидону,
Но от судьбы Нарцисса был спасён!

НАДЕЖДА

Живём Надеждою, доколь
Выносим груз невзгод.
Нам перед смертью даже боль
Надежду подаёт.
Надежда освещает путь,
Как тонкая свеча,
И чем темней ночная муть,
Тем ярче свет луча.

Перевод с английского Евгения Фельдмана

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ. БАСНИ

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН (1621 – 1695)

Жан де Лафонтен¹ (de La Fontaine) – знаменитый французский баснописец. Он родился 8 июля 1621 в Шато-Тьерри в Шампани, умер 13 апреля 1695 в Париже.

Всемирную известность Лафонтен приобрел своими баснями; в них он – в противоположность всем предшествовавшим баснописцам – отнюдь не имел исключительную целью проповедовать ту или другую мораль. Во многих из его басен практическое применение морали оказывается даже невозможным, очень часто он просто изображал с удивительным мастерством самые разнообразные явления человеческой жизни, нисколько не думая о каких бы то ни было моральных уроках. Сфера, в которой он жил и вращался, при его тонкой наблюдательности, давала ему обильный и благодарный материал.

Отличительные черты его творчества – естественность и простота, под которой лежит юмор, проявляющийся часто в лучшем значении этого понятия; способность изображения у него так сильна, что во многих баснях он одним стихом, одним словом, рисует всю фигуру человека или животного (под которым, конечно, тоже подразумевается человек), нередко и целое положение. Огромным количеством примеров можно бы без труда доказать, что это был действительно поэт, в произведениях которого жизнь и правда развертываются в богатом изобилии. Правда, избранная им область басни узка и сравнительно незначительна, но в ней Лафонтен до сих пор занимает первое место.

Сюжеты многих басен Лафонтена использовал великий русский стихотворец И. А. Крылов.

ГОРА В РОДАХ²

По прихоти природы
Случились у Горы однажды роды:
Ее стенанья сотрясали тишь,
Боялись люди грозного приплода –

¹ <http://rushist.com/index.php/literary-articles/3322-lafonten-zhan-kratkaya-biografiya>

² Из басен Федра и из «Науки поэзии» Горация. Эту басню переводили А. Сумароков, М. Муравьев, Д. Хвостов и другие. Настоящий перевод выполнен в феврале 2018 года и не публиковался. (Прим. пер.).

Куда огромнее, чем наш Париж!
Но что громада выродила? – Мышь...

Припоминая басню эту,
Ты в ней не только ложь,
Но истины зерно найдешь:
Я думаю, Гора сродни Поэту,
Что раззвонил по белу свету –
Мол, Громовержца мощь я воспою,
Что всех Титанов разразил в бою,
Смутьянам отомстив за дерзновенье.
Но похвальба еще не исполненье;
Что наконец Пиита сотворил? – Да так –
Пустяк...

ДВА БЫКА И ЛЯГУШКА

Однажды два быка сразились меж собой
За то, кому из них достанется Телушка.
Увидев их свирепый бой,
Вздохнула тяжело Лягушка.
– «Что с вами?» – обратилась к той
Её горластая подружка.
– «Увы! Удел наш предрешен! –
Квакушка отвечала в горе, –
Тот, кто одержит верх в кровопролитном споре,
Изгонит с пастбища того, кто побеждён,
И он среди болот, в осоке воцарится
И передавит всех лягушек до одной.
Расплачиваться нам за этот страшный бой,
А кто тому виной? Демуазель Телица!» –
То вещей страх, как видно, был:
Поверженный боец среди камышей укрылся,
И квакающий клан жестоко поплатился –
Лягушек новый царь по двадцать в час давил.

Как часто видим мы, к несчастью,
Мученья малых сих под неразумной властью!

ЛАСКА В АМБАРЕ

Дворянка Ласочка – худа, гибка, длинна –
Сквозь узенькую щель пролезть в амбар сумела:

От хвори только что оправилась она.
В амбаре Ласочка, не зная сыти, ела
И округлилась, раздобрела,
Дородна стала и жирна,
А сколько истребила сала!
Но Ласке всё казалось мало;
Уж затерялся нос промеж раздутых щёк,
Разбухло и брюшко – что вдоль, что поперёк,
Так, обжираячись, она в конце недели
Заслышала шаги – и ну скорее к щели!
Ан нет, не выбраться: как видно, щель не та;
Другие обежав места,
Решила Ласка: – «Здесь прошла я, нет сомненья,
Дней пять тому назад; я, право, в изумленье!» –
Тут Крыса обратилась к ней:
– «Вы были в талии тогда чуть-чуть стройней;
Худышкой вы вошли, худышкой прочь уйдёте;
Бывало так и у других,
Но что за дело вам до дел чужих,
Покуда вы своих не разберёте!»

СКУПЕЦ, УТРАТИВШИЙ СВОЁ СОКРОВИЩЕ

Расходовать добро – и значит им владеть;
Хочу спросить людей, чья страсть одна – радеть
О накоплении: стяжать, сгребать горстями
Монету: чем они счастливее меж нами?
За гробом Диоген подобно им блажен,
А в мире сём скупец живёт, как Диоген.
Эдип нам рассказал о богаче и кладе,
Мы перескажем, пользы ради.

Второй ли жизни ждал
Наш горемыка, чтобы жить богато?
Он златом не владел, но им владело злато.
Своё сокровище он в землю закопал
И до того над ним дрожал,
Что стало злато для него священным
И неприкосновенным.
И что ни делал он – ел, пил или гулял,
Он об одном лишь помышлял:
О тайнике своём, от света сокровенном.
Так часто он то место посещал,

Что некий землекоп смекнул, в чём дело,
И клад немедля откопал.
Но вот скупец открыл, что клетка опустела,
Не взвидел света он – и ну вопить, рыдать,
И бесноваться, и стенать!
Один прохожий захотел узнать,
Что за напасть беднягу одолела.
– «Увы, украл моё богатство тать!» –
– «А где хранили вы его?» – «Под камнем, в яме». –
– «Уж не война ли грянула над нами?
Хранить в земле богатство смысла нет:
Куда удобнее ваш дом и кабинет,
А вы своё добро сослали столь далёко:
Вы, право, поступили с ним жестоко.
Притом, будь золото под рукой у вас,
Оттуда черпать вы могли бы что ни час». –
– «О, боги! Что ни час, проматывать без толка!
Недолго всё спустить, копить же – ох, как долго!
Нет, клада я не смел и тронуть никогда». –
– «Но объясните мне тогда:
Коль денег вы из тайника не брали
И от богатства проку не видали,
То здесь оно иль нет – какая вам беда?
Вложите камень вновь туда, откуда взяли,
И заживёте, как всегда».

КОТ И КРЫСА

Четыре твари – Крыска-Зерногрызка,
Кот-Живоглот, разбойница Сова
И Ласка, чей корсаж посажен слишком низко,
Все лиходеи, как гласит молва,
Частенько прятались в тени сосны дуплистой.
Однажды человек к сосне пришёл
И окружил сетями ствол.
Вот на рассвете Кот, охотник истый,
Спешил на ловлю, но во мгле тенистой
Не смог ловушки разглядеть
И угодил, бедняга, в сеть,
И ну вопить! Тут Крыса подбегает;
Котище чует смерть; но Крыса отмщена
И ликования полна:
Ещё бы – злейший враг в тенётах погибает!

Взмолился Кот: – «Любезный друг!
Ты бескорыстной добротой
Давно известна всем вокруг;
Так вызволи меня, пусть я того не стою!
Ведь я по глупости в ловушку угодил!
Из вашей братии я лишь тебя любил,
Оберегал и чтил глубоко,
Ты мне дороже, чем зеница ока.
Как благодарен я за твой приход богам!
Привыкнув возносить молитвы по утрам,
Я собирался помолиться сам,
Да вот – мешает сеть! Сними с меня тенёта,
Мне смертью угрожает плен». –
– «А что я получу взамен?» –
Спросила Крыса Живоглота.
– «Мой друг, я заключу союз
На веки вечные меж нами,
Клянусь, что святость наших уз
Я стану защищать когтями;
Поверь – я за тебя готов
Восстать на всех твоих врагов:
Перекушу я горло Ласке,
Да и Сова дождётся таски
За подлые свои дела:
Они тебе желают зла». –
– «Освободить тебя? – спросила Крыса хмуро.
– Ещё чего! Я не такая дура». –
И Крыса потрусилась в свой приют.
Глядит – а Ласка тут как тут.
Метнулась Крыса вверх – Сова кружит над нею:
Куда ни кинь – беда, одна другой страшнее;
Тут Зерногрызка бросилась к Коту
И стала петли грызть – сначала ту,
Потом другую, сети распустила
И лицемерного Кота освободила.
Тут ловчий подоспел – и со всех ног
Союзники пустились наутёк.
Но вскоре Крысу Кот заметил в отдаленье
И говорит: – «Сестра! Приди меня обнять!
Как! Ты не веришь мне? Да это оскорбленье –
Союзника врагом готова ты признать?
Забуду ли, как ты пришла мне на подмогу?
Тебе я жизнь обязан, словно Богу». –

Она ему в ответ: – «А мне ли позабыть
Кошачий нрав? Ну, нет! Не верю я союзу;
Долг благодарности Коту всегда в обузу.
Насильственный союз – что хуже может быть?»

АНТУАН ФЮРЕТЬЕР (1619 – 1688)

Известен как автор «Мещанского романа», примечательного «Всеобщего словаря» (за который завистливые коллеги изгнали его из состава Академии) и сборника «Нравоучительные басни». В баснях Фюретьера¹ широкий охват современных нравов сочетается с размышлениями об универсальных свойствах человека. Выводы писателя столь же мрачны, что и в «Мещанском романе». Но одновременно в некоторых баснях звучит хвала труду как основе нравственности. Басня, названная писателем «средоточием почти всей мудрости народов», открывала перед Фюретьером перспективы художественного освоения действительности, какого не удалось ему достичь в романе.

ПРО ФИЛОСОФА И ЕГО ОГОРОД

Один Философ обучал морали,
Но лекции пошли ученикам не в прок;
Тогда на тех вещах, что все прекрасно знали,
Решил он им наглядный дать урок.
Имел он огород, где тщательность ухода
Стократ улучшила, что создала природа,
Там редкая царила чистота,
Дивились стар и млад: какая красота!
Там по ранжиру выверены грядки
Линейкой и натянутым шнурком,
Там лук, салат, щавель, петрушка с чесноком
Растут в обдуманном порядке,
Их идеальный вид
И взоры веселит, и дразнит аппетит.
Но вдруг с Философом случилась перемена:
Забросил он плоды своей земли,
И мысли, и душа от прежних дел ушли,
Над чем трудился он самозабвенно,
Отныне им забыто и презренно.
Лопату с лейкою он в руки вновь берёт:

¹https://classlit.ru/publ/zarubezhnaja_literatura/drugie_avtori/antuan_fjurer_obzor_tvorchestva_pisatelja/62-1-0-472

Теперь чертополох, крапива и осот –
Предмет его забот,
Он прилагает все старанья
Для роста их и процветанья,
Дурной траве своё искусство отдаёт.
– «Знать, в Царство Дураков учитель наш собрался» –
Смеются юноши Философу в упрёк.
– «Я был бы глуп, как вы, когда б урок
Вам преподать не постарался;
О чём заботитесь вы менее всего?
О том, чтобы взрастить любовь друзей надёжных,
Они вам подарят душевное родство
И помощь подадут в годину бед возможных.
А вы, заботу о друзьях презрев,
Печётесь о любви пустоголовых дев,
Но каковы плоды стремлений ложных?
Тот плод, что ныне вас манит,
Шипом смертельным уязвит».

Мораль

В чём басни сей нравоученье?
А в том, что дружбу мы оберегать должны:
Она – как нежное растение,
Которому и зной, и холода страшны;
В надёжной дружбе нет обмана,
Но как уверимся мы в ней,
Коль сами ежечасно, неустанно,
Не будем пестовать друзей!

А. НОДЕ

(Предположительно конец XVII – начало XVIII века)

ВАСИЛЁК

– Родных полей простой цветок,
Чей венчик окропили росы,
Твой аромат меня привлёк,
А прежде ты ничем не пахнул, василёк,
Открой мне, в чём секрет твоей метаморфозы?
– Младая Хлоя в свой букет,
Жасмины потеснив и розы,
Взяла мой безуханный цвет;

Оставь напрасные расспросы –
Ты понял сам, в чём тут секрет:
Когда ты окружён достойными друзьями,
И сам украсишься неожиданными дарами.

ШКОЛЬНИК, ПЧЕЛА И ПОЛЫНЬ

– Что ищешь ты среди бурьяна? –
Спросил ленивый Ученик
У Пчёлки, что трудилась рьяно,
Не прерываясь ни на миг.
– Я собираю мёд. – Ты шутишь? Мёд с Полыни!
– Но так и есть. – Пчела, не смейся надо мной!
Так значит, понапрасну ныне
Ты тратишь дар чудесный свой!
– Узнай же, мальчуган: кто ленится в ученье,
Тот истины простой вовеки не поймёт –
Трудом даруется уменье;
Так, горечь сорного растенья
Я превратить умею в мёд –
Он сладок, словно взят у розы;
Поверь, усердный труд творит метаморфозы!
Запомни крепко мой сегодняшний урок:
Лентяю горек труд, как сей полынный сок;
Для шалолая труд – мучение и скука;
Но тот, кто лень свою усердьем превозмог,
Вкусит сладчайший мёд: его дарит наука.

САДОВНИК, МАЛЬЧИК И ДИЧОК

Бездумный Мальчуган, что для детей не диво,
Расспрашивал Садовника пытливо:
– Скажи мне, добрый Жан, всю правду мне открой –
Чем эта яблонька виновна пред тобой,
За что её терзаешь ты жестоко?
– Я, сударь мой, ей делаю привой,
Дабы её плоды, утратив горечь сока,
Пленяли сладостью одной,
Чего и ждёт от них природа;
Деревья вроде нас самих:
Без попеченья, без ухода
Дождёшься ли добра от них?
Нет! Будем выпрямлять кривых,

Всё лишнее срезать (я, сударь мой, прощенья
Прошу за эти рассужденья,
Но сад – лишь воспитанья результат).
– Нет, Жан, твои слова меня не убедят!
Тебя послушать – Провиденье.
Что нам даёт плоды, питающие нас,
В твоих руках нуждается сейчас,
И ты в ответе за плодоношенье?
Ты сомневаешься в небесном попеченье
И говоришь, как все педанты говорят!
Все воспитатели нас донимают скукой,
Без толку изводя наукой
Ты – яблони, а те – ребята.
– Отлично, сударь мой! Как вы красноречивы –
Ну, право, чистый Цицерон!
В награду вам даю, сердечно восхищён,
Плод этого Дичка, что разум ваш пытливый
Столь пылко защищал в горячности молодой. –
Альфред кусает плод румяно-золотой,
Но горечь вкупе с кислотой
Открыла мальчику его же сумасбродство.
Так преподавал ему Дичок простой
Урок о пользе садоводства.

Пора плодоношения близка;
Не забывай, Альфред: ребячьи недостатки –
Зазнайство неуча и дерзкие повадки –
То яблочки от моего Дичка.

/Из кн.: «Поэты Франции в переводах Майи Квятковской», Санкт-Петербург, изд-во «Знак», 2013./

Перевод с французского Майи Квятковской

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ
(1814 – 1841)

МЦЫРИ

В 2021 году исполняется 180 лет со дня смерти великого русского поэта – Михаила Юрьевича Лермонтова. В этом выпуске журнала «Пере-

водчик» мы завершаем публикацию поэмы автора «Мцыри» в переводе на английский язык молодой Забайкальской переводчицы – Екатерины Коржовой¹.

24

Thus, I by one of you was seen...
And all the rest you know yourself.
I've stopped now. Trust, don't be so deaf!
Or no, don't trust me, ne'er mind.
For me the only grief can bind:
My corpse, congealed and numb, is doomed
To NOT in native soil be tombed,
And all the story of my pain
Amid deaf walls will sob in vain,
For none will take the mournful wine,
Bewailing somber name of mine.

25

Now vale, father! Touch my face,
And you will sense that it's ablaze...
Know, that since birth this flaming shine
Could, hiding, live in breast of mine;
But now its pabulum is drained,
Its jail's enough with it sustained,
It comes again to Someone Saint,
Who, while we stand in lawful queue,
Gives pain and peace to me and you...
But what of this? – in Eden's strand,
In saint's, empyreal land
My soul will find its placid nook...
Alack! – instead I wish I took
The trice when, blithe in somber cliff
I, when a boy, met each my eve –
If only could – I would retrieve...

26

Before I soar to Heaven's gate,
And you won't have to long await,
Prithee, fulfil my last behest:
Mind orchard, where effloresced
The twain acacia's bushes white...

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 16, 2016. СС. 75–79. (Прим. ред.).

The grass 'tween them's so thick and tight,
Crisp balmy air is so sweet;
So hyaline, with sun's gold lit
Are sparkling leaves, in umbrage hid!
Grant me this place before I'm tombed.
The day, with azure beam illumed,
Then to the lees to drain I'm keen.
And thence the Caucasus is seen!
Perhaps, this mountain from His height
Will greet at parting, will invite,
Invite to drink the balmy breeze...
Before the end comes in and frees,
I'll catch again my precious tone!
As if some crony of my own
Or brother would above me bend,
And wipe with his caressing hand
Congealing sweat off my dead face,
As if he softly croons and prays
To me about my darling land...
Of this convinced, I'll meet my end,
And none of you I shall make damned!..."

Перевод с русского на английский Екатерины Коржовой

ЕЛКА НЯГОЛОВА (род. в 1952 году)

От переводчика. Об одном из самых известных авторов современной болгарской литературы можно коротко сказать так.

Поэт, издатель, переводчик, беллетрист, составитель многочисленных поэтических антологий. Перевела на болгарский язык сотни стихотворений русских поэтов (о переводах с других языков умолчим, их также сотни). Создатель и первый председатель международного творческого объединения «Славянская литературная и художественная академия». Главный редактор журнала «Знаки». Директор Международного фестиваля поэзии «Славянское объятие». Действительный член Академии российской словесности. Автор более 30 книг, среди которых 11 изданы за границей. Лауреат более 15-и национальных наград, а также литературных премий в России, Сербии, Черногории, Польше, Великобритании, Латвии, в Республике Сербской.

А можно и так, переведя её короткое стихотворение в прозе.

«Я посадила бересклет и две берёзы.
Я сына родила и воспитала, и в него вдохнула душу.

Я купалась в мужской любви: любимый, сын и два замечательных внука!
Я подарила родному городу фонтан для возрождения.
Я любила своих друзей и близких до самозабвения и посвящала им себя.
Я шла за поднятым флагом, а не за брошенной костью.
Я разбросала по миру как одуванчики свои слова и стихи.
Я отдавала всё, не ожидая получить хоть что-то...
СПАСИБО, Господи, за твою щедрость!»

ДЫХАНИЕ АКАЦИИ

Вся в паутине страдости
Средь календарных знаков,
Липкая вся от сладости:
Кипенью вдоль буераков.

Гроздья слетают волнами
В грусть моего пространства,
Прозой безумной полные,
С листьями окаянства.

Белые гроздья в памяти
Змеем воздушным прынут.
Где-то в небесной замяти
На облаках застрянут.

Детский мой змей, мечтающий
Под аромат акаций,
Где, в небеса взлетающий,
Можешь не приземляться!

С неба машу. Сумей-ка ты
В сны стариков как гостья.
Вон они над скамейками:
Белых акаций гроздья!

Запах – повсюду вроде он.
Рай, а не просто родина!
Срезал отец их прядки мне,
Буду теперь украдкою
Грызть эти гроздья сладкие.

СНЕГА ВО МНЕ

Без края Ты его сквозь сито сыпешь, Боже...
Мир предрождественский всё так же нем.
Его дыханье ощущаю всею кожей,
Как век Любви не ведала совсем.

За годом год пришлось простому люду
Идти к высотам мнимым. Вот и – край.
Смотри, стервятники расселись повсюду,
И ждут, когда отринем мы свой рай...

Тьма на снегу, победу ль мы пророчим
В сражении тяжёлом ночью, днём.
Сухую шелуху в пещере топчем,
Но если нет любви, всё скрыто льдом.

О птицы хищные! Пока что не украли
Рай наших душ и рай страны моей...
В сердцах у нас снега, и вот мы перестали
Чужую боль воспринимать своей.

Мария, бедная – ужель поверить сможет,
Что Сына Своего отдаст нам вновь?
Так бесконечно долго здесь Его тревожат,
Найдёт ли новых сил Её любовь?

Вот дерево, одно перед пещерой,
Склонясь в молитве, закрывает вход.
Господь ему насыпал верной мерой:
Гнездо в ветвях и жёлтый спелый плод.

Я тоже такова. Утихли звуки.
То – «Отче Наш», хлеб, испечённый мной.
А за окошком снега жаждут внуки,
Чтобы свой путь прорисовать домой...

Перевод с болгарского Ивана Белокрылова

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

От переводчика. Вновь предлагаю читателям несколько новых переводов стихотворений Кристины Д. Россетти. Думаю, что живительная сила её таланта, как чистейший лесной родник, дарит новые силы и пробуждает добрые чувства в каждом, кто соприкасается с творчеством этого неповторимого поэта.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ

В середине суровой зимы
Ветер стонал. В холода
На железо земля походила
И на камень – вода.
Снег падал и падал стеной,
Падал стеной.
В середине суровой зимы,
Давней порой.

Наш Господь, – Его удержать не смогло
И небо; земля не спасла Одного.
Исчезнет земля с небесами,
Когда будет царство Его.
В середине суровой зимы
Ему хлев достаток принёс.
Господь Всемогущий,
Иисус Христос!

Всего оказалось в достатке Ему:
Обожал Херувим, летая;
Мать кормила своим молоком;
И сена для сна хватало.
Всего оказалось в достатке. Над Ним
Ангелы крылья склоняли;
Бык, осёл и верблюды –
Все Его обожали.

Архангелы, Ангелы – им
Вместе бы здесь собраться
С Херувимом и Серафимом,
Заполнить вокруг пространство.

Но только безгрешная Мать
В блаженстве главу наклонила,
И Сына она
Поцелуем почтила.

- Что я могу Ему дать,
Когда я совсем бедна?
Была бы я пастухом,
То ягнёнка б Ему принесла.
Была бы я мудрецом,
То сделала бы, что можно.
И всё-таки, что я смогу отдать?
Сердце своё, как и должно.

ПРИШЕСТВИЕ

Земля постарела слегка.
В недрах холодных созрела
Стихия огня, что уже к нам близка;
Земля постарела.

Знать живущим земля повелела:
Миллионы лежат в её складках. Века
Заполнят их до предела.

Когда пламя прорвётся издалека,
В обновлении жизнь возродится смело?
Земля, земля, твой холод острый пока;
Земля постарела.

РАССТАВАНИЕ

Расставание за расставанием,
Сердце терзают муки;
И встреча туманит печалью
В предчувствие скорой разлуки.
Когда день настанет иной,
Не будет разлук никогда?
Когда встретит новая нас
Без моря и бури земля?
Где время над нами не властно,
Там царствует вечность одна?..
Жить будущей встречей, как счастьем,

С надеждой в свой срок умирать.
Пусть пока – расставанье; для счастья
В радости боль забывать,
Чтобы потом повстречаться
И больше не разлучаться.

Из «СПЕТЫХ ПЕСЕН»

* * *

Надежда, что колокольчик, от рожденья дрожит.
Любовь, как дивная роза, – на радость земле её жизнь.
Вера подобна лилии, высоко вознесённой.
Любовь подобна розе, на радость миру рождённой.

Колокольчик, сладкие лилии – без шипов растут все,
Но колючая роза превосходит их всех.

* * *

Папа и мама есть у ребёнка –
Богатый младенец мой.
Без папы и мамы – иные; знать горько,
Что мамы не будет другой;
Беден ребёнок такой.

* * *

Снег лежит на полях;
За городом в домике холодно.
Я горячей едой у камина
Утоляю свой голод.

Уютно в одежде моей,
Тепло хранят мягкие складки;
И мне очень жаль бедняков,
Которым в морозы несладко.

* * *

Если б всегда шли дожди и не было солнца,
Холм солнце бы не озаряло.

Если б всегда было солнце и не шли бы дожди,
Небо радуго бы не рождало.

* * *

На берегах травянистых
Ягнята резвятся шерстистые;
Шерстистые братья и сёстры
Прыгают, ног не жалеют;
Наблюдая за ними, шерстистая
Мама тихонечко блеет.

* * *

- Кукареку! Кукареку! -
Петух на рассвете поёт.
- Кикирики! Кикирики!
Розы ждут солнца восход.

- Кукареку! Кукареку! -
Ранних птиц голоса по утрам.
- Кикирики! Кикирики! -
Спешит день, денёчек к нам.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

ЦЫБИГМИТ ДАМДИНЖАПОВА (род. в 1956 году)

Цыбигмит Дамдинжапова¹ – лауреат Алтарганы – 2006, лауреат 16 конференции молодых писателей Бурятии (1996 год), лауреат премии Цыдыпа Жамбалова (1997 год), ведущая программы «Заншалай зула» на телеканале «Мир Бурятия», отличник народного просвещения РСФСР.

Поэтесса родилась в 1956 году в селе Цаган-Ола Могойтуйского района Читинской области. Окончила Агинское педагогическое училище. С 1977 года работала методистом в районном Доме культуры посёлка Агинское. С 1987 по 1997 годы работала учителем начальных классов и учителем бурятского языка и литературы Агинской средней школы № 1. С 1997 по 2002 годы работала корреспондентом и заведующей литературным отделом

¹ <https://www.baikal-daily.ru/news/16/194591/>

всебурятской еженедельной газеты «Толон».

Её стихи изданы отдельными сборниками «Нангин зула», «Вечный свет», которые так же вошли в сборники «Ветер Востока», «С родников начинаются реки большие», 5-томник писателей Аги, 15-томник писателей Бурятии.

С 2002 по 2012 годы Цыбигмит Митуповна была руководителем этнокультурной студии «Сэргэ» в городском дворце детского (юношеского) творчества. С 2014 года является консультантом и ведущей передачи «Заншалай зула» на телеканале «Мир – Бурятия».

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Не только в подлунном мире
всё бренно и нет постоянства.
Вон блещут, лучатся звёзды –
свет звёзд, отгоревших раньше.
И чёрного неба кометы –
осколки планет погибших –
Расчерчивают пространство...
И, право, немного странно,
Когда человек, живущий
какой-то лишь миг ничтожный,
Клянётся в такой вот вечер,
Клянётся всерьёз, не ложно
В любви бесконечной, вечной.
Всё бренно...
А так ли это?
Я голос твой нежный слышу –
И кажется мне, планеты
погасшие воскрешают –
Мерцают, смеются, дышат...
И люди стихи там пишут,
В любви друг другу клянутся,
сердцами соприкасаясь.
Всё бренно...
Неправда, милый.
Твои обнимаю плечи,
Твоей наливаюсь силой.
Скажи ещё раз, любимый:
– Люблю навсегда...
Навечно.

Тепло и тихо.
Дремлют облака,
В воде хрустально-чистой отражаясь.
Спокойный день
Спокойная река.
И я покоем этим наслаждаюсь.
У ног моих рыбёшек суета.
Они как дети.
Мир их полон света.
Уносит плавно лёгкая мечта
Меня в моё безоблачное детство.
...Вот девочка склонилась над водой,
Смывает пыль с набегавшихся ножек.
У девочки и папа молодой,
И мать меня сегодняшней моложе.
В глазах девчушки радость бытия.
К ней боль утрат ещё не прикоснулась.
Та девочка...
Конечно, это я
Сама к себе из детства вдруг вернулась.
– Иди ко мне, – я руки к ней тяну, –
Хотя б на миг, всего на миг единый.

...Но убегают рыбки в глубину.
В ладонях мокрых – камешки и тина...

Окружили заботы,
Разных дел суета...
Может быть, оттого-то
И в душе маята.
Вот, решила – присяду,
Рассужу... Уложу...
И душе – «Всё в порядке,
Успокойся», – скажу.
Но напрасно старалась – отрешенности нет.
Мысль, как птица, металась
Меж забот и сует.
Мир огромный, жестокий
Встал в душе на дыбы.

Стихотворные строки –
Отраженье судьбы.

На уступе скалы
Одиноко рябина растёт.
(Ни воды, ни земли),
Ледяное дыхание гор),
Расцветает весной,
А осеннее время придёт –
На уступе скалы
Золотой полыхает костёр.
Человека судьба
Не всегда благосклонна к нему.
Может вдруг приподнять.
Может вдруг неожиданно смять.
Может вдруг одарить.
Может бросить в крошечную тьму...
Только ей наше право цвести и гореть
Не отнять.

Отнюдь не горжусь собою,
Житейские вихри-волны
Играют моей судьбою.
Я их подчиняюсь воле.
Легко поддаваться ветру.
Пенять на погоду просто.
Приятно мечтать, что где-то
Есть твой благодатный остров.
Вот сжались волны-вихри –
Отпрянут и в даль умчатся.
Лишь стоит на берег выйти –
И сразу же в руки – счастье.
Но хватит пустых иллюзий,
Несбыточно-сладких планов,
Ведь с ними в житейской луже
До старости можно плавать.
Давай, океан, поспорим,
Хотя ты силён, бездонен.

Нет паруса – есть упорство.
Нет вёсел – крепки ладони.

Душа моя, пора бы о разладе
С тобою нам давно уже забыть.
Дорог неторных больше мне не надо.
Да здравствует спокойный, тихий быт!
Устала я бороться беспобедно
За справедливость призрачных идей.
Устала я делить чужие беды,
Хочу любить себя, а не людей.
Хочу, чтоб в доме были днём и ночью
Закрыты двери, состраданию – ша!
...Не злись, душа, – шучу, шучу...
А впрочем –
Спасибо, непокорная душа!

ОСЕННИЙ ПОЖАР

Листья кружатся,
Грустно шурша,
Опадая.
По осеннему лесу
Иду я одна,
О тебе вспоминая.
Разгулялся осенний пожар –
На деревьях играет,
Сердце пламенем сжал –
Это наша любовь догорает...
Первый лёгкий мороз
Пробежал по опушкам.
Холодок моё счастье унёс –
Остудил твою душу.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Вслед за светлым солнечным днём
Чёрным призраком ночь крадётся.
Грянет срок – и мы все умрём,
Путь наш бездною оборвётся.
Эта мысль, как удар топора,

Обрубила мои стремленья.
И убил лёгкий взмах пера
Недописанное стихотворенье.
Для чего всё это вокруг –
Страсти, поиски, травы, птицы, –
Если смертью когда-то вдруг
Круг наш жизненный завершится?...
Но смывается ночи тень,
Расправляются грудь и плечи,
И шагаю я в новый день,
Будто в солнечную бесконечность.

Мелькнуло слово искрой и погасло
За травами, за гребнями тайги.
И я уже который день напрасно
Ищу его среди тысячи других.

Казалось бы, ну что же здесь такого –
Возьми другое иль подправь слегка.
Но без того, ненайденного, слова
Не оживёт, не зазвучит строка.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

МЭРИ ХАУИТТ (1799 – 1888)

Мэри Хауитт¹ – одна из самых изящных, многогранных и плодовитых английских писательниц первой половины 19 века. Она родилась 12 марта 1799 года в Колфорде, Форест Дин¹. Родители Мэри были членами религиозной группы «Общество Друзей»², к которой обе семьи принадлежали с давних времен.

¹ Форест Дин (The Forest of Dean) – лес Дин, является древнейшим лесом Англии и одновременно это историческая и географическая область в графстве Глостершир, Англия. Лес имеет форму треугольника и простирается от реки Уай на севере и западе, реки Северн на юге и города Глостер на востоке. Площадь области 110 кв. км. Большая её часть покрыта лесом. Через него проходит граница между графством Глостершир и Уэльсом. (Прим. пер.)

² «Религиозное общество Друзей», квакеры (англ. *Religious Society of Friends*) – изначально протестантское христианское движение, возникшее в годы Английской революции (середина XVII века) в Англии и Уэльсе. Датой возникновения квакерства обычно

Её отец, Самюэл Ботэм, занимался бизнесом по обработке железа, но не преуспел в этом. Вскоре после рождения Мэри, когда дела приняла совсем безнадежный оборот, он вернулся в Уттоксетер, где прежде жил и, в конце концов, был назначен властями земельным инспектором в Нидвуде, графство Стаффордшир. Именно с этим краем ассоциируются первые отчетливые воспоминания Мэри Хауитт. Отец частенько брал детей с собой на обходы территории и, таким образом, даже в раннем детстве Мэри познакомилась, как она сама говорила, с «духом природы».

О некоторых из этих прогулок у Мэри сохранились яркие воспоминания. Именно во время одной из таких прогулок к ней пришло отчетливое осознание того, что она способна размышлять. Ей тогда было лет пять-шесть. Она говорила: «Я очень хорошо помню новый свет, новую радость – сокровища, которые отныне мне принадлежали». В доме царил покойствие, дети жили в изоляции и были предоставлены сами себе. Таким образом, природа давала возможность освобождения от интроспекции. Мэри начала обучаться чтению в раннем возрасте. Уроки давала мать, в том числе и уроки Закона Божьего <...>.

Некоторое время у детей была гувернантка Мэри Паркер, набожная женщина, которая тоже принадлежала к «Обществу Друзей». Вскоре девочек отправили в школу в Йорк, где царили исключительная строгость и педантизм. По словам Мэри, Анна взяла с собой «Гимны» Миссис Барбо, поскольку её воспевание Творчества и Природы было для девочки особенно близко, но когда она захотела почитать об этих порывах благодарного и восторженного сердца, то тщетно пыталась найти эту книгу среди вещей в своем сундуке. Её потихоньку изъяли учителя. Одним из немногих удовольствий школьной жизни было то, что у каждой девочки имелся свой небольшой садик, в котором они могли выращивать цветы. Мэри Ботэм очень любила свой уголок, но она не могла проводить там столько времени, сколько хотела. «Я испытываю, – говорила она, – какое-то нежное чувство сострадания к себе и Анне, когда вспоминаю, как мы всегда стремились к прекрасному и искали красоту, хотя мы ничего не знали об искусстве».

В 1817 году, вскоре после окончания школы, Мэри встретила Уильяма Хауитта в доме своих друзей в Лесестере. Они испытывали взаимное притяжение вследствие общих интересов, симпатий и устремлений. 10 апреля 1821 года молодые люди поженились и обосновались в Хенли, Стаффордшир, где Уильям занимался бизнесом. Одним из самых примечательных событий в начале их семейной жизни была поездка в Шотландию, которая произвела на них неизгладимое впечатление.

Природная склонность к литературе каждого из супругов особенно обострилась благодаря их близкому общению. Результат сказался не только

считают 1652 год, когда Джордж Фокс впервые выступил с проповедью, посвященной жизни в соответствии с «Внутренним светом», то есть непосредственное обращение к Богу без религиозных символов, духовенства и других церковных форм. (Прим. пер.).

в разнообразных и многочисленных художественных произведениях, но и в примерах счастливого и успешного творчества¹, раскрывающего особенности их писательского дара в этом счастливом союзе.

Не часто можно встретить пару, которая в течение столь долгой жизни работала бы более кропотливо и успешно вместе, с меньшими потерями для индивидуальности каждого из них.

В 1824 году семья Хауиттов переехала в Ноттингем и жила там до 1836 года. Они не только продуктивно работали на литературном поприще, но также активно участвовали во многих общественных и филантропических движениях.

В 1827 году вышел в свет их первый совместный поэтический сборник, который получил теплый отклик прессы. Супруги обрели много новых друзей <...>. В этот период времени вышла в свет одна из первых научно-популярных книг в нашей стране – «Зарисовки по естественной истории», написанная Мэри Хауитт.

Скоро стало очевидно, что им нужно было перебираться поближе к Лондону, который предлагал гораздо больше возможностей для творчества. Они купили дом в Эшере, графство Суррей, в котором прожили до 1840 года.

С 1840 по 1843 годы супружеская чета провела в Германии, где они столь успешно изучали общественную жизнь и литературу, что это нашло отражение во многих книгах. По возвращении в Англию они поселились в Клептоне – в доме, который знавал много почётных гостей. Среди них были Ханс Кристиан Андерсен (чьи сказки переводила Мэри) и Альфред Теннисон. Мэри сохранила записи о многих визитах последнего в этот дом. Здесь они прожили с 1843 по 1848 годы. <...>.

После смерти Уильяма (Рим, 1879 г.) Мэри Хауитт жила либо на знаменитом ныне курорте в Тироле, Меран, Франция, или в Риме, где она нашла для себя многое из того, что вызывало её симпатию и интерес. Мы увидели, как любовь к природе, поэзии и искусству, которые проявились ещё в детстве, привели её к неприятию ограничений, налагаемых движением квакеров, хотя обострённое чувство долга и благородство характера в течение долгого времени удерживали её в рядах общества, в котором она воспитывалась. Но Мэри инстинктивно по своей природе тяготела к символизму. В её поэзии часто появляется струнка мистического воображения. <...>

В преклонном возрасте Мэри Хауитт наслаждалась покоем и безмятежностью. Она жила, окруженная любовью, глубоким почтением и многочисленными друзьями. Мэри Хауитт ушла с миром 30 января 1888 года.

Поэтические работы автора чрезвычайно разнообразны по своей тематике и стилю письма, но одна вещь свойственна всем её произведениям –

¹ Вместе они написали более 180 книг. (Прим. пер.).

великолепная непринуждённость и грациозное воображение. У неё был дар образного видения. Мэри была свободна от одного из величайших недостатков предшествующей школы – она не знала искусственности и притворства. Более всего её знают по тому, что можно назвать наименее художественными произведениями. Это стихотворения, которые она писала в первую очередь для детей, или те, которые прямо оценивались, как некие наставления, отражающие жизненные устои. Тогда как некоторые из её литературных произведений были одухотворены фантастическим воображением и неожиданной силой мистического и чудесного. Сказанное подтверждают такие произведения, как «Путешествие с Наутилусом» и «Рассказ старика».

Она может проявлять изысканную мечтательность, мягкий, лёгкий юмор, что отражается в большом количестве её поэтических произведений. Она может быть игрива, изобретательна, не говоря уже о притчах в форме диалогов, среди которых «Паук и муха» служит лучшей иллюстрацией. Кроме того, Мэри написала много стихотворений, в которых привлекается внимание к изучению природы, гуманному отношению к животным. На самом деле, оценивая авторские произведения, можно сказать, что большая доля её поэтических работ направлена на человеколюбие. Она достойна похвалы, потому что какую бы тему ни взяла, какую бы цель не поставила перед собой – ей удаётся реализовать в своих произведениях, благодаря дару богатого воображения, свойственного её индивидуальности. Ей всегда удавалось то, что присуще настоящей поэзии: наблюдательность, воображение и удачные метафорические иллюстрации. Мэри Хауитт обладала редким даром возвысить обыденную прозу жизни до высокого уровня, с помощью божественного воображения, которое освящает всё, к чему она прикасается.
<...>

/Извлечения из критико-биографического эссе Александра Г. Джэппа/.

РАССКАЗ СТАРИКА

Баллада

ОДИН старик был среди нас.
Раз, сидя у огня,
Сказал он: «Расскажу сейчас
О злоключеньях в грозный час,
Про Южные моря.

Уж больше полусотни лет
Как отчий дом покинул я.
Помощником на корабле
Я бороздил моря.

Корабль был прочен и хорош,
И штóрмов не боялся.
Он знатным парусником был,
Отважно по волнам ходил,
С попутным ветром знался.

Он сорок дней, как на крылах,
Летел, ветрам покорный,
И скорость не сбавляя
На редкость был проворный.

Нагружен был он золотом
Наш славный галеон.
Из чужедальних стран
Домой стремился он.

Там был меж нами старче
С пергаментным лицом,
Что в Мексике на прииске
Работал золотом.

На палубе согбенный
Лежал он день и ночь
И сундуки со золотом
Стерёг – ни шагу прочь.

Ни с кем не молвил слова,
С трудом передвигался.
Знать, жизнь была не сладкой –
С нуждой и лихом знался.

Но, слушайте! Мы плыли –
Ни зги в ночной глуши.
Сидел я в карауле
И рядом – ни души.
Чу! Слышу стон предсмертный
Средь сундуков в тиши.

Тотчас вскочил и вижу:
Наш капитан стоит и вскоре
Он окровавленную плоть
За борт бросает в сине море.

Тяжелый всплеск и в темноте
Я услышал паденья звук –
Все руки шкипера в крови,
В глазах его застыл испуг.
И ужас вдруг им овладел
Пошевелиться он не смел –
Как громом поразил недуг.

И губы бледные тряслись,
Застыл безумный дикий взгляд.
Он повернулся прочь бежать
Но ноги не несли назад.
Прикован к палубе он был
Виной, что жгла его, как яд.

И я сказал, что проклят тот,
Кто невинного убьёт.
Проклятье крови старика
Из глубины морской дойдёт.

Нашлют нам беды Небеса,
Что стон несчастного слышали.
Он что-то силился сказать,
Слова же в горле застревали.

И поднял руки он к лицу
Глаза пытаюсь заслонить.
Но душу кровью обагрив,
Был страх не в силах победить.

И вот тогда, в тот самый час
Вдруг воцарился штиль на море.
Корабль, не двигаясь, застыл.
Покой невыносимым был
Там, где старик почил на горе.

Народ судачил о бедняге,
И о богатствах, что скопил.
Все думали, что он во сне
Случайно за борт угодил.

Но только я и душегуб
Владели тайной роковой,

О том, как тот старик несчастный
Лежал на глубине морской.

Тянулось время день за днем,
Не виден мýки был конец.
Уснуло море чёрных волн.
Вокруг – расплавленный свинец.

Куда ни глянь – ни ветерка
И жаром небо полыхало.
Горячий воздух обнимал,
Дыханью сил не доставало.

О, Боже! Это смерти дух
Над нами день и ночь витал.
И я не смел взглянуть туда,
Где старина на дне лежал.

В каюте шкипер заперся,
Дверь наглухо закрыл.
Ждала команда ветерка,
Чтоб штиль он победил.

Сын капитана лет семи
Был с нами на борту.
Снискал весёлый мальчуган
Любовь за доброту.

И я, любя его, просил
Колени преклонив, молиться,
Чтоб небом посланный покой
Мог ветрами смениться.

Я ждал, Господь услышит
И он поможет нам,
Чтоб наш корабль пустился
По сумрачным волнам.

Причины не назвал я
Лихого испытанья,
Не мог душе безгрешной
Сказать про злодеянье.

Вдруг я заметил облачко
В высоких небесах
Оно росло, росло, росло,
Темнея на глазах.

Глядь – море почернело
В тот самый жуткий час
И смерч со страшным рёвом
Пронёсся мимо нас.

Меж небом и водою
Вокруг всё завывало,
Катились грозно волны,
Как щепку нас бросало.

Я знал, что смерть настигла
Своей железной хваткой
Я видел шторма буйство,
Враждебность без оглядки.

В том ветре были вопли,
В глубины волн маня,
Вдруг появился шкипер,
Не глядя на меня.

Схватился, как безумный
Наш шкипер за штурвал.
Хотел поставить парус
Под дикий ветра шквал.

Но паруса сорвало,
Как осенью листву
И разбросало мачты, –
Корабль нырнул в волну.

Цеплялись за обломки,
Покуда сил хватало. –
Матросов друг за другом
Пучина поглощала.

Средь скрежета и треска
Сквозь моря завыванье,

Я слышал вопли страждущих
В агонии прощанья.

Проклятье в диком ветре
В волне кипящей – кара.
Знал капитан – возмездие
Послал бродяга старый.

Я слышал – говорил он –
Был голос, как в бреду:
«Преследует зов крови
И шлёт на нас беду!»

А после с дикой хваткой
Он в сундуки вцепился. –
Наш галеон от груза
С трудом освободился.

И вот со дна морского
Глухой раздался стон.
Застыл у борта шкипер,
Как изваянье он.
Рыданьем вздох прервался,
И смерть взяла в полон.

Волна остервенело,
Зловеще поднялась...
Я видел, как упал он,
И жизнь оборвалась.

Лишь за два дня до шторма
Нас было сорок пять
Осталось только двое, –
О том лишь Богу знать.

Дитя и я – лишь двое
В живых осталось нас.
О, видеть было жаль
Ребенка страх-печаль,
Мольбы безумной глас.

Всевышний ту молитву
Как будто услышал –

Вдруг стихло всё на море
И ветер на просторе
Нас мягко в даль погнал.

Так плыли мы и плыли
Вдвоем со славным малым,
Что сердцем был отважен –
Ни плакал, ни роптал он.

На судне нашем углом –
Ни крошки, ни питья,
Но мальчик жил надеждой
Той, что утратил я.
Я видел, как он таял,
Бледнел день ото дня.

Невесть куда мы плыли,
И дней не сосчитать,
Будь паруса в порядке
Нам их бы не поднять.

Так западные ветры
Несли нас в даль маня.
Я – между жизнью-смертью
Мальчонка близ меня.

Мы долго дрейфовали
В Великом Южном море
И вдруг корабль английский
Явился на просторе.
Я не слышал приветствий,
Лишившись сил и воли.

Но мальчуган поднялся
И голос свой подал.
Корабль пришвартовался
И мальчика забрал.

Ребёнок легче пёрышка,
Был слаб, еле живой,
Вскричал из сил последних:
«Там человек со мной».

Опять вернулись к судну,
Где я едва дышал,
Собрав все силы, юнга
С трудом меня поднял.

На корабле очнулся, –
Был мальчик близ меня
Шептал слова поддержки,
Участья не тая.

Мне грезилось – окончен
Страданий путь земной
И что корабль Небесный
Несёт в предел иной.

Но рядом были люди.
С молитвой всякий час,
Являя милосердие, –
Выхаживали нас.

Я им поведал правду
О грозном испытанье,
Но никому ни слова
О страшном злодеянье.

Я не хотел, чтоб малый
Страдал за грех отца
И чтоб он устыдился,
Узнав про подлеца.
А он мужал и вырос
В морехода-удальца.

Потом ходил он в море,
Меня с собою брал.
В кручинах и печалях,
Как друг он утешал.
И Бог ему богатством
За доброту воздал».

Перевод с английского Ольги Стельмак

ЗВУКИ, УХОДЯЩИЕ В БЫТИЁ...

Каковы возможности бурятского языка для описания технических характеристик в эпоху технологических революций? Буряты растворяются в других народах, вместе с языком. Процесс, ускоряемый торговцами национальных интересов в обмен на личные блага, то есть руководителями регионов. Азиатская часть России русеет, более того – выбирает европейский путь развития уже вопреки упомянутым выше торговцам. Где-то и кого-то они превзойдут, а где-то и отстанут. Некогда и русские люди были кривичами, вятичами, муромами, чудью и т. д. и т. п. И многие степные народы стали русскими. Кто-то раньше, кто-то позже. (Вспомним также, что и слово «Олютор», означало некогда народ, а не селёдку...). Квантовое пространство не знает измерений, направлений и возможностей, придуманных человеком. Всё уходит в бытие и возвращается оттуда же.

Но вернёмся к звукам, переводам, языку. Подразумевается процесс: развитый или неразвитый в цивилизационной среде язык. Срок употребления, то есть умение адаптироваться, зависит от этих уровней языка.

С высоты требований нашего времени заметно, что для создания собственной литературы наши предки должны были в максимальной мере использовать все имеющиеся на то время богатства культуры Востока, из которых возможно было органично вывести что-то своё, неувыдаемое на долгое время. Но этого не случилось, бурятская литература была создана чуть ли не прямым калькированием имеющейся русско-советской литературы, которая, в свою очередь, воспроизведена с европейской литературы. Близости со «старшим братом» искали почти все «признанные» национальные авторы. Естественно, вместе со сроком востребованности достижений «большой» литературы станут ненужными их «малые» аналоги, что и происходит почти со всеми «национальными» литературами. Любой процесс конечен, что не означает завершения жизни вообще...

В глубинах народного бытия имеются свои течения, которые невидимы на бытовой поверхности. На эту мысль наводит чтение строк некоторых бурятских авторов современности. Одна из них – Светлана Махабадова, сложнейшая судьба и редкостный дар которой заставили меня анализировать и, по мере своих возможностей, переводить её произведения.

Должен сказать, что в языке каждого народа есть явления, которые невозможно передать на другой язык и даже упростить до общечеловеческих явлений. Тут приходится доводить перевод хотя бы до приблизительной близости к оригиналу категориями времени, лица и числа глаголов, местоимениями и другими «инструментами» лингвистики.

В книге присутствуют рифмованные, под силлабо-тоническое стихосложение, переводы, есть переводы вольным или белым стихом, присутствуют попытки перевода с полным сохранением ритмической природы и начальной рифмы оригинала, а также прямые, по смыслу, переводы <...>.

На сегодняшний день Светлана Махабадарова, как и ещё несколько авторов, пишущих на бурятском языке, свободно используя его максимальные возможности, – драгоценный и редчайший сосуд, в котором хранится всё ещё живое и единственное богатство бурятского языка – родная речь. Не может не радовать и то, что внимание этих людей сосредоточено только на возможностях бурятского языка, показывая его бытие.

Если уж мы упомянули о квантовом пространстве, то добавим к этому, что в этом поле все потенциалы-энергии существуют незримо и одновременно, но каждая из них может быть активизирована сфокусированным вниманием. Просто и вечно – грубый быт смертен, в поле бытия смерти нет.

СВЕТЛАНА МАХАБАДАРОВА (род. в 1964 году)

Светлана Махабадарова – поэтесса, пишущая на бурятском языке, родилась в селе Цокто-Хангил, окончила Агинское педагогическое и медицинское училища. Она – сертифицированный народный целитель. Автор поэтических сборников «Сэдьхэлэйм домог», «Бөө шажанай шүтэлгэ», «Мүнхэ тэнгэри», «Заншал», «Малшадай һонирхолдо», «Сэдьхэлэйм хүгжэлтэ», участник творческих форумов и конкурсов России, Китая, Монголии.

Стихи Светланы Махабадаровой вошли в антологию поэтов «World Poetry–2017». В 2018 году она стала лауреатом конкурса поэзии на международном фестивале «Алтаргана» в г. Иркутске.

СТАРИННЫЕ ОДЕЖДЫ

Единый бурятский народ,
Единые корни у нас.
И вечности знаки несёт
В нагрудных узорах одежд.
Так пустимся в ёхор мы, в пляс!

Обряды, привычки бурят,
Наряды, уборы надежд,
Как знаки судьбы говорят,
И красные кисти взметнув,
Мы пляшем в узорах одежд!

Связуясь старинным родством,
Чудесным узором блеснув,
Искусным своим мастерством,
Как крыльями, шёлком сверкнув,
Затянем мы песни свои...

БУРЯТСКИЕ ОДЕЖДЫ

Старинные бурятские одежды
Из вековых слагаются корней,
Мастерство и опыт, как и прежде,
Бережно храня до наших дней.

ОБЛАЧАЙТЕСЬ В ОДЕЖДЫ, БУРЯТЫ!

С давних времён начало,
Заложены там причины,
Где праотцы нам дали
Наших обрядов зачины.
Много вложили смысла
В крое китайского шёлка,
И в мастерство, и числа,
Пользы, значения, толка.

Парча – и кайма, и оправа,
Где сила воздушных коней.
И шуба сама величава,
От порчи спасение в ней.

Из шкуры ягнячьей подкладка,
Небесною синью – покрой,
Там сила народа, повадка,
Почёт и душевный покой.

Круглый год хранитель и гений
Блюдёт в душах наших людей
Пути и средства намерений...

На этой прекрасной планете
О Родине мыслим своей,
О жизни счастливой на свете.
Ведь нет ничего их святей.

И чистого сердца мы силы,
На части в пути разделив,
Умеем с верблюжьей ли гривой
Иль с тряской тележной пустив,

Забыть все обиды, несчастья,
И выбросить беды: всегда
Случаются в жизни ненастья.

Пять видов скота выпасаем,
В них сила, а мощь от труда,
Мех соболя мы уважаем
И выдры. В мороз, холода

Мы тело в тепле сохраняем
И, чтобы тепло не ушло,
Застёгивать вверх начинаем.
А выпустить надо тепло:

Откроемся сверху. Творенье –
И пуговка, каждый извив
Имеют своё лишь значенье.

Достаток, дары, не теряя,
Язык и письмо сохранив,
Удачу свою привечая,
Встречаем всегда позитив.

И силу, и мощь укрепляя,
Достаток сумев создавать,
Всегда и везде созидая,
Потомкам дано завещать.

Возвысив так грешное тело,
Живя под счастливой звездой,
Ведь жизнь – это общее дело.

Природный хозяин копытных.
Несёшь их дары, и с тобой
Пять видов скота всегда сытных.
И дети довольны судьбой.

Теплом согревая душевным,
Из самых сердечных глубин,
Плечом быть всегда ежедневным –
Удел настоящих мужчин.

Духовную мощь укрепляя,
Крепите повсюду родство,
Родство меж людьми подтверждая.

Облачайтесь в одежды буряты,
Кушаки затяните. И свято
Утверждайте своё торжество.

БУРЯТСКАЯ КОНУСООБРАЗНАЯ ШАПКА

Значенье: гения неба
Красною кистью зовёт,
Вечное синее небо
Вечно зовёт нас в полёт.

С этой ниспосланный дали –
Шёлковый синий покроем.
Конус и круг облегли
Голову теплой волной.
Будто байкальские волны
Пену взметнули, стяжав
Славу, узорами полны...
Хоринцев вместе собрав,
Мир нам отцы завещали.
Пеною вьётся тесьма
В степи, далёкие дали,
Где разноцветьем кайма.
Тело и крепче, и краше,
Воздухом – чудо, шитьё,
Шапка бурятская наша –
Низ или верх – бытиё...

Красные кисти вбирают –
Красных лучей приворот.
Вместе роды собирают
И возвышают народ.
Красным лучом завершили,
В центре – волан и кружок

Сочной парчой запустили.
Туча высокая – рок,
Титул – на самой вершине,
Будто знаменье обрёл
В поисках смысла, причины
Мастер народный нашёл
В красной саранке весною,
Увенчанной серебром,
Символы – небо с землёю,
Воздух, манящий теплом.
Как драгоценность планеты
Или окованный клад,
Будут веками воспеты
Родина, земли бурят.

Бархатом шапки обшиты:
Щедрой тайгой, нет щедрей –
Там Баргузин знаменитый,
В чёрных мехах соболей.
Склоны, отроги и горы,
Дали в манящих шелках,
Всюду низины, просторы,
Степь зеленеет в коврах.
Взгляд трудового народа
Радует шёлком, тесьмой
Женщина – мастер природы –
Красной парчой и каймой.
Древние сказы богаты,
Их уважает народ.
Конус, наверхие, скаты –
Всем наша шапка берёт.
Чтобы под небом нелепо
Голову не обнажить,
Небо бывает свирепо,
Голову надо прикрыть.

Но не для всякого места,
И не всегда напоказ,
Шапка – для статуса, чести.
Вот вам от неба наказ:
Высокого места и чести,
Достойна она всякий раз!

ОТЦОВСКИЙ ДЭГЭЛ. РАССКАЗ МАТЕРИ

Наш сундук на почётнейшем месте,
Много лет там любовно храним
Мы отцовский дэгэл¹. Словно вести –
Запах прошлых времён. Сквозь их дым

Вижу серую юрту, играет
Солнца луч в дымоходе порой.
Погоняю телят. И, встречая,
Машет издали папа рукой.

Он табунщик в бурятском дэгэле.
Солнце я, обгоняя, спешу,
Подставляя ветрам своё тело,
Приникаю к отцу, чуть дышу,

Мои радость и счастье огромны!
Как травы ароматен настой...
И беседуем тихо с отцом мы,
Возвращаясь домой сундулой².

Воздух, овеянный тёплым дымком,
Пахнет вкусно домашний калач.
Ласкова мать с озарённым лицом,
Дом – стечение общих удач.

Мы чаюем семьей в нашем доме,
Добрый день начинается мой.
Приникаю к отцу будто в дрёме,
Нрав вбирая его трудовой.

Темперамент отца передался,
Доброту я оттуда взяла.
Тёмной тучею год начинался,
И беда с этой тучей пришла.

Так война началась мировая:
Гром военный взорвал тишину,

¹ Дэгэл – национальный халат или шуба с отворотами. (Прим. пер.).

² Сундулой – вдвоём на коне. Забайкальский диалект. Слово преобразовано от бурятского хундалдат. (Прим. пер.).

Так беда заclubилась земная.
Проводили отца на войну.

Мы остались в степи без просвета:
Дни и ночи беда напролёт...
И вдруг, в послевоенное лето,
К нашей юрте машина идёт.

Человек в гимнастёрке! И сжало,
И забилося сердечко моё.
Побежала навстречу, обняла
И прижалась. Но всё не своё –

Нет трёхцветных узоров! Чужие
Ордена и медали блестят.
Сколько лет миновало. Другие
Много лет уже воды шумят.

Наш сундук на почётнейшем месте,
Много лет там любовно храним
Мы отцовский дэгэл. Символ чести.
Отсвет памяти наш нерушим.
Драгоценнейший клад мы храним.

ЖЕНСКИЙ ДЭГЭЛ

Тончайшая мысль мастерицы
Такой сотворила наряд,
Что трудно чему-то сравниться
И трудно найти, говорят.

Размеры неспешно снимая,
Устало искала родство
Со смыслом. И шила, мечтая,
Возвысив своё мастерство.

И душу свою укрепляла,
Мечтала о женской судьбе,
И думы людей представляла,
О доме, о быте, себе...

Творение мысли вбирала:
Чтоб тело от хворей беречь,

Наружу тепло не пускала,
И вдруг безрукавкой развлечь.

Дэгэл под себя подгоняет
И дар укрепляет в труде.
Бурятский наряд охраняет
Сияющим шёлком в беде.

Вот шьёт она женскую шубу,
И конь символический летит.
И смотрится мило и любо,
И душу твореньем крепит...

У женщины много умений,
Таланты не ведают счёт –
Гармонии, смысла, значений.
Всё детям своим отдаёт.

Тепло и любовь без остатка,
И ум отдаёт им, любя.
Ведь солнца тепло она сладко
Всё время вбирает в себя.

По поясу – жёлтым и красным,
А складок вокруг шестьдесят!
А шёлк, как преграда опасным
Болезням. Узоры блестят...

Практично, удобно, весомо,
Границею, кантом – кайма,
Труды мастерицам знакомы,
Плиссе, воротник и тесьма,

Раскинут подол. Помечая,
Все линии арсой¹ ведут.
Касаясь друг друга плечами,
Они продолжают свой труд.

Вот буфф на плече и там складки
Осанка, походка всегда.

¹Арса (аарса) – кисломолочный продукт, которым бурятские мастерицы в старину размечали линии при кройке и шитье. (Прим. пер.).

Нашивки как будто в порядке,
Там символ достатка, труда.

Из выдры и соболя муфта –
Обшлага тепло сохраняют.
И кони удачи как будто
Невидимо рядом летят –

В чеканных монистах на шее.
И чтоб не прервалась еда,
И жила семья, богатея
Душевною мыслью всегда,

В труде – и достаток, и сила,
Не где-то они, только в нём.
Умелица вдумчиво шила,
Мечтая о счастье земном,

О том, чтобы счастливы дети
Тут были умом и добром,
Пять видов скота на планете
Своим умножая трудом,

Потерям пути преграждая,
Открыв для достатка пути.
Ведь снизу дэгэл закрывая,
Мы знаем – теплу не уйти.

Если сверху дэгэл расстегнуть –
Достатку откроем мы путь...
Всюду смысл найдёт мастерица,
Дочь, невеста или сестрица.

И вдали от родного дома
Мужу, близким – надёжный друг.
Но праматерью вдруг влекома,
Крылья лебедя вскинет вдруг –

Это уужа,¹ взметнувшись, пала,
Кисть на шапке взлетела ввысь.

¹ Уужа – *вост.* короткая безрукавка, надеваемая на верхнюю женскую одежду, По легенде праматерью хори-бурят была лебедь. (Прим. пер.).

Как высоко народ подняла,
И какие мысли зажглись!

Эти белые мысли летят,
Возвышая надежды бурят!

ДОРОГИ МОИ

Сапоги, сапоги, сапоги...
Мои юные годы вели,
Познавая, дорогами шли.
Семь путей безоглядно прошли.
Семь соблазнов плохих превозмогли
Семь сиротств от меня отвели.
Семь несчастий прошли стороной,
Семь удач повстречались со мной.
И споткнуться в пути не пришлось.
Сапоги, сапоги... Мы в пути!
И подошвы стираются, что ж,
Много им одолеть и пройти!

Сапоги, сапоги, сапоги...
Моё юное тело вели,
Были всюду дороги. Мы шли,
Не теряя пути, где ни зги
Не видать. Пробивали мы путь,
Не могли на хребтах отдыхать.
Шли мы счастья и мира полны,
Мир всегда – без конца суета,
Но четыре всего стороны.
Будет путь наш полезен, пригож.
Пусть подошвы стираются, что ж,
Нас надежда ведёт и мечта!

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

/Из кн.: «Родная речь». Стихотворения на бурятском языке. Перевод на русский язык Виктора Балдоржиева. Онлайн-издательство автора перевода – 2019/.

ПРОЗА

ОСКАР УАЙЛЬД (1854 – 1900)

ДИКИЙ ПРИНЦ

Утончённый эстет Оскар Уайльд был поистине гением парадокса. Парадоксами полно не только его творчество, но и его жизнь. Одним из его парадоксов является то, что самые волшебные его сказки оказались самыми реалистическими. В них он предсказал свою трагическую судьбу, свой путь морального прозрения. Прекрасные, счастливые и одарённые принцы из его сказок постигают нравственную истину в сочувствии к бедным и несчастным, отказываются от красоты и богатства ради высшей ценности – добра. В сказке «Молодой король» мы видим автопортрет юного Уайльда – свободного, дикого, глубоко чувствующего, видящего удивительные сны, постигающего красоту подвига самопожертвования.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

Это была ночь накануне коронации, и молодой Король в одиночестве сидел в своих великолепных покоях. Придворные покинули его, церемонно склоняя головы до земли, и вернулись в Большой зал дворца, где давал последний урок Профессор этикета, ведь у некоторых из них ещё сохранялась естественность в обхождении, что для придворных, надо отметить, является серьёзным недостатком.

Мальчик – потому что он был всего лишь мальчиком шестнадцати лет – не был огорчён их уходом и с глубоким вздохом облегчения бросился на мягкие расшитые подушки, со своим диковатым взглядом и приоткрытым ртом он был похож на смуглого Фавна или молодого лесного зверя, пойманного охотниками.

И в самом деле охотники нашли его почти случайно, когда с флейтой в руках он шёл за козьим стадом бедного пастуха, который вырастил его и кого он считал своим отцом. Он был сыном единственной королевской дочери от тайного брака с чужестранцем, пленившим её волшебной игрой на лютне, как утверждали некоторые, тогда как другие говорили о художнике из Римини, кому Принцесса оказывала слишком много милостей, внезапно исчезнувшем из города, не закончив работу в Соборе. Новорождённого младенца похитили у спящей матери и отдали бездетному пастуху, жившему с женой в глухом лесу. Горе, или чума, как объявил придворный врач, или сильный итальянский яд в чаше пряного вина, как кое-кто намекал, были причиной смерти благородной девушки, давшей ему жизнь. Принцессу

похоронили на заброшенном кладбище за городскими воротами, где, по слухам, уже лежало тело юноши нездешней красоты со связанными руками и грудью, покрытой множеством ран.

Такова история, которую люди передавали из уст в уста. Достоверным было то, что старый Король на смертном одре, движимый угрызениями совести за свой великий грех или просто не желавший, чтобы королевская власть пресеклась по его линии, послал за мальчиком и в присутствии Совета признал его своим наследником.

И с этих пор в нём проявилась та странная страсть к Красоте, которая оказала роковое влияние на его жизнь. Сопровождавшие часто рассказывали о крике восторга, сорвавшемся с его губ, когда он увидел изящный наряд и дивные драгоценности, приготовленные ему, и о дикой радости, с которой он сбросил грубую кожаную тунику и накидку из овчины. Он тосковал, конечно, по свободной лесной жизни и тяготился скучными придворными церемониями, отнимавшими так много времени, но его великолепный дворец «Жуайез», что означает «Радостный», казался ему новым миром, созданным для его удовольствия. И, как только он мог вырваться из правления Совета или аудиенц-зала, то, сбежав по широкой лестнице со львами золочёной бронзы и ступенями яркого пурпура, принимался бродить из покоя в покой и из коридора в коридор, как будто стремился найти в Красоте болеутоляющее средство от страдания вроде укрепляющего средства от слабости.

Во время этих радостных путешествий, как он их называл, – и поистине они были для него путешествиями по чудесным странам – его иногда сопровождали грациозные светловолосые пажи в развевающихся плащах с яркими лентами, но чаще он бывал один, инстинктивно чувствуя, что тайны искусства лучше постигать в тайне и что Красота, подобно Мудрости, любит одинокое поклонение.

Много удивительных историй рассказывалось о нём. Говорили, что важный Бургомистр, явившийся произнести цветистую речь от имени горожан, нашёл его коленопреклонённым перед картиной из Венеции, что казалось поклонением каким-то новым богам. В другой раз он исчез на несколько часов и после длительных поисков был обнаружен в северной башенке пристально, как в трансе, смотрящим на греческую гемму с фигурой Адониса. Ходила молва, что его видели прижимающим свои тёплые губы к мраморному лбу античной статуи, найденной в русле реки при строительстве моста и подписанной именем Вифиниана, слуги Адриана.¹ Он провёл

¹ Адриан – римский император в 117–138 гг. Высоко ценил греческую культуру, поощряя искусства, поэзию, философию. Любимцем императора был юноша Антиной. Он утонул в Ниле при загадочных обстоятельствах. Горе Адриана было безутешно, и он приказал жрецам обожествить Антиноя. Многочисленные статуи отобрали его чувственную, меланхолическую красоту. До нашего времени сохранилось около пяти тысяч статуй, которые император воздвиг в честь своего любимца во многих городах. (Прим. пер.).

целую ночь, созерцая игру лунного света на серебряном изваянии Эндимиона.¹

Все редкие и ценные вещи таили великое очарование для него, и в стремлении заполучить их он разослал множество купцов. Одних покупать янтарь у суровых рыбаков северных морей, других в Египет искать бирюзу, спрятанную в могилах фараонов и, по поверью, обладающую магическими свойствами, кого-то в Персию за шёлковыми коврами и расписной керамикой, иных в Индию покупать газовую ткань, резную слоновую кость, лунные камни и нефритовые браслеты, сандал, голубую эмаль и красивые шали из шерсти.

Но больше всего волновали его мантия тканого золота, корона, усыпанная рубинами, и скипетр, выложенный жемчугом, приготовленные для коронации. Именно о них думал он тем вечером, лёжа на роскошном ложе и следя за огромным сосновым бревном, тлеющим в камине. Эскизы их, выполненные знаменитыми художниками, были представлены ему несколько месяцев назад, и он приказал, чтобы ремесленники трудились день и ночь, а весь мир был объезжен в поисках достойных драгоценных камней. Он воображал себя у высокого алтаря Собора в ослепительном облачении Короля, и медлительная улыбка играла на мальчишеских губах, озаряя ярким блеском его тёмные лесные глаза. Затем он вскочил, чтобы рассмотреть резной карниз камина и огляделся в тускло освещённой комнате. Стены были увешаны дорогими гобеленами, на которых был изображён триумф Красоты. Массивный шкаф с мозаикой из лазурита занимал угол, напротив окна располагалась старинная горка с золочёными лаковыми панелями, где хранились тонкие бокалы венецианского стекла и чаша из оникса с узором из прожилков. Блёклые маки были вышиты на шёлковом покрывале кровати, как будто упали из утомлённых рук Сна, а высокие тростники из рифлёной слоновой кости поддерживали бархатный балдахин, над которым к матовому серебру лепного потолка белой пеной вздымались пышные пучки страусовых перьев. Улыбающийся Нарцисс зелёной бронзы держал полированное зеркало над головой. На столе стоял аметистовый кубок. За окном он видел купол Собора, вздымающийся, как огромный воздушный шар, над темнеющими домами, и усталого часового, шагающего взад-вперёд в тумане по валу у реки. Далеко во фруктовом саду пел соловей. Слабый запах жасмина проникал в открытое окно. Он откинул со лба каштановые кудри и взялся за лютню, блуждая пальцами по струнам. Его тяжёлые веки опустились, и странная истома сошла на него. Никогда раньше не чувствовал он с таким глубоким и острым наслаждением магию и тайну прекрасных вещей.

¹ Эндимион – олицетворение красоты – в греческой мифологии знаменитый своей красотой юноша, погружённый в вечный сон. Миф об Эндимионе объяснялся различно: его считали олицетворением подкрадывающегося сна, гением ночи, олицетворением смерти. (Прим. пер.).

Когда пробило полночь на башенных часах, он дёрнул колокольчик, и вошли пажи, раздели его, полили розовой водой ему на руки и усыпали лепестками роз его подушки. Через несколько мгновений он уснул. И когда он уснул, ему приснился сон, и это был вещий сон. Ему снилось, что он стоит в длинном чердачном помещении среди шума ткацких станков. Скудный свет сочился из зарешёченных окон, освещая худые фигуры, склонённые над станками. Бледные чахлые дети сгибались над огромными крестообразными перекладинами. Когда челноки двигались через основу, они поднимали тяжёлые доски, а когда челноки останавливались, они давали доскам опуститься и соединить нити. Лица их были истощены от голода, костлявые руки тряслись. Измождённые женщины сидели за столом и шили. Тошнотворный смрад наполнял мастерскую. Воздух был затхлый, стены в потёках сырости. Молодой Король подошёл к одному из ткачей и встал рядом.

Ткач злобно вскинулся: «Зачем ты шпионишь за мной? Ты соглядатай нашего хозяина?»

– Кто ваш хозяин? – спросил молодой Король.

– Наш мастер! – резко бросил ткач. – Такой же человек, как я. Разница только в том, что он носит дорогую одежду, а я хожу в тряпье, и я страдаю от голода, а он страдает изжогой от обжорства.

– Страна свободна, – возразил молодой Король, – и ты не раб.

– Во время войны, – ответил ткач, – сильный делает рабом слабого, а в мирное время богатый делает рабом бедного. Мы должны работать, чтобы жить, а нам дают такую скудную плату, что мы медленно умираем. Мы трудимся непрестанно, чтобы богачи набивали золотом сундуки; наши дети чахнут, а любимые женщины рано увядают. Мы возделываем виноградник, а пьют вино другие. Мы сеем хлеб, а наш стол пуст. На нас цепи, хотя их никто не видит, и мы рабы, хотя нас называют свободными.

– И это удел всех вас? – спросил молодой Король.

– Да, – ответил ткач, – удел молодых и пожилых, мужчин и женщин, детей и стариков. Торговцы нагружают нас непосильной работой, и мы вынуждены подчиняться. Священник произносит проповеди, но нет никого, кто позаботился бы о нас. По нашим мрачным переулкам влачится Нищета с голодными глазами, а Грех с пьяной ухмылкой крадёт за ней. Безднадёжность будит нас по утрам, а Стыд не даёт спать по ночам. Но что тебе до этого? Ты не нашего поля ягода. У тебя слишком счастливое лицо.

И он отвернулся хмуро и двинул челнок вдоль ткацкого станка. И молодой Король увидел ткань из золотых нитей. Невыносимый ужас охватил его, и он спросил: «Что это?»

– Мантия для коронации молодого Короля, – ответил ткач. – Какое тебе дело до этого?

И молодой Король громко закричал и проснулся. И сквозь окно увидел медового цвета луну в ночном небе.

И он заснул опять и увидел сон, и это был вещий сон. Ему снилось, что он находится на палубе огромной галеры, где гребцами были сотни рабов. На ковре около него сидел хозяин галеры. Он был чёрен, как эбен, а его тюрбан был малинового шёлка. Крупные серебряные серьги болтались в толстых мочках его ушей, а в руках были весы из слоновой кости. Рабы в истрёпанных набедренных повязках были скованы попарно. Жаркое солнце нещадно палило их, а по проходу сновали негры и хлестали их кожаными бичами. Рабы вытягивали свои тощие руки и опускали тяжёлые вёсла в воду. Солёные брызги летели с лопастей. Наконец они достигли небольшой бухты и стали измерять глубину. Лёгкий ветер дул с берега и покрывал палубу и треугольный парус тонкой красной пылью. Три араба верхом на диких ослах метнули в них дротики. Хозяин галеры взял разукрашенный лук и пронзил одному из них горло. Тот тяжело упал в прибой, а его спутники ускакали прочь. Женщина, закутанная в жёлтое покрывало, медленно проследовала на верблюде, оглядываясь на мёртвое тело. Как только бросили якорь и спустили парус, негры пошли в трюм и принесли длинную веревочную лестницу, утяжелённую свинцом. Хозяин корабля спустил её за борт, прикрепив к железным подпоркам. Затем негры схватили самого молодого раба, сбили с него кандалы, залепили ему ноздри и уши воском и привязали большой камень к поясу: раб устало сполз вниз и исчез в море. Несколько пузырьков поднялось там, где он погрузился. На нос галеры сел азиат – заклинитель акул, и стал монотонно бить в барабан. Через некоторое время ныряльщик поднялся из воды и уцепился за лестницу с жемчужиной в правой руке. Негры выхватили её и столкнули его обратно. Рабы заснули на вёслах. Снова и снова поднимался он и каждый раз приносил изумительную жемчужину. Хозяин галеры взвешивал их и опускал в мешочек из зелёной кожи. Молодой Король хотел заговорить, но его язык, казалось, присох к гортани, а губы онемели. Негры болтали друг с другом и ссорились из-за нитки ярких бусин. Два журавля кругами летали над кораблём. Затем ныряльщик поднялся в последний раз, и жемчужина, которую он принёс, была прекраснее всех жемчужин Ормуза, потому что формой была совершеннее полной луны, а цветом белее утренней звезды. Но лицо его было смертельно бледным и, как только он упал на палубу, кровь хлынула у него из ушей и ноздрей. Он подёргался немного и затих. Негры пожали плечами и бросили тело за борт. А хозяин галеры засмеялся, потягиваясь, и взял жемчужину, а, рассмотрев её, прижал ко лбу и поклонился. «Она будет украшать скипетр молодого Короля», – возвестил он и дал приказ неграм поднимать якорь. И, когда молодой Король услышал это, он громко закричал и проснулся, а за окном увидел длинные серые пальцы рассвета, которые срывали гаснущие звёзды.

И он заснул опять и увидел сон, и это был вещий сон. Ему снилось, что он блуждает по сумрачному лесу с соблазнительными плодами и восхитительными ядовитыми цветами. Гадюки шипели на него и уползали, а

пёстрые попугаи, пронзительно крича, перелетали с ветки на ветку. Гигантские черепахи спали в горячей грязи. Лес был полон обезьян и павлинов. Всё дальше и дальше шёл он, пока не достиг опушки, и здесь увидел неисчислимое множество людей, работающих в русле высохшей реки. Они карабкались по скале, как муравьи. Они рыли глубокие ямы в земле и спускались в них. Одни раскалывали горную породу большими кирками, другие копались в песке. Они выдирали кактусы с корнем и вытаптывали кровавые цветы. Они торопились, перекликались, и никто не бездельничал.

Из мрака пещеры Смерть и Скупость следили за ними, и Смерть попросила: «Я устала, дай мне треть из них, и я покину тебя».

Но Скупость покачала головой: «Они мои слуги».

И Смерть спросила: «Что у тебя в руке?»

– Три зерна пшеницы, – ответила та, – зачем тебе они?

– Дай мне одно, – воскликнула Смерть, – для посева; только одно, и я уйду.

– Я не дам тебе ничего, – сказала Скупость и спрятала руку в складках платья.

Смерть засмеялась, взяла чашу, опустила её в лужу, и из чаши появилась Малярия. Она прошла сквозь скопление людей, и треть из них полегли мёртвыми. Холодный туман клубился за ней, и водяные змеи сопровождали её.

И когда Скупость увидела это, она ударила себя в грудь и заплакала. Она била в свою бесплодную грудь и громко причитала: «Ты убила треть моих слуг. Уходи. Идёт война в горах Татарики, и правители враждующих стран зовут тебя. Афганцы закалывают чёрных быков и готовятся к битве. Они бьют в щиты копьями и надели железные шлемы. Зачем тебе моя долина? Уходи и не возвращайся!»

– Нет, – возразила Смерть, – до тех пор, пока ты не дашь мне зерно пшеницы, я не уйду.

Но Скупость спрятала руку и стиснула зубы. «Я не дам тебе ничего», – пробормотала она.

Смерть засмеялась, бросила чёрный камень в чашу леса, и из густого бурелома вышла Лихорадка в мантии из пламени. Она прошла сквозь толпу людей, и каждый, кого она коснулась, умер. Трава завяла у неё под ногами. Скупость задрожала и посыпала голову пеплом.

– Ты жестока, вскричала она, – ты жестока. Голод за стенами городов Индии, и резервуары Самарканда высохли. Голод за стенами городов Египта, и саранча стала лакомством. Нил не заливают берегов, а жрецы молят о милости Изиду и Озириса. Иди к тем, кто в тебе нуждается, и оставь моих слуг.

– Нет, – повторила Смерть, – до тех пор, пока ты не дашь мне зерно пшеницы, я не уйду.

– Я не дам тебе ничего, – процедила Скупость.

И Смерть засмеялась снова, свистнула в два пальца, и в воздухе появилась крылатая женщина. «Чума» было начертано у неё на лбу, и стая жадных стервятников кружилась вокруг неё. Она накрыла долину своими крылами, и ни один человек не остался в живых. И Скупость с душераздирающим воплем бежала в лес, а Смерть села верхом на красного коня и унеслась прочь быстрее ветра.

А из липкой грязи на дне долины выползли драконы и жуткие чешуйчатые твари, и шакалы рысцой побежали по песку, принохиваясь. И молодой Король заплакал и спросил: «Кто были эти люди и что они искали?»

– Рубины для короны Короля, – ответил кто-то за его спиной. И молодой Король, вздрогнув, обернулся и увидел человека, похожего на странника, с зеркалом из серебра в руках. Побледнев, он спросил: «Для какого Короля?»

И странник ответил: «Посмотри в зеркало, и ты увидишь его». И он посмотрел в зеркало и, увидев собственное лицо, громко закричал и проснулся, а яркий солнечный свет наполнял спальню, и на деревьях в саду пели птицы.

И члены Палаты с высшими офицерами королевства вошли, низко кланяясь, а пажи внесли мантию, корону и скипетр. И молодой Король увидел – они прекрасны. Прекраснее всего когда-либо виденного им. Но он вспомнил свои сны и сказал лордам: «Унесите эти вещи, ибо я никогда их не надену».

И придворные изумились, а некоторые засмеялись, думая, что он шутит. Но он сурово произнёс: «Унесите эти вещи и спрячьте. Хотя сегодня день моей коронации, я не надену их. Потому что на ткацком станке Горя бледными руками Страдания выткана моя мантия. Кровь в сердце рубина и Смерть в сердце жемчуга». И он рассказал им свои сны. И когда придворные выслушали его, они, переглянувшись, зашептали: «Он сошёл с ума, ведь сон – это лишь сон, а видение – только видение. Это не реальные вещи, чтобы обращать на них внимание. И что нам делать с теми, кто работает на нас? Не есть хлеб, пока не увидишь сеятеля, и не пить вина, пока не поговоришь с виноделом?» И Камергер обратился к молодому Королю: «Мой господин, я умоляю тебя прогнать мрачные мысли прочь и надеть эту великолепную мантию и возложить корону на голову. Иначе, как люди узнают, что ты Король, если на тебе не будет королевских регалий?»

И молодой Король спросил: «Это правда? Без королевских регалий они не узнают, что я Король?»

– Они не узнают тебя, мой господин, – воскликнул Камергер.

– А я думал, что здесь есть человек, похожий на Короля. Хотя, может быть, ты прав. Но я не надену эту мантию и не коронуюсь этой короной, но каким я пришёл во дворец, таким я и выйду из него, – сказал молодой Король.

И он приказал всем оставить его, кроме одного паж, которого считал товарищем, мальчика на год моложе себя. И после купания в прозрачной воде он открыл цветной сундук и достал кожаную тунику и грубую накидку из овечьей шкуры, которые носил, когда на склонах гор пас коз. Их он надел на себя, а в руку взял пастушеский посох.

И маленький паж, широко раскрыв большие голубые глаза, спросил с улыбкой: «Мой господин, я вижу твою мантию и скипетр, но где же твоя корона?»

И молодой Король сорвал побег дикого терновника, дотянувшийся до балкона, и, согнув его венцом, надел на голову.

– Это моя корона, – ответил он.

И так он вышел из своих покоев в Большой зал, где придворные ждали его. И одни из них расхохотались и закричали: «Государь, народ ждёт своего Короля, а ты покажешь ему нищего», а другие разгневались и зашипели: «Он позорит государство и недостойн быть нашим Правителем». Но он не ответил им ни слова, но спустился по пурпурной лестнице, вышел через бронзовые ворота и, вскочив на коня, поехал к Собору в сопровождении маленького паж.

А народ насмехался над ним, говоря с издёвкой: «Это едет королевский дурачок».

И он, бросив поводья, воскликнул: «Нет, это Король!» – и рассказал им свои сны.

И из толпы вышел человек и возмущённо обратился к нему: «Разве ты не знаешь, что роскошь богатых даёт жизнь бедным? Ваша расточительность – наша пища, а ваши пороки – наш хлеб. Работать на хозяина горько, но не иметь работы гораздо горше. Ты думаешь, что вороны будут нас кормить? И как ты можешь это изменить? Можешь ты приказать покупателю не покупать так много, а продавцу не продавать так дорого? Я думаю, что нет. Поэтому возвращайся во дворец и надень свою порфиру и великолепный наряд. Что ты можешь сделать для облегчения наших страданий?»

– Разве нет богатых и бедных братьев? – спросил молодой Король.

– Есть, – ответил человек, – и имя богатого брата – Каин.

Глаза молодого Короля наполнились слезами, и он продолжил путь сквозь приглушённый гул народа, а маленький паж в испуге убежал. И когда он достиг портала Собора, стражники, вскинув алебарды, крикнули: «Что тебе здесь нужно? Никто не смеет войти в эти двери кроме Короля».

И, вспыхнув от гнева, он произнёс: «Я – Король» и, отбросив алебарды, вошёл.

И когда старый Епископ увидел его в пастушеской одежде, он поднялся в изумлении и пошёл ему навстречу со словами: «Сын мой, разве это королевское облачение? И какой короной я должен короновать тебя и какой скипетр вложить в твою руку? Ведь сегодня день радости, а не день унижения».

– Должна ли Радость носить то, что Горе скроило? – спросил молодой Король и рассказал ему свои сны.

А когда Епископ выслушал их, то, нахмутив брови, проговорил:

– Сын мой, я человек преклонных лет и знаю, что много зла свершается на белом свете. Лютые разбойники спускаются с гор, похищают детей и продают их маврам. Львы поджидают караваны и нападают на верблюдов. Дикие кабаны вырывают с корнем пшеницу в долине, а лисы грызут виноградные лозы на холмах. Пираты опустошают побережье, жгут лодки рыбаков и отбирают у них сети. В солёных болотах живут прокажённые в хижинах из тростника, и никто не осмеливается подойти к ним. Нищие бродят по городам и едят отбросы вместе с собаками. Можешь ли ты исправить это? Возьмёшь ли ты прокажённого спальником и сядешь ли с нищим за стол? Должен ли лев приказывать, а дикий кабан подчиняться? Разве Тот, кто создал несчастье, не мудрее тебя? Поэтому я не одобряю тебя, но призываю вернуться во дворец, осветить лицо радостью и надеть облачение, подобающее Королю; короной из золота я короную тебя и скипетр из жемчуга я вложу в твою руку. А что до твоих снов – не думай больше о них. Бремя этого мира слишком велико для одного человека, а горе этого мира слишком тяжело для одного сердца.

– И ты говоришь это здесь? – отозвался молодой Король и мимо Епископа взошёл по ступеням к алтарю и встал перед образом Христа. Он смотрел на образ Христа, а рядом стояли чудные золотые сосуды с янтарным вином и фиал со святым елеем. Он опустил на колени перед образом Христа, и большие свечи ярко вспыхнули перед украшенными святыней, а дым ладана поднялся голубоватыми кольцами под купол. Он склонил голову в молитве, а священники в своих жёстких ризах выплыли из алтаря.

И внезапно страшный шум донёсся с улицы, и внутрь ворвались дворяне с обнажёнными мечами, развевающимися плюмажами и блестящими стальными щитами. «Где этот сновидец? – кричали они. – Где этот Король, который рядится нищим, – этот мальчишка, который принёс позор государству? Мы должны его убить, ибо он недостоин править нами». И молодой Король снова склонил голову в молитве, а когда закончил молиться, поднялся и обернулся, печально глядя на них. И вдруг сквозь разноцветные стёкла хлынул солнечный свет, и лучи струились волнами вокруг него, создав мантию прекраснее той, что была соткана по его желанию. И сухой посох расцвёл, и скромные лилии были белее жемчуга. И терновый венец расцвёл, и дикие розы были краснее рубинов. Белее прекрасных жемчужин были лилии, и стебли их были чистого серебра. Краснее рубинов были розы, и листья их были червонного золота.

Он стоял в облачении Короля, и дверцы, сверкающей драгоценностями святыни, открылись, и из многогранного кристалла ослепительно воссиял дивный Божественный свет. Он стоял в королевском убранстве, и

Слава Господа наполнила всё, а святые в резных нишах, казалось, ожили. В прекрасном одеянии Короля стоял он перед ними, и звучала органная музыка, трубачи трубили в трубы, а певчие мальчики пели.

И народ пал на колени в благоговении, а дворяне покорно вложили мечи в ножны, и лицо Епископа побледнело, а руки его дрожали.

– Тот, кто выше, чем я, короновал тебя, – воскликнул он, упав на колени.

И молодой Король сошёл вниз с высокого алтаря и двинулся обратно сквозь толпу народа. Но ни один человек не осмелился взглянуть ему в лицо, ибо оно было подобно лику ангела.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА

СЮЗАННА КАРЛСОН (род. в 1965 году)

Сюзанна Карлсон родилась в г. Саннивейл, штат Калифорния. Писать начала в 12 лет. Тогда же завоевала главный приз в национальном конкурсе по написанию эссе. Начала печататься с 17 лет. В 1989 г. окончила государственный университет в Сан Хосе по специальности «Литературное творчество». Бакалавр искусств. Мастер творческого письма (аналог PhD).

С 2009 г. занималась в студиях литературного мастерства. Успешно участвовала в различных литературных конкурсах. Её рассказы и стихотворения были опубликованы во многих англоязычных журналах. В течение 30 лет С. Карлсон является владельцем фирмы по оказанию услуг в области технического редактирования и издательства. Ведёт активную общественную деятельность.

Заметное влияние на творчество писательницы оказали её любимые авторы: Шекспир, Фланнери О'Коннор, Рэймонд Карвер, В. С. Мервин и Сильвия Плат.

Произведения Сюзанны Карлсон опубликованы в нескольких англоязычных изданиях: “Sequoia”, “Narrative Story of the Week”, “Sparkle and Blink”, “Sixfold”, “Read Short Fiction”, “Pebble Lake Review”, “Pierien Springs”. Новеллы, или малая проза, содержат элементы ужаса и абсурда. Это может быть и «страшный» рассказ на запретные темы, семейная идиллия, которая оказывается иллюзорной, драматическая история с элементами фантастики, когда героя ждёт крах надежд и, вероятно, гибель. С. Карлсон уделяет внимание и описанию состояний природы, которые отражают эмоции главного героя. В новелле «Среди животных» автор проявляет глубокий интерес к психологической стороне жизни простых американцев и поднимает вопросы, связанные с состоянием общества, в котором она живёт.

СРЕДИ ЖИВОТНЫХ

С чашкой кофе в руке Линда всматривалась в сгущающиеся сумерки за окном, расположенным над раковиной, настороженно прислушиваясь к отдалённому урчанию и жадному утробному рёву охотящихся койотов, – к такому сумасшедшему скрежету, который переходил в дикий хохот, когда они вгрызались в добычу и разрывали на части какого-нибудь бедного чернохвостика или зайца. Она вся напряглась, пытаясь разглядеть это действие в темноте, но видела только очертания гигантских кактусов сагуаро и креозотовых кустов на фоне более светлого небосвода.

Ей нравилось жить под сенью Каталины, среди животных, к звукам которых она привыкла с детства: это и квохтанье перепёлок, брачные песни их самцов, звуки воркующих голубей инков «ноу хоуп, ноу хоуп», ритмичный стук дятлов по крыше, а ночами – вой койотов, свист ястребов и пронзительные крики сов. Иногда она вставала рано утром, чтобы наблюдать за местным стадом вилорогов, роющихся в объедках вчерашнего ужина, которые она оставляла для них у большой миски с водой. Однако в последнее время она позволяла себе поспать подольше, так как ночи были беспокойными.

Сегодня она была даже рада, что ещё не нашла работу в городе Тусоне, экономика которого переживала глубокий кризис. Она чувствовала себя больной и разбитой и лишь к полудню смогла подняться с постели. Не то, чтобы она не хотела спать, скорее наоборот, она всячески пыталась прогнать сон, с жадностью пила кофе и смотрела в потемневшие окна, стараясь не заснуть. Дело в том, что когда она погружалась в сон, то сразу оказывалась во власти мрачных сновидений, из которых нелегко было выбраться. Это нельзя было назвать кошмаром, скорее всего, это были какие-то тёмные, спутанные образы. То за ней кто-то гнался, то она преследовала кого-то, а иногда она просто кружила в темноте, в полудрёме, в некоей неопределённой бесконечности. И когда её охватывало всепоглощающее чувство страха, она просыпалась и чувствовала, что кто-то невидимый наблюдает за ней всю оставшуюся ночь. Она чувствовала на себе чьи-то взгляды – хитрые, голодные, хищные, хотя и незлобные.

Когда она впервые приехала сюда, ей удалось приобрести глинобитный домик. Друзья её друзей тщетно пытались его продать, но покупатели не находились. Их мать прожила в этом доме не одно десятилетие. Ветхая старушка перебивалась кое-как, обслуживала сама себя до конца жизни, пока однажды в июне не исчезла. И хотя её поношенная одежонка вскоре была найдена в овраге, тело её так и не было обнаружено. Линда предположила, что она просто умерла в саду и была съедена животными, но сарафанное радио создавало разные мифы вокруг её исчезновения, которые, очевидно, отпугивали потенциальных покупателей.

Линда считала себя прагматичной городской девчонкой. Её не пугали страшилки, рассказанные соседями. Они не помешали ей влюбиться в это укромное местечко, и она сразу же купила его со всеми нехитрыми пожитками. В течение несколько недель она упаковала свои вещи и навсегда покинула Сан-Франциско в поисках спокойной жизни. Она мечтала закончить свои дни в пустынном месте, как та ветхая старуха. Теперь, когда её мечты сбылись, она стала снова тосковать по своей городской квартире в долине Хайес и по постоянному гудению человеческих голосов и муниципальных автобусов на улице...

Койоты продолжали тявкать и скулить. Линда сидела на своей кровати с открытым ноутбуком, в комнате, расположенной над гостиной. Она выглянула в окно, надеясь, что с этой более высокой точки обзора ей удастся их увидеть, но она увидела лишь тёмные тени в серой дымке, мчащиеся среди кактусов и мелких кустарников. Можно сказать, что она морально выдохлась, но после выпитой чашки кофе совсем не чувствовала усталости. Это было ужасное состояние, но оно оправдывало цель. Она наблюдала, как стая сбилась в кучу в её палисаднике, и тут она услышала визг кролика, — его предсмертный крик пронзительно прозвучал в победоносном гвалте койотов. И вдруг что-то ударило в окно. Прямо ей в глаза смотрел койот. Его острая морда, на миг освещённая светом спальни, была искажена гримасой отчаянного триумфа. Со страху она выронила чашку кофе и громко вскрикнула от боли, когда горячая жидкость выплеснулась на её скрещенные ноги. Струйки белого дыма поднялись с экрана ноутбука, и экран потемнел. Она отшатнулась от окна, больше озабоченная своим дымящимся ноутбуком, чем тем, что ей только что пришлось увидеть за окном.

Спускаясь вниз по лестнице с намокшим постельным бельём в руках, она вдруг осознала, что всё случившееся ей привиделось. Койоты не могли так высоко прыгать. Конечно же, это всё следствие переутомления: переутомлённый мозг с кофеином создал это видение. Её ноутбуку был нанесён ущерб, кровать промокла, и впереди её ждала целая ночь без сна...

Как-то раз соседка принесла ей книгу, которую она очень советовала ей прочесть, но Линду небывшие абсолюты абсолютно не интересовали. Но теперь ей не оставалось ничего лучшего, как взяться за чтение, и она сняла книгу с полки. Линда несколько растерялась, глядя на мрачную обложку и нелепый заголовок «Перевёртыши: мифы или чудовища». Соседка полагала, что именно эти перевёртыши виновны в исчезновении предыдущей хозяйки дома, — злобные духи, обладающие способностью принимать облик любого животного. Со слов соседки, старушка верила в то, что подобные существа преследуют её. Раньше Линда списала бы всё это на старческое слабоумие, но теперь у неё появился интерес к этой теме. Она пролистала книгу в поисках каких-нибудь сведений о летающих койотах, но так ничего не нашла. Тогда она откинулась на диван и позволила себе расслабиться. Снова вернулись сны: нагромождение причудливых образов, пустынный кустарник,

свет и тьма, её босые ноги бегут по пыли и камням, шипы кактусов и колючки царапают её тело, тело разрывается на части, кружится в воздухе и падает...

Она проснулась в ужасной панике. Сердце билось как сумасшедшее. Линда вскочила и стала ходить по комнате взад и вперёд, словно пойманный зверь в клетке, чувствуя на себе чьи-то взгляды, нет, не через окно, а рядом с ней, в каждой комнате. Терпеливые, спокойные, голодные глаза. Она заварила себе ещё одну чашку кофе, вытащила постельное бельё из стиральной машины и запихнула его в сушилку. Под знакомые звуки сушильного барабана она немного пришла в себя.

И всё-таки Линда не могла избавиться от ощущения, что в доме был кто-то ещё. Ей чудились какие-то призраки, там, где их не должно было быть, – низкорослые тёмные существа, которые тут же исчезали, как только она смотрела в их сторону. В полуобморочном состоянии она стояла посредине своей гостиной, сжимая в руке чашку кофе, озиралась по сторонам, словно зверёк, пойманный в ловушку. Ей бы выбраться из неё, куда-то убежать. Хотя бы к соседке. Но как можно в четыре утра стучаться в чью-то дверь – в пижаме, на которой проступают мокрые кофейные пятна, – чтобы рассказать о каких-то призраках? И она ни за что не станет подниматься по лестнице в свою комнату, к тому окну, где ей привиделся койот. Призраки становились всё наглее, легко ускользали от её взора, но не исчезали. Она чувствовала, как они приближаются. Что-то метнулось к ней со стороны дивана. Она выронила чашку кофе и выскочила через парадную дверь на улицу.

Высоко над ней протянулся Млечный Путь, – как знамя, повисшее между высокими скалами Каталины на западе и низкими холмами Ринконы на востоке. Что-то большое и тёмное пролетело над её головой. «Сова», – подумала она и побрела в ту сторону, где ярко горели огни города, придерживаясь середины дороги, освещённой жёлтыми уличными фонарями, и краем глаза следя за призраками, которые плотно обступали её со всех сторон. Она бросилась бежать босиком по мостовой. Фалды её халата развевались за спиной. Она чувствовала, как призраки преследуют её, – эти тёмные существа, темнее ночи, эти мелькающие тени среди звёзд. Сначала они были где-то далеко, теперь всё ближе и ближе, совсем рядом, за спиной. Она слышала скрежет их когтей по тротуару, их тяжёлое дыхание, радостные вопли. Вот одна тень мелькнула перед ней, затем другая. Она свернула с дороги прямо в кусты, помчалась мимо кактусов вдоль одного из многочисленных оврагов, которые пересекали пустыню. Каждый вдох отзывался нестерпимой болью в грудной клетке. Ноги в кровоточащих ссадинах отказывались бежать, и, наконец, она рухнула навзничь. Она чувствовала их приближение и ощущала, как сильно изодрана её кожа, повреждены мышцы и разорваны сухожилия. Затем она перестала что-либо чувствовать, просто стала проваливаться в темноту, вращаясь в безмолвном пространстве...

Жаркое солнце поднялось над горами и разбудило её. Линда лежала неподвижно на песке, наблюдая, как неподалеку медленно и важно бродит выводок белых куропаток. Её рот был набит песком, бескровные губы в пыли, волосы прилипли к коже, но она совсем не чувствовала боли. Скорее наоборот, она чувствовала себя отдохнувшей впервые за долгое время. Она встала, отряхнулась и побрела в кусты, оставляя глубокие вмятины на песке – единственное свидетельство того, что она была здесь когда-то...

Перевод с английского Иды Замирской

ПАНИННГУАК БОАССЕН (род. в 1997 году)

Паниннгуак Боассен родилась в г. Маниитсоке в западной Гренландии, росла в г. Сисимиуте. Сейчас живёт в Копенгагене. Новелла «Синдром кивиттока» была опубликована в сборнике «Юность в Гренландии – юность в мире» ("Ung i Grønland – ung i verden"), выпущенном гренландским издательством "Milik" в 2013 г.

В этой новелле внимание переводчика привлёк сплав самой что ни на есть современной повседневности с архаичным традиционным фольклором, в наши дни уже не являющимся для молодёжи неотъемлемой частью быденного окружения.

Вот что говорит о ней сам автор: «Учиться читать мне было трудно, но как только я прочитала первую книжку, то уже не могла остановиться. Мир фантазии дарил мне радость, и этой радостью мне хотелось поделиться с другими, так что я начала писать рассказы, которые, как я надеялась, могли бы помочь людям немного абстрагироваться от своей обыденности. «Синдром кивиттока» – мой первый рассказ, а источником вдохновения для него послужил «Стокгольмский синдром» – любовная история, которая, может, и не является любовной историей». На момент сочинения новеллы автору было 15 лет.

Перевод публикуется с разрешения автора и издательства "Milik".

СИНДРОМ КИВИТТОКА

«А ну, вставай давай!» – снова раздался женский голос, но я лишь натянула одеяло на голову и попыталась вспомнить свой сон. Потом я услышала злые шаги из кухни по направлению к моей комнате, и вся моя решимость улетучилась. Я отшвырнула одеяло и начала натягивать через голову розовую кофту. Я едва успела выскочить из дверей, прошмыгнув мимо матери, – а ведь она уже почти дошла до моей двери, и это могло кончиться плохо. По утрам она бывает просто невыносима.

Я на скорую руку позавтракала, а мама тем временем отправилась на

работу, на ходу попрощавшись со мной. Я положила в сумку ноутбук, надела куртку и вылетела из дома.

Первый урок был убийственно скучным. Кто в состоянии сосредоточиться на уроке математики в понедельник утром? Было сложно, но мы, как обычно, пережили всё. Мы с Арнак сперва заглянули в буфет и купили яблоко, а потом пошли на следующий урок. Это был урок датского, и вёл его прямо-таки типичный датчанин: разговорная машина. Наверно, где-то глубоко-глубоко в их викингских генах была заложена потребность покричать. Но с течением времени это переросло в непрерывный поток болтовни, которым они сейчас и раздражаются вместо воинственного вопля, который под-разумевался изначально.

Мы обсуждали наши планы: как мы поедем на настоящий пикник. Мы в своё время посмотрели кучу американских фильмов, в которых герои устраивают пикники у себя в парках, вот и решили взять с них пример.

«Вы там внизу слушаете?» – спросил учитель датского, бросив в нас от доски строгий взгляд. Мы сели в самый задний ряд внизу, чтоб нас было незаметно – а всё же нам не повезло, и мы не укрылись от орлиного взора учителя.

Во время обеденного перерыва мы обсуждали, какую еду возьмём с собой. Первыми в нашем списке стали, конечно же, сэндвичи домашнего изготовления: ведь в больших корзинах для пикника они всегда бывают. Пока мы беседовали, на наш стол легла тень и чей-то голос обвинительным тоном произнёс: «У вас вид как у заговорщиков; о чём разговариваете?» Это был Ангутиирак со своей милой улыбкой. «Да нормально всё, ничего противозаконного», – сказала Арнак, ласково улыбнувшись. Я украдкой посмотрела на Ангутиирака, садящегося за стол. Я была рада, что ответила ему Арнак.

Я всегда была немножко влюблена в Ангутиирака, но не решалась сказать ему об этом: боялась, что это положит конец нашей дружбе. Остаток обеденного перерыва мы обсуждали предстоящий поход, и, хотя Ангутиирак канючил, чтоб мы взяли его с собой, мы попросту ответили ему, что это пикник только для девочек, а раз он не девочка, то ему с нами нельзя.

Всю неделю нас заваливали домашними заданиями, и мы едва успели продумать план похода. В пятницу вечером Арнак должна была прийти ко мне ночевать. А утром мы собирались забраться на Пасторову гору в десять часов.

На полпути на гору мы сделала привал, чтобы попить. «Ну, а сейчас можно и спуститься», – сказала слегка запыхавшаяся Арнак.

«Ты что забыла: дома нас ждёт целая куча скучных уроков?» – сказала я с улыбкой.

Арнак резко вскочила. «Ну, тогда пошли дальше!» – очень энергично произнесла она, а потом мы обе расхохотались.

Мы медленно пошли дальше вверх по склону, обсуждая, как наши одноклассники рот разинули, когда мы сказали им, что пойдём устраивать настоящий пикник на самой вершине Пасторовой горы. В последние два дня мы переделали целую кучу домашних заданий, чтоб выкроить время на этот поход.

Когда мы, наконец, дошли до вершины, то так обрадовались, что запрыгали и принялись фотографироваться в доказательство того, что мы действительно здесь побывали. Мы наснимали целую кучу фотографий на фоне одного и того же горного кряжа. Мы смеялись и смотрели в телефон, чтоб проверить, хорошо ли получилось. Дойдя до пятого снимка, мы остолбенели. Мы медленно подняли глаза от телефона к горному кряжу, тянувшемуся далеко вглубь земли, с ранним снегом на вершинах, под голубым небом с чёрными тучами у горизонта. В каких-то пятистах метрах от нас на одной из вершин стояла фигура, одетая в одну оленью шкуру. Но это мог быть и просто охотник, которому стало холодно, или какой-нибудь совершенно случайный человек. Однако эта фигура пристально смотрела на нас. На наших фотографиях было заметно, как чёрно-бурое пятно быстро приближалось к нам. Скорость, с которой оно двигалось, превосходила всех известных нам марафонских бегунов. С каждой секундой оно продвигалось, по крайней мере, метров на тридцать. Как только мы оторвались от телефона и кинули взгляд на гору, где оно стояло, оно вдруг исчезло и вскоре приблизилось к нам ещё на пятьдесят метров. Кажется, мы с Арнак подумали об одном и том же, потому не прошло и двух секунд, как мы уже подхватили сумки и со всех ног помчались вниз с горы.

«Он приближается!» – в испуге вопила Арнак, которая улучила момент и оглянулась через плечо. Но это было большой ошибкой, потому что в тот же миг она наступила на сыпучие камни и с шорохом поползла вниз. «Арнак!» – закричала я, но тут моё тело внезапно покинули силы, а глаза сами собой закрылись.

Я резко просыпаюсь и принимаю сидячее положение. Я лежу на чём-то жёстком. Я в недоумении оглядываюсь по сторонам. Единственное, что я вижу: я в какой-то норе, а тучи на небе тёмные. Я В ПЕЩЕРЕ?! Я поднимаюсь, но тут же вновь падаю на пол. Я не чувствую ног. У МЕНЯ НОГ НЕТ?! Но тут я быстро смотрю на нижнюю часть своего тела и отчётливо вижу свои штаны из шкур, а под ними – камики. ШТАНЫ ИЗ ШКУР?! И снова я пытаюсь встать, но падаю. Меня охватывает паника, но я не могу издать ни писка. На мне же были рваные джинсы, когда я в последний раз смотрела на свои ноги. А когда я на них смотрела? Утром, когда

разговаривала с Арнак об... Арнак? «Арнак!» – кричу я, но ответа нет. Я снова оглядываюсь вокруг, но она нигде не сидит и не говорит: «Вот я».

Я сижу в небольшой пещере у задней стены, и до выхода там примерно пять метров. Наверно, с тех пор как я упала в обморок (или что там ещё) прошёл по меньшей мере час. Потому что сейчас чёрные тучи, которые, пока мы фотографировались, клубились у горизонта, уже были над самой пещерой.

Но куда же я всё-таки попала? Я шупаю свои ноги и понимаю, что они просто онемели. Я буду относиться к этому спокойно, и они оживут. Сперва я легонько похлопываю по ним, пока в них не появляется чувствительность, потом поднимаюсь, держась за стену. У меня сосёт под ложечкой, когда я медленно продвигаюсь к выходу и заглядываю вниз... И вниз, и вниз! Внизу я вижу землю, до неё, по крайней мере, метров двадцать! Я смотрю вверх и по сторонам: сплошная скальная стена. Я сижу в пещере... в скале... и до земли двадцать метров! Я сажусь у стены возле выхода, и в мозгу у меня совсем пусто.

Я просыпаюсь от шума дождя – но мне неохота в школу, и я переворачиваюсь на другой бок. Но что-то здесь не так! Я лежу на чём-то остром – и что-то я не припомню, чтоб моя кровать была такой жёсткой. Я сажусь – и чувствую, что уже делала это, как при дежавю. Я заслоняю глаза рукой: вокруг светло, хотя я и задёргивала занавески. Я думаю: «А не забыла ли я что-нибудь?» – и свешиваю ноги с кровати... ЧТО ЗА...! Меня охватывает паника, и я поднимаюсь. Лихорадочно озираюсь. Пещера! Она так и не исчезла? Я сажусь на землю, разинув рот. Вот если бы Арнак сейчас увидела меня такую – с раскрытым ртом, она наверняка посмеялась бы! Я сижу совсем тихо. Я словно примёрзла к каменному полу, но в моей голове... Я сбита с толку и совершенно не понимаю, что вижу. В голове у меня крутится только одно: „WHAT THE HELL?!“ И вот, я просто сижу и вспоминаю случившееся. Мне тотчас же приходит в голову, что фигура, которую увидели мы с Арнак, был кивитток. Но почему он тогда меня не убил или что-нибудь в таком духе? Я много думаю о фильме “Qaqqat alanngui”¹. Кивитток же должен меня убить, а потом я превращусь в зомби со страшной рожей!

Когда мы с Арнак ходили на этот фильм, нам было весело, а когда мы недавно сходили на него во второй раз, мы веселились ещё больше. Я чувствую, как у меня двигаются губы, и понимаю, что улыбаюсь. Я выхожу из своего забытья и осматриваюсь. Я каменею, когда замечаю, что снова отодвинулась от входа в пещеру к задней стене. Помню только, что здесь, у входа я то ли заснула, то ли потеряла сознание, и что сейчас я просыпаюсь

¹ «Ужас в горах» – гренландский триллер 2011 года, в котором герои, отправившиеся в горы на выходные, сталкиваются с фольклорной нечистью. (Прим. пер.).

впервые с того момента. А ведь я не только отодвинулась от входа – здесь ещё появилась связка шкур. Я так пугаюсь, что плотно вжимаюсь в каменную стену. Лишь через пять минут я решаюсь приблизиться к комку шкур. Сейчас вполне ясно, что это какой-то мешок, а в нём что-то лежит. Когда я окончательно убеждаюсь, что он вдруг не зашевелится, я медленно протягиваю к нему руку и пробую найти горловину. Вот она, затянута кожаным шнурком. Я медленно развязываю этот шнурок и вытряхиваю на землю содержимое. В мешке оказалось несколько крупных ягод шикши¹, кусок сырого мяса величиной с мою голову, какой-то наполненный бурдюк из выделанной кожи и моя одежда. МОЯ ОДЕЖДА?! Я смотрю на своё тело. На мне только одежда из оленьего меха или тюленьих шкур. У меня вырывается слабый визг: меня кто-то раздевал! Но потом я, к своему облегчению, замечаю, что моё бельё всё же на мне. НО ПОЧЕМУ Я ИСПЫТЫВАЮ ОБЛЕГЧЕНИЕ? Меня кто-то заташил в пещеру в скале, раздел до белья (ну пожалуйста, пусть будет только до белья, а не дальше!) и, вероятно, решил, что я буду здесь жить – поскольку это существо оказалось столь любезно, что принесло мне еды (если это можно назвать едой), и оставило меня в пещере, сбежать откуда я не могу, так как не планирую прыгать с двадцатиметровой высоты.

И тут меня осеняет гениальная мысль – или просто надежда? Я подхожу к выходу, оглядываюсь вокруг, всматриваюсь в горизонт. А потом приступаю к осуществлению своего гениального плана: «ПОМОГИИИТЕ-ЕЕЕ! МЕНЯ КТО-НИБУДЬ СЛЫШИТ? КТО-НИБУУУДЬ! НА ПОООМО-ОЩЬ!» – всё кричу и кричу я, пока не замечаю, что ко мне приближается бурое пятно. Я обрываю свой крик о помощи на середине и сосредотачиваюсь на буром пятне, а оно всё ближе. Я цепенею, и чем ближе оно подходит, тем дальше я отступаю. Вот он! Вот тот зверь, который играл со мной. А сейчас он пришёл меня убивать. Я совсем припёрта к стенке. Я сползаю вниз, упираю подбородок в колени и начинаю надеяться на лучшее. Но эта поза, обычно такая успокаивающая, не помогает, когда ОН появляется у входа в пещеру и смотрит на меня сверху вниз. Я кричу изо всех сил, закрыв глаза.

И снова я просыпаюсь в темноте на жёстком, но в этот раз не думаю о том, как встать с кровати. Я быстро открываю глаза и смотрю на вход в пещеру, но того, кого я считаю кивиттоком, нигде нет. Это самый подходящий момент, чтоб с облегчением вздохнуть, но, кажется, я набрала в лёгкие

¹ Шикша – чёрная (с сизым налётом) или красная ягода диаметром до 5 мм. Растёт в России, Канаде, Дании и Финляндии. (Прим. ред.).

слишком много воздуха. Я начинаю плакать, в промежутках тихонько икая, и всё тело у меня как будто трясётся. Я снова сажусь, уперев подбородок в колени, и чувствую, что, пока я плачу, меня окутывает приятное тепло. Пахнет землёй, кустами шикши и чуть-чуть овцебыком. Мне становится уютно, и я продолжаю плакать. Но что-то тут не так!! Я поднимаю глаза от колен и смотрю на... темноту? Но в этой темноте как будто есть что-то тёплое. Меня влечёт туда, и мне не важно, что меня может туда затянуть. Но темнота вдруг отступает – и вот он! Я знаю (не могу сказать, откуда), что это мужчина. Мне не страшно, я просто смотрю на него. На нём надеты латанные-перелатанные штаны из тюленьей шкуры и анорак, который тоже выглядит совсем заношенным. На голове у него капюшон, и из-за этого на месте лица видно только темноту. «Привет!» – охрипшим голосом здороваюсь я, но тут его уже и след простыл.

Я сижу совсем тихо и смотрю на то место, где он только что стоял, – а в это время в пещеру прокрадывается холод. Я осматриваюсь и, к своему удивлению, замечаю, что пещера стала больше. Я подхожу ко входу, до которого теперь десять метров, и замечаю, что вид оттуда открывается такой же, как раньше. Я окидываю пещеру взглядом и вижу, что в ней лежат шкуры овцебыков и оленей – а также и моя сумка. Я подхожу к ней и заглядываю внутрь. Нахожу в сумке свой мобильный телефон и смотрю на экран. Как и следовало ожидать, сети нет, к тому же, от заряда батарейки осталось всего 25%. Я перевожу его в энергосберегающий режим и начинаю подсчёты. При обычном пользовании телефоном батарейка у меня, как правило, разряжается за два дня. Я помню, что, когда смотрела на телефон в субботу утром, там было 75% заряда. Это заставляет меня снова взглянуть на экран, и я вижу, что сейчас воскресенье, 15:49. Используя эти цифры и знания, которые дал мне учитель математики, я подсчитываю, что каждые 38 минут заряд батарейки будет уменьшаться на 1%. А 38 минут умножить на 25... думай, голова, думай. До полной разрядки моего телефона осталось примерно 15 часов 50 минут.

Сейчас я вижу на экране телефона, что время – 18:06. В последние два часа я думала о маме: как она там? Ещё мои мысли крутятся вокруг Арнак: она, небось, дома, уроки делает, – а может, пошла пообедать с Ангутиираком? Я села, прислонившись к задней стене, подстелила оленью шкуру, а шкурой овцебыка накрылась, как покрывалом. По той или иной причине мне больше не страшно. Я не в недоумении. У меня просто есть вот это чувство: что всё образуется.

Не понимаю, как это я могу так долго спать. Когда я проснулась, он стоял у самого входа, но едва я заметила его, он исчез. Он принёс ещё один

мешок еды. И до него, вроде бы, дошло, что сырого мяса я не ем. Шматок мяса там такой же величины, как в прошлый раз, но на этот раз он поджарен. Тут меня вдруг охватывает жуткий голод, и я съедаю его в два счёта, он такой вкусный! Я недоумеваю... И мне страшно. Недавнее чувство освобождения исчезло, и я не могу бросить думать о том, что же сейчас будет.

Я сажусь у входа и выглядываю наружу. Там светит солнце, всё красиво. У подножья горы есть плоский участок, и там всё зелено от зарослей шикши, но коричневые пятна на них говорят о том, что начинается похолодание. На небе ни облачка, но дует холодный ветер, и у гор снежные шапки. Я вижу чёрные тучи у горизонта: будет либо дождь, либо снег. Я думаю, что снег: для дождя воздух слишком холодный. Мне становится скучно, так что я встаю, подхожу к сумке и открываю её. Ищу, ищу, ищу... о-о, вот блокнот... а вот и ручка. Порисовать, что ли? Я же люблю рисовать, когда у меня нет других дел. Я сижу у входа и пробую зарисовать горы, которые вижу, и вдруг замечаю вдали движение. Я вскакиваю и всматриваюсь в то место, где увидела его, но это всего лишь овцебыки. Я снова сажусь и пробую зарисовать их, но они слишком далеко, и мне не разглядеть деталей. Я даже не могу сосчитать, сколько их. У Арнак отец часто ходит на охоту, и меня пару раз брали с собой и давали пострелять. Но, к сожалению, стрелок из меня никудышный, я никогда не попадаю в цель. Но я быстро отгоняю мысли об оружии: у меня один друг покончил с собой, застрелившись из охотничьего ружья. Больше позитива... больше позитива... У Ангутиирака улыбка такая милая, а зубы совсем белые. Я почти машинально принимаюсь рисовать собственную версию Ангутиираковой улыбки. Но рисую я не очень хорошо, поэтому улыбка у меня получается, как из комиксов, со звёздочками в уголке, которые дают понять, что она сверкает. Интересно, собирался ли кивитток меня сожрать? ЧТО ЗА...! Эта-то мысль откуда взялась? Я должна думать только о приятном – и чтоб никакого негатива! Да я и не верю, что он может меня слопать, он такой милый, тёплый, ему такое и в голову не придёт!

На следующий день всё точно так же: я просыпаюсь, а он стоит у входа и потом исчезает. Пока я сижу у входа, начинается снег. Я приношу шкуру овцебыка, снова сажусь на то же место и, согреваясь, продолжаю рисовать снежинку. Закончив рисовать, я поднимаю глаза и люблюсь падающим снегом. Мне нравится красота кружащегося снега и то, что тогда всё на время становится белым. Я вижу вдали движение, и знакомое бурое пятно приближается. Я окидываю пещеру глазами, чтобы проверить, всё ли там прибрано, а после этого перевожу взгляд на силуэт, теперь уже отчётливый, который то исчезает, то опять появляется. Я так и остаюсь сидеть, завернувшись в шкуру овцебыка. И вдруг он вырастает передо мной, и, хотя я только что была у входа, сейчас я удалилась от него на полтора метра и

смотрю в темноту. Мне на колени прикатывается что-то мокрое, но я не обращаю на это внимания, не в силах оторвать взгляда от темноты. Я вдруг вспоминаю, как мама меня отругала, – на самом деле, за короткий миг передо мной встают как живые все те разы, когда она меня ругала, хотя их было очень много. А потом вспомнились и ссоры с подругами, и то, как умер дедушка, а под конец – самое плохое.

Я сидела в классе и болтала с подругами, когда раздался звонок на урок, а наша учительница всё не шла, и мы стали надеяться, что её сегодня нет в школе, а значит, у нас два следующих урока будут свободны. Но она вошла через десять минут и попросила нас сесть. Она выглядела не как всегда, а как-то по-другому, но в тот момент я не могла уловить, что именно в ней изменилось. Потом в ушах у меня застучало, и весь класс посмотрел на пустой стул, на котором обычно сидела Рита. Слова, которые только что произнесла учительница, так и отдавались у меня в ушах: «Вы, наверно, слышали, что вчера вечером произошло самоубийство; мне очень горько об этом говорить, но, к сожалению, это была Рита». Я думала только о Рите: Рита – весёлая девчонка, хорошая ученица, лучший друг, который поддержит в трудную минуту, – и вот её уже нет! Я взглянула на учительницу и только тут поняла, что же в ней изменилось: глаза у неё слегка покраснели. А если приглядеться получше, складывалось впечатление, будто её глаза кто-то погасил. Дальше день проходил так: нас всех повели к психологу, а потом распустили по домам. В следующие недели два учителя так и тряслись над нами: они боялись, что мы поступим так же, как Рита. Но наш класс был связан крепкими узами, и мы пережили это. Меня по ночам до сих пор мучают кошмары, поэтому я зажигаю свет и остаток ночи провожу без сна. Я никогда не забуду Риту.

Мне это скоро надоест; я просидела в этой пещере уже целую неделю, а ничего не произошло. Он иногда заглядывает проведать меня – во всяком случае, мне кажется, что он делает именно это. Я привыкла к нему и при его приближении испытываю почти радость. Наверно, это оттого, что кроме него здесь больше поговорить не с кем, хотя я сказала ему только «Привет!» и «Ну, что?», после чего он исчез. Я не знаю, что ему от меня надо, раз он не разговаривает со мной и не убивает меня. Мысли о моих близких теперь как в тумане, и когда я пытаюсь вспоминать их, туман только сгущается, а меня охватывает безразличие. Из-за этих мыслей у меня по щекам порой текут слёзы, но тут я начинаю ощущать тепло и запах овцебыка. Он всегда рядом, когда я плачу или грущу, и когда я чувствую это тепло, у меня всегда возникает ощущение, что всё образуется. Вход в пещеру стал моим излюбленным местом: я рисую, выглядываю наружу и в это время думаю о нём. Я провела психологический самоанализ, чтоб выяснить, не свихнулась ли я. Проблема только в том, что окончательного ответа я никак не найду. Я

спрашивала сама себя, верю ли в существование кивиттоков, и мой ответ: конечно, да. Но следующий вопрос таков: верю ли я, что всё это происходит со мной на самом деле. Тут заминка в том, что на этот вопрос у меня ответа нет. Вся еда тут вкусная, а я ещё немножко экспериментирую с ней, чтоб проверить, правильно ли мозг отмечает, какова она на вкус. Увы, частично выходит, что я вот-вот свихнусь! Например, я подобрала самый мелкий камешек, который только могла найти, и положила в рот! Сумасшествие тут состоит в том, что я запихнула его в рот без всяких колебаний, но моя реакция на это говорила о том, что свихнулась я ещё не окончательно, потому что я немедленно выплюнула его. Проблема ещё и в том, что всё выглядит очень натуралистично и похоже на реальность. Единственное, из-за чего мне кажется, что я схожу с ума – это то, ЧТО МОЙ ТЮРЕМЩИК В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ПОХОЖ НА КИВИТТОКА!!! Это вообще НОРМАЛЬНО, что КИВИТТОК утаскивает ЧЕЛОВЕКА с собой в ПЕЩЕРУ, да ещё расположенную В ДВАДЦАТИ МЕТРАХ НАД ЗЕМЛЁЙ?! До сих пор я подозревала, что свихнулась, а я хочу принять на веру расхожее мнение: кто называет сам себя сумасшедшим, тот уж точно не сумасшедший. То есть, когда я сойду с ума по-настоящему, то начну говорить, что я не сумасшедшая. «Л» – логика!

Я поднимаю глаза от самодельного комикса в стиле «палка-палка-огуречек» и слышу хорошо знакомый грохочущий звук. Я всматриваюсь в горизонт... и вижу, как подъезжает зелёный снегоскутер. Не знаю, что мне делать: покричать ему, или как? Я и сама оторопела от того, что вообще об этом задумалась: конечно же, надо привлечь внимание водителя! Но как мне его привлечь, ведь если я закричу, он не услышит. Мой мозг кипит под высоким давлением: что делать, что делать? И вдруг меня осенило. В сумке у меня лежит карманный фонарик, и если я посвечу им, водитель, наверно, заметит. Скоро стемнеет, так что это наверняка сработает. Вот я беру фонарик и направляю луч света к снегоскутеру. И тут меня осенило ещё раз – и я начала включать и выключать фонарик. Но мне всё равно кажется, что этого недостаточно. Снегоскутер идёт по курсу чуть слева от меня, так что у меня ещё есть шанс. А есть ли у меня ещё что-нибудь, чем можно светить или привлекать внимание? Мобильный телефон! Я надеялась, что придёт час, когда он сослужит мне службу, поэтому держала его выключенным. И – ВАУ! – я оказалась права!

Мы с Арнак однажды загрузили программу, которая заставляла телефон светить во всю мощь. Я спешу включить его, но он так медленно включается! Снегоскутер всё ближе и ближе, я продолжаю мигать фонариком, чтоб привлечь его. Но то ли свет фонарика слишком слабый, то ли водитель совсем не смотрит по сторонам. Наконец телефон включается, и сейчас я найду программу... она была где-то здесь... Не могу найти! Пусть она

найдётся, ну пожалуйста, пожалуйста! Ну ладно, воспользуюсь меню «Поиск». Щёлк-щёлк по клавиатуре... Давай же, быстрее, железяка ты негодная! Поторапливайся! Водитель снегоскутера так ни на что и не обратил внимания. Сюда посмотри, придурок! Наконец телефон всё нашёл, и я запускаю программу. Я делаю так, чтоб экран телефона мерцал, и машу им и фонариком над головой. В наступившей темноте трудно не заметить нечто, что так ярко светит и так бешено двигается. Наконец мне, похоже, удалось привлечь внимание водителя, потому что снегоскутер поворачивает в мою сторону. Я вне себя от радости – и продолжаю размахивать руками над головой. Снегоскутер останавливается. Сейчас он в двадцати метрах от меня, и я вдруг вспоминаю кое-что: тот день, когда Ангутиирак приобрёл снегоскутер. Я смотрю на скутер и узнаю его. Водитель, не заглушая мотора, снимает шлем... я не верю своим глазам!

«Эмм, я могу чем-нибудь помочь?» – кричит Ангутиирак взволнованным голосом.

«Это я», – отвечаю я, но голос у меня звучит как-то сухо, и, кажется, Ангутиирак его даже не слышит.

«Ты мёрзнешь, раз на тебе шкура надета?» – спрашивает он и пытается засмеяться, но его смех звучит очень делано. Но даже от такого смеха моему телу становится теплее.

«Вау! Ваще жесьть! А ты капюшон не снимешь, чтоб мне было видно, кто ты?»

Последнее больше похоже на команду, чем на вопрос, но я не понимаю, отчего у него такой испуганный голос. Я осматриваюсь вокруг... и мне становится страшно. Я стою внизу под пещерой, метрах в десяти от снегоскутера. Теперь я понимаю, почему у Ангутиирака такое ошарашенное и слегка оробевшее лицо: раз уж я могу взять и соскочить вниз, и встать в десяти метрах от него... Но ведь это всего лишь я, так что пусть он не садится на свой снегоскутер и не принимает такой вид, словно собирается спастись бегством.

Я непроизвольно делаю шаг к нему навстречу, я хочу с ним домой, хочу увидеть семью и друзей.

«Не подходи! Где она?! Я хочу знать, что ты с ней сделала? Арнак мне всё рассказала, так что врать бесполезно! Отвечай!» – Ангутиирак только что кричал на меня! Кого же он ищет? Что рассказала ему Арнак? И почему он решил, что я имею к этому какое-то отношение? Я тут и есть жертва; помоги мне добраться до дому! Я смотрю на его красивое лицо, но в последних лучах заката вижу злобу и боль, которых никогда не видела у него раньше. Во мне растёт страх, он затеняет радость, согревавшую меня всегда при виде Ангутиирака. Все воспоминания о том, как ласково он ко мне относился, всплывают к поверхности, а потом испаряются, превращаясь в ядовитый газ. Недоумение сменяется злостью. Я начинаю дрожать всем телом. Вся моя любовь к нему разом исчезает. Я больше не могу понять, как

когда-то могла быть влюблена в него. Человек, которого я когда-то любила, теперь для меня попросту незнакомец. Я замечаю за снегоскутером движение и вижу, как он стоит там в своих потёртых одеждах из шкур, со своей тёплой темнотой. В моей голове молнией проносится мысль: вот теперь твой муж! Но я игнорирую эту мысль и возвращаюсь к текущей проблеме: мой бывший возлюбленный променял меня на какую-то другую женщину, которую сейчас лихорадочно разыскивает. Что мне делать?

«Ну ты, доисторический пещерный человек, отвечай! ГДЕ ОНА?!» – Хотя Ангутиирак и напуган, он при этом очень сердит. Он не заметил, что у него за спиной кто-то стоит, и это, видимо, к лучшему, хотя я и не знаю, почему именно к лучшему. Почему он ищет ту женщину? Ведь он не может любить никого кроме меня – хотя, может, он и врал. Технически он никогда не говорил, что я ему нравлюсь. Но эта мысль ушла прежде, чем я успела додумать её до конца. Я ЕМУ НЕ ПРАВЛЮСЬ?! Наверняка же он смеялся надо мной у меня за спиной, наверняка же рассказал всем, какая я дура, потому что думаю, будто нравлюсь ему. У меня в сердце быстро разгорелась злоба. После того, как он спросил, где его новая возлюбленная (?!), это стало уже слишком. И вот – Ангутиирак лежит на земле, а я сижу на нём верхом. Я вижу в его глазах страх и втягиваю его в себя. Не знаю, как это объяснить (если это когда-нибудь придётся объяснять), но я просто беру и всасываю его испуг и ужас.

И вдруг я ощущаю у себя на плече руку. Я медленно поворачиваю голову и вижу дружелюбное золотистое лицо с длинными чёрными волосами. Это мужчина, и я чувствую, что уже где-то видела его. От него исходит тепло, какого я никогда не ощущала... нет, постойте-ка! Это чувство... И я бросаюсь ему на шею и вдыхаю знакомый запах овцебыка.

«Всё образуется», – говорит тёплый ласковый голос, и я уже ощущаю мир и уют. Но что он имеет в виду под этим «всё образуется»? Я оборачиваюсь и смотрю на Ангутиирака... и у меня перехватывает дыхание. От него осталась лишь пустая оболочка. Он похож на зомби из кино – но всё равно, как ни старайся, второй такой фигуры – кожа да кости, – какую сейчас представляет собой Ангутиирак, никому не создать. А его глаза – это что-то, что будет преследовать тебя в кошмаре, но чего по пробуждении никак не вспомнишь. Они выглядят безжизненными – а всё же сколько в них боли! Тёплая рука берёт меня за подбородок и отворачивает моё лицо: сама оторваться от этого скорбного зрелища я не в силах.

«Не печалься об этом, сейчас всё стало хорошо. Сейчас мы одинаковы, и ничто нас не разлучит».

Эти слова согревают меня, но что-то пытается сказать мне о чём-то ещё, – только я не пойму, что именно.

«Ничто нас не разлучит!» – произносит тёплый голос, и наши губы соприкасаются в ночной темноте.

Перевод с датского Ольги Маркеловой

ИТАЛЬЯНСКИЕ СКАЗКИ

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

КОРОЛЕВСКАЯ КОРОНА¹

У куриц были зубы, дети, –
Им это придавало сил...
Шёл чёрный снег по всей планете...
На нашем грешном белом свете
В те времена жил-был, жил-был...

... Король, у него было три сына. Однажды пошёл Король на войну в далёкое государство и вернулся с победой. Но, прибыв во дворец, вдруг заметил, что в пылу сражения потерял корону. Корону необычайной ценности, украшенную самоцветами и жемчугами. Даже радость победы не утолила его глубокой печали: ведь корона досталась ему от предков через пятьдесят поколений.

Обратился он к своим сыновьям Эразмо, Ипполито и Джачинто: «Дети мои, я потерял корону, и всё войско моё не смогло её найти. Судьба, возможно, будет безжалостна к вам. И всё же идите ищите мою корону. А я отрекусь от престола в пользу того, кто первым её найдёт».

И пошли трое юношей попытать своё счастье. Но как только вошли в густой лес, Эразмо и Ипполито, два старших брата, покинули младшего – Джачинто.

– Джачинто удачливее нас, он найдёт корону. Это же курам на смех, если младший взойдёт на трон.

– Оставим его в лесу, он заблудится и не найдёт дорогу домой.

Так и поступили. Сплошная темень окутала лес. Громко кричал Джачинто, звал своих братьев. Силы оставили его, он прислонился к огромному дереву и заснул.

На рассвете он проснулся от лёгкого шелеста и увидел перед собой старичка с белоснежной бородой и добрым, отеческим взглядом. Это был отшельник.

Джачинто рассказал ему о своих злоключениях.

– Да будет мир с тобой, юноша, – сказал ему отшельник. – Я буду следить за каждым твоим шагом и приду на помощь, когда потребуется.

Он повёл его в свою хижину, чтобы Джачинто восстановил силы, и дал кедровую веточку.

– Если засомневаешься, куда идти, положи эту веточку на землю – и

¹ См. Сказки Гвидо Гоццано в журнале «Переводчик» № 20, 2020. СС. 156–171.
(Прим. ред.).

она укажет тебе верную дорогу.

Джачинто поблагодарил отшельника и отправился в путь. Через два дня увидел поле битвы и в ужас пришёл от страшного зрелища: бездыханные тела, разбросанные по всей равнине, насколько охватывал взор. Джачинто поклялся в сердце своём не допускать войн, когда он взойдёт на трон.

Как только он пришёл в себя, он вспомнил о цели своего путешествия, положил веточку у ног – и она стала вращаться подобно стрелке компаса. Указала путь в гору, которая возвышалась в глубине равнины.

Джачинто шел среди воинских доспехов, трупов лошадей и поднялся в тёмную долину. Волшебная веточка указала на дроковый кустарник. Приблизившись к нему, Джачинто наткнулся на труп воина, похитившего корону. Окровавленный от ран, он и мёртвым крепко сжимал драгоценный трофей.

Джачинто схватил корону и поспешно покинул поле ужасной бойни.

Радостный, он подумал о том, как принесёт корону отцу. Но в спешке забыл о волшебной палочке и оставил её между утёсами. А когда опомнился, было уже поздно возвращаться за ней: наступили сумерки. До самой ночи искал он дорогу, наконец, устроил себе убежище в сухих листьях и заснул.

Проснулся с рассветом от весёлого щебета птиц, летавших над ним. Птички стряхивали капельки росы, и Джачинто стряхнул капельки росы со своей одежды и направился по тропинке назад.

Вдруг услышал за спиной голоса братьев, которые тут же догнали его. Когда они убедились, что он цел и невредим, к тому же владеет короной, которую они столько искали, страшный гнев охватил их. Обменялись взглядами, и когда Джачинто пожаловался на мучающую его жажду, предложили вина из походной фляги, в которой было сильное снотворное. Джачинто сделал несколько шагов, зашатался и упал наземь. Коварные братья осторожно отнесли его в расщелину скалы и завалили проход каменной плитой.

– Больше не проснётся, – со злорадством сказали они и, прихватив с собой корону, пришли во дворец. Там их встретил радостный отец.

Однако, когда он узнал, что Джачинто не вернулся, его взгляд потускнел в предчувствии беды, которая стряслась с его любимым сыном.

– Где вы его оставили?

– Мы потеряли его в пути и ничего о нём не знаем.

Король призвал всех слуг со всех концов королевства отыскать Джачинто. Но поиски оказались безрезультатными, и король решил, что бедняжка стал жертвою диких зверей.

Король был в отчаянии.

Прошёл год, но время не излечило его от горя.

Как-то раз вместе с сыновьями своими проходил он через лес. И дошли они как раз до того места, где было совершено преступление. Король увидел пастушка с флейтой. Из флейты лилась жалобная песня:

*Король, или принц, иль наместник,
Коня осади, не спеши!
Услышишь ты скорбную песню
В скале погребённой души.*

*Ступая лесною тропою,
Был предан средь белого дня...
Я имя его не открою –
Того, кто здесь предал меня.*

*Я жив, но я сплю больше года,
Наследник и сын Короля.
И флейта поёт о свободе,
Тоскуя, стеная, моля.*

Король остановил коня и приблизился к пастушку. Каково же было его удивление, когда он узнал флейту исчезнувшего сына.

– Где ты её нашёл?

– У подножия этого дуба, – ответил пастушок и указал на скалу, которая охраняла юного Джачинто.

Братья, побледнев, посмотрели друг на друга.

Король остриём шпаги отвалил плиту от расщелины скалы. Все, кто находился здесь, вскрикнули от радости и удивления: они увидели лицо юного Джачинто, тихое, безмятежное, как будто он спал.

Пришёл сюда и преподобный отшельник.

Король взял сына под руки и доверил святому отцу, уповая на чудо.

– Не надо чуда, – сказал отшельник, – небо возжелало сохранить ему жизнь после погребения, чтобы он смог громогласно поведать всю правду.

Джачинто проснулся на руках у святого отца.

– Какую правду ты должен нам открыть?

– Никакую, отец мой!.. Только о моём злополучном летаргическом сне. Но не будем больше об этом думать.

Братья опустили головы в знак раскаянья, а Король ещё раз крепко обнял любимого сына.

ЛУКА И МАРИО

Обычная история маленького трубочиста. Родился в горах Савойи. Мать свою не помнил. Отец женился во второй раз и вскоре умер. Остался Лука один с мачехой, горянкой из Ревы. Как горные вершины, она была сурова и вся в морщинах; как горные ледники, холодна. Так Лука и рос, затерянный подобно воробышку в луговой траве и среди деревьев, не вызывая ни у кого ни любви, ни ненависти.

Когда ему исполнилось девять лет, мачеха уступила его за несколько монет какому-то бродяге, и Лука вместе с другими сверстниками последовал за ним без всякого страха, чуть ли не радуясь тому, что нашёл товарищей по судьбе. Через три дня они прибыли в незнакомый большой город.

И началась у Луки жизнь мрачная, работа тяжёлая и опасная. Ловкий, проворный и очень маленький и щуплый, он буквально просачивался в дымоход и, упираясь руками и ногами, подтягивался всё выше, выше, выше, как будто полз по тёмному, узкому колодцу, у которого не было конца...

И, бывало, обессиленный, задыхаясь от копоти, он пытался передохнуть на полпути в сплошном мраке, но тут раздавался понукающий голос хозяина. А где-то наверху Лука различал яркий голубой диск неба. И карабкался, карабкался вверх; выходя из дымохода, с бело-красной, а местами чёрной от копоти головой, вдыхал чистый воздух и вглядывался с крыши, сквозь лес коньков, на очертания далёких гор.

Он не был печален – тоска, которая охватывала его, не приносила страданий. Его не мучили воспоминания о людях, о пережитом. Он тосковал только тогда, когда взгляд его вновь встречал в долине столетнюю ель – его большого друга; скалу, в профиль напоминающую кота, – скалу, известную только ему; и радугу, отражённую в водопадах; и светлую зелень лугов, усеянных разноцветными цветами; и тёмную зелень елей со сверкающей белизной покровов.

Он тосковал по ним. Но не был печален, да почти и не страдал. Он думал, что такова судьба у всех. Для него естественными были это бесправное существование, тяжёлый труд, мрак и темень дымоходов.

Он видел других детей, но его простая душа горца не испытывала ни боли, ни зависти.

Когда случались перерывы в работе, он сидел на скамейке недалеко от великолепного общественного сада, в котором гуляли дети-«синьоры». После школьных занятий они, сопровождаемые мамами и боннами, гурьбой прибегали в сад, роились, как пчёлки, у газонов и щебетали, как птички, вылетевшие из клетки.

Лука не мог играть с ними; стоило ему только приблизиться, как дети бежали в испуге от его чёрного лица, от его измятой куртки.

Но однажды огромный мяч, с голубыми и серебряными разводами, отскочил от дерева и оказался на спинке скамейки, на которой сидел Лука. Лука взял этот мяч и передал мальчику, который, запыхавшись, подбежал к нему. Это был очень красивый ребёнок, с небесно-голубыми глазами и длинными, как у маленького пажа, белыми локонами. Он взял мяч, взгляд его остановился на пальцах Луки, и он испугался, увидев на них следы угля. А потом он взглянул Луке в лицо и улыбнулся:

– Почему у тебя лицо такое чёрное?

– Это моя работа...

- Ты его никогда не моешь?
- По праздникам.
- А почему не каждый день?
- Так ведь снова испачкается...

Мальчик немного помолчал и снова улыбнулся:

- Как тебя зовут?
- Лука.
- Лука... а дальше?
- А дальше ничего.
- У тебя есть папа и мама?
- Нет.

– А меня зовут Марио Дефилиппи, у меня есть мама, а папа... Папа не живёт с нами, он с мамой не поладил. Но он часто приходит ко мне и приносит сладости.

Мальчик опять замолчал. Он не знал, о чём говорить. И Лука молчал, смущённо улыбаясь. Марио тоже улыбнулся и побежал с мячом к своим товарищам.

К этой встрече, и к этим словам, и к этому бело-розовому мальчику, так хорошо одетому и так отличающемуся от него, Лука испытывал новое для него чувство восхищения и нежности. И он думал о нём весь день.

На следующий день он узнал его в компании друзей, долго следил за ним глазами, не осмеливаясь приблизиться. Он так и ждал, что мяч ещё раз прилетит к нему и Марио опять заговорит с ним. А Марио, казалось, забыл о новом друге. Он долго играл, а потом уселся около своей бонны и стал неохотно жевать сладкую булочку. Но, оглядевшись вокруг, узнал вдалеке трубочиста. Он тут же вскочил, подбежал к нему, молча улыбнулся и естественным, неподдельным жестом пригласил разделить с ним его полдник.

На этот раз с ним рядом сидела огромная собака.

- Твоя?
- Моя. Её зовут Фриц.

И с этого момента Марио и Лука стали друзьями. Неосознанное влечение друг к другу, природная нежность соединили богатого мальчика с чёрным от сажи альпийцем. Но Луку не приглашали играть. Марио даже не попытался представить его своим товарищам, он знал, что они не примут Луку в свою компанию, а его осмеют. Однако при каждом удобном случае подходил к трубочисту, вёл с ним разговоры, делился полдником. Разговорчивый, даже болтливый, о чём он только не рассказывал. Он и Луку пытался вовлечь в разговор, задавал ему тысячу вопросов. Но Лука оставался безмолвным. Он чувствовал в глубине души своей что-то неизведанное, ощущал в сердце что-то незнакомое и весь был переполнен каким-то сильным чувством, которое не имело названия.

В один из дней Марио не появился в саду среди друзей. Напрасно ждал его Лука и на следующий день, и потом ещё один день, и ещё... ещё. Он наблюдал за пёстрой толпой детей. Некоторых товарищей Марио он уже знал и набрался храбрости обратиться к одному из бежавших мимо него мальчиков.

– Он болен, – ответил мальчик, свысока окинув взором Луку, – у него дифтерит.

И тут же, устыдясь, что его застали в такой компании, с весёлым криком побежал к своим друзьям.

Марио был болен. Он лежал в бреду в своей изысканно обставленной комнате с окнами, выходящими в парк палаццо Дефилиппи.

У изголовья, в полной тишине, стояли сестра-монахиня, два доктора и совсем потерявшая надежду мать. Слышны были тяжёлые вздохи и слабые, в бреду произносимые слова больного. Мать, вслушиваясь, склонилась над ним. Мальчик говорил о солнце, о цветах, о птицах, об играх...

– Лука... хочу Луку.

– Кто такой Лука? – спросила тихо мама, готовая выполнить любое желание ребёнка.

Марио не услышал и не ответил ей.

– Хочу Луку. Не мой ему лицо... Хочу, чтобы он был чёрный...

– Ах! – мать повернулась к сестре-монахине. – Это трубочист, я его знаю.

Мать позвала бонну и тихо ей что-то приказала. У бонны вырвался жест удивления, чуть ли не протеста, но синьора строго и решительно повторила приказ.

Лука сидел на садовой скамейке, опёршись локтями на согнутые колени и сжимая ладонями подбородок. Вот уже целую неделю он не видел своего друга и испытывал глухую, непрекращающуюся сердечную боль.

Женский голос будто пробудил его:

– Ты – Лука, трубочист?

– Да.

– Синьора Дефилиппи, мать Марио, хочет, чтобы ты навестил её сына. Лука поднялся и, скрывая робость, последовал за синьориной.

Его ждали в комнате больного. Марио снова бредил, в голосе его звучала лёгкая хрипотца.

– Лука... мой мяч... Хочу трубочиста.

Мама в слезах склонилась над Марио, с трудом подавляя рыдания.

– Хочешь, чтобы пришёл Лука?

– Да... да, – с дрожью в голосе проговорил больной.

– Ну, так вот он.

Синьора отошла немного, и из-за её спины показалось улыбающееся лицо трубочиста. Марио тоже улыбнулся, впервые за последние дни; и впервые он, казалось, немного успокоился.

Весь день Лука не покидал его. Но к вечеру болезнь усилилась. Доктор в отчаянии потряс головой. После короткой передышки в доме опять повеяло безнадежностью.

Марио так хотелось, чтобы Лука не оставлял его ни на минуту. И Лука провёл у его постели всю ночь, весь следующий день и ещё одну ночь. Синьора послала его хозяину щедрое угощение, пригласив таким образом ребёнка в качестве утешителя к своему умирающему сыну. Умирающему! Конец приближался.

Прошёл ещё один день и ещё одна ночь.

На рассвете Марио приподнялся на подушках, обнял Луку за шею и, чуть не задушив, привлёк его к себе. А затем рука его ослабла в этом объятии, и сам он стал недвижим. Лука поднялся; Марио спал на спине.

Трубочист толком так и не понял тогда, что произошло. Он увидел, как синьора замахала руками, как её еле удерживали слуги. А дом разрывали долгие отчаянные крики, и двери открывались и закрывались, как будто внезапно грянула буря.

Толком он ничего не понял. Но вновь оказался на улице, с кошельком монет в руках, вернулся к скамейке и уселся, опёршись локтями на согнутые колени и сжимая ладонями подбородок.

– Ты больше не увидишь Марио! Он умер! – сказали ему.

Сердцем своим он почувствовал страшную боль, такую же, как тогда, когда в пламени камина ему обожгло руку.

Толком он ничего не понял.

Через два дня пришла бонна в траурном одеянии, повела его в дом друга, и синьора со слезами на глазах, в которых были и нежность, и отчаяние, обняла маленького трубочиста. Луку куда-то повели, что-то стали с ним делать. С него сняли одежду, в которой он чистил трубы, и повели в мраморную ванну с тепловатой и душистой водой. Он вышел из неё бело-розовым – таким, каким был, когда жил в горной долине. Его переодели в элегантный чёрный костюм с траурной повязкой.

– Поноси траур по бедному Марио, – сказала ему бонна. – Теперь ты и есть Марио. Так захотела синьора; синьора теперь твоя мама.

Лука улыбнулся, но не удивился: ему всё это казалось вполне естественным.

Появилась синьора.

– Как он красив! – сказала она дрожащим голосом. – Я его помню немного...

И разрыдалась, в безумном порыве обнимая Луку.

Толком он так ничего и не понял.

ОДИНОКАЯ ИВА

С незапамятных времён святой отшельник проводил дни свои в одиночестве на степной равнине. Ни сиротливое деревце, ни заброшенная избушка – ничто не нарушало печального однообразия пейзажа – до самого горизонта. Когда-то, очень давно, отшельник знал и другие времена: жил в роскоши, сам совершал грехи и страдал от чужих грехов. И теперь поселился вдали от людей, наедине лишь с самим собой и с Господом.

В этот день – на заре – он стоял на единственной скале, возвышавшейся на равнине, коленопреклонённый, но не согбённый, направив плечи свои навстречу восходящему солнцу и вознеся руки в молитве.

Он был так стар, так изнурён от постоянного бдения и пощения, что больше был похож на мумию. Худощавое, чёрное морщинистое лицо... И только два смутных огонька в глубине глазных впадин сохраняли признаки жизни. Руки, вознесённые в молитве, – это были только кости, прикрытые шероховатой, тёмной кожей, разъеденной солнцем, дождём, холодом. Лишь борода и волосы были светлые, и ненастье, непогода придали его седине серо-зелёный оттенок, как у ивовых листьев.

Старик молился, оставаясь неподвижным.

Пришла весна и своей слабой улыбкой напоила сухую пустынную равнину.

Редкая сорная трава окрасилась зелёными побегами, хрупкие цветочки принесли благоухание тощим кустикам вереска и дрока. А вверху, в ясном небе, кружились стаи перелётных птиц.

Два обессилевшие от долгого пути щеглёнка увидели неподвижную, сучковатую, с чёрными, как привидения, руками, фигуру святого, выделявшегося на фоне пустынной равнины и напоминавшего одинокое дерево. Два щеглёнка доверились ему и перескакивали с плеч на голову, путались в бороде и в волосах, которые колыхались, как ветки на ветру.

Двое щеглят не знали, куда лететь, а равнина безгранично простиралась вокруг, и они решили свить себе гнездо на этой единственной иве.

Отшельник, продолжавший держать руки вознесёнными в молитве, медленно раскрыл ладони и пальцами своими создал что-то вроде корзиночки для маленького гнезда. Щеглята между пальцами его стали складывать соломинки, кусочки грязи, и их щебетание слилось с негромкой молитвой святого. Изумлённым взором он следил за их работой. На небе взошло солнце... закатилось, наступил вечер, а он не опускал рук, не шевелил пальцами, стоял недвижим. От долгого самобичевания и поста, от коленопреклонений и бодрствований в течение целых недель дух его стал господствовать над телом и помогал выдержать любое испытание. Его сухие, но очень крепкие мускулы, подобно железу, удерживали распротёртые над головой руки всю ночь. И на рассвете следующего дня щеглята возобновили свою работу; вскоре две ладони святого оказались соединены, связаны, прочно скреплены

в покрытую глиной чашу с маленьким гнёздышком внутри – из травы, перьев и пуха.

На закате второго дня святой сотворил такую молитву: «Моя смерть, о Боже, близка, и я хотел бы утешиться добрым знаком твоего благоволения. Сделай так, чтобы я смог вечно поддерживать в своих руках это гнёздышко двух пилигримов и их семейства; сделай так, чтобы я смог даже после смерти служить им защитой».

И прошёл ещё один день, и ещё один, и голодный, недвижимый святой услышал над головой своей весёлое и очень усердное щебетание. Это щебетание слилось со смиренным и несмолкаемым писком... Родились младенцы! Святой увидел над головой шесть, семь птенчиков, обративших свои взоры навстречу возвращающимся папе и маме. И сердце святого успокоилось, умиротворённое:

– Сделай так, о Боже, чтобы продлилось твоё благоволение. Судьба этих маленьких созданий в моих руках, а моя судьба – в твоих, о Господи!

Святой остался недвижимым на скале, с прямой спиной и вознесёнными над головой руками, чтобы поддерживать счастливое семейство. И когда сердце его перестало биться и угас свет в пустых глазницах, его морщинистая кожа превратилась в кору, его ноги укоренились в скале, его тело превратилось в сучковатую иву.

И сегодня в пустынной равнине, на скале, возвышается единственная ива, и каждую весну уютное гнездо на вершине разветвлённого ствола становится приютом для перелётных птиц.

Перевод с итальянского Леонида Зимана

ГОЦЕ РИСТОВСКИЙ (род. в 1958 году)

Гоце Ристовский – известный македонский писатель, переводчик, литературный и театральный критик, журналист, публицист, преподаватель и декан факультета театрального искусства Университета аудиовизуального искусства в Скопье.

Автор книг: «Глаз, соринка и зрение», 1993; «Шишков», 1999; «Мой автор, моя книга», 2000; «Обзор современной македонской драмы», 2001; «Молодая македонская драматургия конца 20-го века», 2002; «Пустое место», сборник рассказов, 2007; «Все – ничто, мой Георгий», роман, 2010; «Ветер и туман», сборник рассказов, 2010; «Поэтическая столица мира», 2011; «В обрамлении пустыни», роман, 2012. Автор сценариев документальных фильмов: «Петре М. Андреевский»; «Вспышка надежды»; «Простая и строгая македонская песня»; «Мисирков». Автор сценария художественного фильма «Пустое место».

Лауреат государственной премии в области публицистики и журна-

листки, 1999 г., премии «Мастера прозы», 2014 г.

9божественная трагедия¹

Действующие лица:

Мужчина

Женщина

Большая клетка. Посередине деревянная колода мясника – широкая, как стол, в неё воткнут мясницкий топор. Перед ним расстелен чёрный платок. Слева и справа от колоды – качели с сиденьями из автомобильных шин. Сзади вешалка, на которой висит военная форма, офицерская фуражка, чёрный фрак, белая рубашка, ярко-жёлтый галстук, ковбойская шляпа и русская шапка-ушанка. На задних решётках висят винтовка «Винчестер», картонка с таблицей умножения на 9 и настенные часы, остановившиеся на 8 часах. На полу разбросаны семь старых автомобильных шин, некоторые лежат, другие стоят вертикально. Ещё на полу лежат полная сумка, папка для документов, тарелки, чашки, вилки. Слышится 9-ая симфония Бетховена. Идёт спектакль.

1.

Мужчина и женщина сидят на качелях. Время от времени начинают раскачиваться. Мужчина, одетый в спортивный костюм, читает газету. Женщина в длинном платье явно его не слушает, не обращает на него никакого внимания. Это продолжается некоторое время.

Мужчина: После обычного спора с женой немец Томас Бирнфельд уснул. Когда проснулся, он начал говорить по-русски, хотя не изучал иностранные языки. (*Затаив дыхание*). Хорошо! Понимаешь по-русски? Нет! Не врешь?! (*Перелистывает страницу, продолжает читать.*)

НАТО бомбит Югославию. (*Смотрит на женщину.*) Бабах! Что ты сказала? (*Пауза*). Война окончена. (*Смотрит вверх, вертит головой налево и направо.*) Честное слово, кончилась... (*Продолжает читать.*) Постепенно мы всё отстроим! (*Про себя.*) Да уж, так мы и поверили! (*Продолжает читать.*) Мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей²... Боже мой! (*Вокруг него лучи прожекторов, свет лазера.*)

Турция запретила социальные сети! (*Поднимает голову.*) А? Не слабо?! Том Круз не получил Оскара! Известный рецепт профессора Мермерского

¹ В названии сохранено авторское написание. (Прим. ред.).

² Аллен Даллес, директор ЦРУ с 1953 до 1961 года. Директива американским службам безопасности под названием «Доктрина борьбы с Советским Союзом». (Прим. пер.).

против ожирения. Хотите верьте, хотите нет: рак можно вылечить всего за три минуты, утверждает американец Грег Брэйден. (*Удивленно мотает головой.*) Тут о здоровье, слышишь?

85 самых богатых людей в мире владеют таким же богатством, как 3,5 миллиарда самых бедных. У этих 85 человек денег как у половины населения нашей планеты... (*Сморкается, откашливается, прочищает горло.*) После падения малазийского самолета мультимиллиардер, иллюминат и тайный хозяин мира Якоб Ротшильд получил патент на удивительный микрочип КЛ-03, который используется в электронной войне. (*Слегка повышает голос.*) Страшно!!! (*Вытаскивает топор, бьёт им по мясницкой колоде.*) Создаётся армия из роботов! Рождены первые ГМО-дети! (*Бьёт топором по колоде.*) Новые «сверхлюди» заменят обычного человека! (*Втыкает топор в колоду.*) Боже мой! (*Серьёзно.*) «Прежде чем осуждать шаги Путина, надо понять, как возник конфликт. Я буду предельно откровенен: ЕС и НАТО сделали неправильно всё, что можно было сделать неправильно»¹ (*Присвистывает.*) Я молчу! Я не местный! Вот ты скажи... (*Смотрит на женщину.*) Ты была за американцев... Да или нет? Скажи по-английски. Yes! Тебя не поймут... No! Скажи, если сможешь! (*Переворачивает страницу, продолжает читать.*) Китайский иероглиф, обозначающий кризис, представляет собой, так написано, комбинацию двух знаков – опасность и хорошая возможность... Китайцы... (*Поворачивается к ней.*) Великая китайская стена – огромная штука! Как у тебя с китайским? (*Переворачивает страницу, продолжает читать.*) Чёрная хроника: 57-летний Мик Филпот обвиняется в убийстве своих шестерых детей... «Я была в отчаянии, я убила своих дочерей.» – рассказала полиции 37-летняя Элдир Добруши. (*Глубоко вздыхает. Быстро переворачивает новые страницы. Смотрит на женщину. Сглатывает. Продолжает весело.*) Девять лет изменяла мужу! Всего-то девять? (*Садится.*) Соседи знали, он не знал! (*Смеётся.*) Вот так муж! (*Стучит себе в грудь.*) В Венгрии три человека погибли при попытке заколоть свинью. (*Смеётся.*) Два человека погибли в Болгарии, когда взорвалась бочка с фруктовым соком. (*Смеётся.*) Как легко люди умирают... (*Смеётся.*) Везёт им! Слышишь? Ты меня не слушаешь! Поверить не могу! Молчишь? Молчание – золото! (*Трогает себя за член.*) Искры мудрости: (*Громко.*) «Наступают времена, когда мудрец молчит, дурак говорит, а всякая шваль обогащается»². Я с тобой разговариваю! Самыми успешными были люди, которые умели слушать. Ты слышишь? Или заснула? (*Откладывает газету. Подходит к ней, похлопывает её по спине, пока она качается. Берётся за цепь и останавливает качели.*) Ты что, оглохла? Эй! (*Ловит её пустой взгляд.*) Ты что, назло оглохла? Как назло, нас победили наши главные противники и кровные враги в решающем матче чемпионата в Аламо...

¹ Грегор Гизи, лидер немецких левых в Бундестаге. (Прим. пер.).

² Иво Андрич. (Прим. пер.).

(Дёргает её за руку.) Ты, может, болела за тех, а не за наших. Отвечай!

Женщина: Не перебивай молчащую женщину!

Мужчина: Быть умным очень глупо!

Женщина: Умнее притворяться глупым. Но тебе не обязательно. *(Продолжает качаться.)*

Мужчина: *(Стоит у качелей.)* Умнее всего – быть не глупым, а умным! Ты слушаешь?

Женщина: *(Продолжает качаться.)* Я тебя умоляю.

Мужчина: Кого ты умоляешь? *(Слегка повышает тон.)* Ты ни во что не веришь. Так не умоляют! Когда молят и молятся, становятся на колени!

Женщина: *(Качается.)* Я тебя умоляю.

Мужчина: *(Хватается за цепь и останавливает качели.)* На колени передо мной!

Женщина: Я тебя умоляю.

Мужчина: На колени! *(Хватает её за волосы. Тащит за волосы, протаскивает её через одну из покрышек. Потом опускает её, силой заставляя встать на колени.)* Преклони колена!

Женщина: Я тебя умоляю.

Мужчина: Склонись перед Отечеством! Склонись перед нашим лидером!

Женщина: Я космополитка, эколог и феминистка. Я не признаю отечества.

Мужчина: Ты не признаёшь своего отечества!?! *(Таскает её за волосы, толкает, давит.)* Ты знаешь, что означает это святое слово? А?

Женщина: Я признаю родину-мать. Я за женское начало. Я молюсь за нашу Землю.

Мужчина: И что?

Женщина: Не знаю!

Мужчина: Знаешь или не знаешь, ты всё признаешь. Говори или я тебе покажу, где раки зимуют!

Женщина: Я их уже видела! Déjà vu!

Мужчина: *(Отпускает её. Поправляет одежду и продолжает спокойно.)* Ты за кого болеешь, за американцев или русских?

Женщина: Я не интересуюсь спортом.

Мужчина: Речь не о спорте! Речь идёт о выживании!

Женщина: Мне всё равно.

Мужчина: Так не бывает! Ты должна определиться.

Женщина: Я не настолько наивна, чтобы за кого-то болеть.

Мужчина: Как это? За кого же ты, если ты не за одних и не за других?

Женщина: Просто. Я ни за кого, у меня свои собственные интересы. Я практичная.

Мужчина: Ну, хоть из практических соображений, за кого ты? За Обаму или за Путина? За чёрного или за белого? А?

Женщина: За жёлтого!

Мужчина: *(Удивлённо.)* Ничего себе! Что это значит? За кого ты?

Женщина: За китайцев!

Мужчина: Опа! Ты просто надо мной издеваешься!

Женщина: Нет! *(Он бурავит её взглядом.)* Я сказала тебе, по практическим соображениям. В китайских магазинах самые дешёвые товары.

Мужчина: Вот! Надо быть за кого-то, надо быть с кем-то. Определиться не так сложно. Нужно проявить храбрость и мудрость... Это называется национальная стратегия! Хуже всего быть неопределившимся. Все индивидуумы должны определиться. Человек сам по себе ни на что не годен! Надо к чему-то прилепиться. К партии!

Женщина: Скажи хоть что-нибудь своё. А то публика скоро заснёт от скуки. У меня уже голова тяжёлая.

Мужчина: *(Гордо.)* Партия! Партия! *(Разочарованно.)* Быстро ничего не создашь! На всё нужно время... Наша партия! *(Плачет.)* У нашей партии нет традиций... Наша партия создана буквально вчера...

Женщина: Трус! Слабак! *(Категорически.)* Ты хочешь предать партию?! Ты отказываешься от нашей партии?

Мужчина: *(Плачет.)* Не знаю... Я в ужасном положении. *(Плачет.)* Не знаю, что выбрать...

Женщина: *(Гладит его по волосам.)* Не плачь, милый, не грусти... *(Утешительно.)* У меня сердце замирает, когда я вижу тебя таким, *(Иронически.)* какой ты есть... Ты должен решить, выбрать... У тебя есть право выбора...

Мужчина: *(Плачет.)* Не знаю... Я не знаю, что выбрать... Мне тяжело... Пришло другое время!

Женщина: Любое время это просто время! Просто! Мы привыкнем... *(Подходит к часам и переводит стрелки с 8 на 9 часов.)* При переходе на летнее время стрелки надо перевести на час вперёд... и всё. Давай, не будь тупицей, решайся...

Мужчина: *(Плачет.)* Примкнуть к новой партии может означать моё поражение.

Женщина: Пришло время великих дел! Прояви зрелость и отвагу, прими смелое и мудрое решение.

Мужчина: *(Гордо.)* Без принуждения со стороны кого бы то ни было и с чистой совестью, с полной моральной и материальной ответственностью, столкнувшись с вызовом, возможностью совершить историческую ошибку с непреодолимыми последствиями для нашего светлого будущего, я торжественно заявляю *(Иронически.)* в присутствии моей неопределившейся супруги, *(Спокойно.)* что я решил примкнуть к нашей партии, не имеющей давней традиции, к нашей партии, появившейся буквально вчера.

Женщина: *(Берёт с колоды чёрный платок. Становится видна доска с расставленными фишками и надписью: «Не сердись, человек!».)* Откладывает платок в сторону. *(Подает ему кубик.)* Твоя очередь!

Мужчина: *(Бросает кубик.)* Жребий брошен! *(Убежденно.)* Партия «Не сердись» – настоящая патриотическая партия. *(Мурлычет «Лили Марлен.»)*

Национальные интересы превыше всего! Партия в покер – это международное движение... Интернационал! (*Мурлычет «Интернационал». Когда он поёт, то небрежно машет руками, сбивает доску с фишками, которые падают на пол. Смотрит на разбросанные фишки и доску на полу.*)

Женщина: (*Встревоженно.*) Ай-я-яй! Что ты наделал! (*Мужчина смотрит на неё со строгим укором во взоре, она продолжает спокойно.*) Мой дорогой! Мой милый! Драгоценный камень на горизонте нашего удивительного прогресса! (*Становится на колени.*) Со всем смирением и уважением встав на колени перед тобой, нашим великим вождём, какого не было во всей нашей истории, я умоляю тебя именем Бога, в которого ты веришь, выслушать меня. Мой гражданский долг требует, чтобы я высказала тебе всё, и Бог свидетель, что я говорю только правду. К сожалению, тяжёлую правду. Милый, я знаю, что намерения были не плохие... лучшие намерения, как говорится, но я хочу, принося всевозможные извинения, заявить, что... ты... ты... Ты... просрал нашу партию!

Мужчина: Как ты меня задолбала! (*Категорически.*) Наша партия идёт в задницу!

Лучи света, лазеры освещают их.

2.

Мужчина и Женщина сидят на качелях. Женщина качается.

Женщина: Мне скучно! Наверняка и зрители тоже скучают.

Мужчина: Театр – это не что-то одномоментное, театр непрерывен, это работа, самоотдача, вклад во всё, что составляет жизнь на сцене и вокруг неё, вклад всех, кто создает и поддерживает эту жизнь... (*Встаёт, будто собираясь сказать тост.*) Поздравляем вас с этим днём! Сегодня вечером с вами, дорогая публика с большой буквы П, сегодня вечером в театре... Выбирайте... Давайте умрём от театра!

Женщина: (*Перестает качаться, встаёт, выходит вперёд.*) Есть ли надежда для нас?

Мужчина: Есть, есть... как не быть. Надежда умирает последней. (*Сглатывает.*) Сначала люди. Один за другим, два за двумя, три за тремя...

Женщина: (*Слегка повышает голос.*) 9.

Мужчина: (*Подходит к таблице умножения на 9. Показывает на таблицу и спрашивает Женщину.*) 1×9 ?

Женщина: 9!

Мужчина: 2×9 ?

Женщина: 18!

Мужчина: 3×9 ?

Женщина: 27!

Мужчина: 8×9 ?

Женщина: 72!

Мужчина: 9×9 ?

Женщина: 81!

Мужчина: Гляди сюда! 1, 2, 3...

Женщина: 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Мужчина: А здесь?

Женщина: То же самое! 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Мужчина: Теперь это $1 + 8, 2 + 7, 3 + 6, 4 + 5, 5 + 4, 6 + 3, 7 + 2, 8 + 1$?

Женщина: 9!

Мужчина: *(Садится на качели.)* Совершенно секретно!

(По ним летают лазеры.)

Женщина: *(Садится на качели.)* Давай, сходим в цирк. На дрессированных животных!

Мужчина: Это не интересно, никого не убивают, только мучают. Давай лучше посмотрим фильмы с убийствами. Меня очень возбуждает, когда убивают, режут, стреляют, давят... *(Он встаёт и берёт ружье. Возвращается и встаёт рядом с качелями, на которых качается женщина.)* Ты же знаешь, я был охотником. Застрелил много животных... А однажды и бабу.

Женщина: Убийца!

Мужчина: Убийца, но по ошибке. Я думал, что это был дикий кабан в пшеничном поле. Когда мы увидели, что это не дикий кабан, мы чуть не лопнули со смеха. *(Смеётся.)*

Женщина: Ты убийца!

Мужчина: А ты невинная! Человек, который не убивал, все ещё невинный. Я подстрелил одну бабу и множество оленей.

Женщина: В заповеднике... Они были на привязи...

Мужчина: Баба не была на привязи.

Женщина: Тебе должно быть стыдно.

Мужчина: Мне стыдно? Да я этим горжусь! Помнишь, сколько у нас было рогов? А?

Женщина: Это твои рога. Ты их и помни.

Мужчина: Мои рога мне очень нравились. Ты мне прикладывала их на голову.

Женщина: Да, и они очень тебе шли!

Мужчина: У меня для тебя сюрприз. *(Берёт сумку.)* У меня есть лекарство от скуки. Сейчас тебе покажу... *(Он вынимает из сумки живую курицу, вытаскивает топор из колоды. Держит курицу в одной руке и топор в другой.)* Я научу тебя, как убить курицу. Это просто! Меня научила моя бабушка. Она варила замечательный куриный суп из деревенских кур. Мой отец предпочитал консервированные супы. Смотри сюда! Сначала некоторое время вертишь курицу, чтобы она ничего не понимала *(Вертит курицу, вертикально маша рукой по кругу.)*, чтобы она потеряла сознание. Затем кладёшь её на колоду *(Кладёт.)* и держишь за голову. Вот так, а одной ногой

наступаешь ей на крылья.

(Замахивается топором. Курица убегает.)

Женщина: *(Всё ещё раскачиваясь. Она постоянно прищуривается.)* Убежала? *(Перестает качаться. Останавливается рядом с колодой.)*

Мужчина: *(Смеётся.)* Туда ей и дорога. Не беспокойся. У меня есть ещё одна! Теперь я зарежу её с той же страстью, как резали византийцев и неверных в крестовых походах. *(Вынимает из сумки ещё одну курицу. Повторяет ритуал.)* Смотри, вертишь её, чтобы она потеряла сознание. *(Вертит.)* Наступаешь на неё! *(Наступает.)* Держишь одной рукой за голову, другой отрубашешь ей голову. *(Бьет топором, отрубает голову, кровь брызжет на женщину.)*

Женщина: *(Встаёт.)* Я вся в крови! Люди подумают, что сегодня моя первая брачная ночь.

Мужчина: *(Оставляет курицу на колоде. Втыкает топор в колоду.)* Не будь наивной, они знают.

Женщина: Публика?

Мужчина: Они...

Женщина: А, они...

Мужчина: Да, эти... Они знают...

Женщина: Может, нас снимают?

Мужчина: Скрытой камерой!?

Женщина: Ты действительно её зарезал?! Что мы теперь будем делать?

Мужчина: Голову, по старинному обычаю, положим в фундамент нового здания.

Женщина: Какого нового здания?

Мужчина: Нового и более гуманного мира! Дома для всех праведников!

Женщина: А давай построим театр. Роскошный, большой... Новый, но, как старый...

Мужчина: На пять тысяч мест... И все в первом ряду!

Женщина: Лучше свари суп по рецепту твоей бабушки... Давно ничего такого не ела.

Мужчина: Нет. Эту курицу варить нельзя.

Женщина: Старая, что ли?

Мужчина: Не старая. Резиновая.

Женщина: Значит, ты меня обманул?!

Мужчина: *(С удовольствием.)* Ну да. Вся жизнь – обман! И в театре. Актёры, играющие эпизодические роли, которых убивают на сцене, первыми идут в буфет. Как актёры они ничего из себя не представляют, но напиваются в первую очередь.

Женщина: Театр – это общество в миниатюре!

Мужчина: Театр – это маленькое общество, общество – это большой театр. А весь мир это большой цирк. Для одних жизнь – это то, что продаётся и покупается, для других – это сон мотылька с нежными крыльями.

Лучи лазера ходят по ним.

3.

Мужчина и Женщина сидят на качелях.

Мужчина: *(Вынимает из папки с документами напечатанный текст. Читает его.)* Карфаген должен быть уничтожен! И карфагеняне! Все! До одного! *(Пауза.)* Слышишь?

Женщина: Я слушаю. Но это что-то новенькое. Было не так.

Мужчина: Дописано начальством. Писатели!

(Оставляет текст. Лазерные лучи следуют за ними. Молчат. Так продолжается некоторое время.)

Женщина: Никогда не говори, что наступила тишина. Скажи, что ничего не слышишь.

Мужчина: Я ничего не слышу.

Женщина: Я не слышу ничего особенного.

Мужчина: А что ты слышишь?

Женщина: Я слышу, как падает снег.

Мужчина: Чего?!

Женщина: Ты что, не слышишь?

Мужчина: Слышу что?

Женщина: Как падает снег.

Мужчина: Какой ещё снег?

Женщина: Белый снег.

Мужчина: Это с неба распыляют. Разбрызгивают от вирусов, регулируют погоду.

Женщина: Лишь бы к добру.

Мужчина: Профилактика для улучшения здоровья.

Женщина: Если бы мы были снаружи, мы бы слепили снеговика.

Мужчина: Не обманывай саму себя! Какой ещё снег?! Это парашютисты! Воздушный десант! Нашествие космических карликов! *(Любезно.)* Признайся, ведь ты не слушаешь!

Женщина: Я разговариваю со снегом. Это просто. Так же, как с водой.

Мужчина: Это специальные военные подразделения. Их намеренно уменьшают, чтобы они не занимали много места...

Женщина: Я слушаю, я слушаю...

Мужчина: Что ты слышала, когда я читал газету?

Женщина: Ничего.

Мужчина: Вот, видишь?

Женщина: Что я вижу?

Мужчина: Ничего не видишь и не слышишь много лет... Глуха, как Бетховен, слепа, как Гомер!

Женщина: Мне на это наплевать...

Мужчина: А на что не наплевать?

Женщина: На высокую культуру...

Мужчина: Если ты имеешь в виду твою и мою, и хочешь изменить...

Женщина: *(Иронично.)* Нет! Не твою... *(Размеренно.)* Я про высокую культуру, которая создает различия, различия ведут к волнениям, волнения к конфликтам, конфликты к зверствам...

Мужчина: Глупости, глупости...

Женщина: Глупости сближают нас, потому что они у нас общие. В глупости мы едины, равноправны. В этом их величие.

Мужчина: Ты ничего не слышишь и не видишь, не перечь мне.

Женщина: Я не вижу и не слышу ничего важного.

Мужчина: Глаза есть, а слепая, уши есть, а глухая...

Женщина: Я вижу и слышу, но уже много лет не вижу и не слышу ничего важного...

Мужчина: Потому что ты не читаешь газет, не слушаешь радио, не пользуешься интернетом, не смотришь телевизор.

Женщина: И ты не слушаешь радио, не смотришь телевизор...

Мужчина: Слушаю и смотрю, но тайно.

Женщина: Врёшь! Живёшь как раб. И ум у тебя рабский!

Мужчина: *(Начинает качаться.)* Я хочу шоколада.

Женщина: Он вреден для зубов.

Мужчина: У меня дедушка прожил очень долго.

Женщина: Он ел шоколад?

Мужчина: Нет, он не лез не в свое дело!

Женщина: Ты такой же дебил, как твой отец.

Мужчина: Когда ты говоришь о ком-то другом, ты говоришь о себе. Я не дебил, я просто многих убил. Это тебя раздражает.

Женщина: Когда ты говоришь о себе, ты не говоришь ничего. Ничего важного.

Мужчина: Мой отец тоже совсем не был дебиллом. Он был очень милым.

Женщина: Он не заботился о здоровье, ел консервированные супы и пил витамины...

Мужчина: И спиртное тоже пил.

Женщина: Но не каждый день...

Мужчина: Не каждый день, но помногу.

Женщина: стакан воды перед сном спасает от инсульта и инфаркта.

Мужчина: Может, от инсульта и инфаркта и спасает, но от другого нет.

Женщина: Почему были войны за воду?

Мужчина: *(Перестаёт качаться.)* Потому что нефть кончилась! Вот! Пьяницы не давали использовать спирт. Пришлось изобрести двигатель, работающий на воде. Вот почему.

Женщина: И что, тем самым спасли человечество!?

Мужчина: Только мы остались не у дел. *(Продолжает качаться.)* Все спаслись! Вот так-то!

Женщина: Надо было нам завести детей.

Мужчина: Мы могли выиграть в игре, где призы под крышкой у бутылки, но тебе не удалось собрать достаточно крышечек. А ещё надо было отсылать их почтой, а это дорого...

Женщина: Минимум троих! У нас должно было быть трое детей.

Мужчина: Почему трое? *(Перестает качаться.)*

Женщина: Если один родился бы гением, то двое других содержали бы его, чтобы он не умер с голода.

Мужчина: Может, ты и права, если бы у нас были дети, ты могла бы их ругать, а я бы их бил.

Женщина: Ты ведь бил соседских детей?

Мужчина: Только изредка. *(Машет рукой.)* Я бил только тех, чьи родители мне не вовремя платили, и то не всегда.

Женщина: А всегда было бы лучше?

Мужчина: Смотря кого, бить детей – это одно, бить женщин – это другое.

Женщина: Ты думаешь, это правильно, что дети дерутся?

Мужчина: Хорошая затрещина – дело богоугодное! Дети должны драться, но только пока они не стали похожи на взрослых.

Женщина: У нас должно было быть трое детей, а не было ни одного. Может быть, они были бы похожи на меня.

Мужчина: Про тебя не знаю. У меня точно есть... Кто знает, сколько... Из-за как его... ГМО! *(Хлопает в ладоши.)* Я рекордный донор спермы. У меня даже есть благодарность. От гуманитарной организации «Пирамида», когда сдал в сотый раз. Я скрывал это от тебя... *(Встает. Гладит её по голове.)* Не грусти. *(Продолжает печально.)* Тогда был кризис. Депрессия! Если человек беден, ему нужно как следует подумать, сумеет ли он прокормить собаку или кошку, тем более ребёнка....

Женщина: Ты кретин и бабник!

Мужчина: Сама виновата. Да, дорогая!

Женщина: Почему это?

Мужчина: Потому что у нас не было регулярного секса.

Женщина: И это всё?

Мужчина: Да!

Женщина: Время ещё есть, исправим ошибку.

Мужчина: Когда?

Женщина: Может быть, завтра... Я составлю план и подготовлю договор.

Мужчина: План – залог хорошо выполненной работы. Если это хороший план! Вот так! Вчера я составил детальный план того, что собирался делать сегодня. Забыл, что там было. Завтра вспомню, а сделаю послезавтра.

Женщина: И часто ты сдавал сперму?

Мужчина: Одно время каждый день. Когда сперму собирали вручную, я

шел к 9 часам утра. В это время обычно дежурила одна молодая сестра. Мы все ждали, выстроившись... Разделившись на тройки... Я всегда был в середине (*Всплескивает руками.*), так получалось. И она была очень трудолюбива, постоянно получала благодарности и похвалы от руководства. И подарки от клиентов. Однажды, ты не поверишь, кто-то подарил ей букет цветов.

Женщина: Ты!

Мужчина: Угадала!

Женщина: Какой букет?

Мужчина: Девять пластмассовых роз.

Женщина: Ты подарил ей мои любимые розы... Нашу семейную реликвию...

Мужчина: Это не розы с нашей фамильной могилы... Я позаимствовал их с могилы молодой женщины, которая покончила с собой.

Женщина: Она не покончила с собой... Она убила своего мужа назло соседям... Это показало расследование...

Мужчина: Значит, я спутал... Но не будем уходить от темы. Я стоял перед молодой сестрой. Одной рукой она извлекала сперму у одного донора, другой – у другого, и своим ртом у того, что стоял посередине...

Женщина: Вот таковы все мужчины. А где любовь? (*Слегка повышает голос.*) Где любовь, я спрашиваю?

Мужчина: Любить – значит обижать. Поэтому я и перестал сдавать сперму! Любовь прошла, когда ввели машинное получение спермы с помощью переделанных старых установок машинного доения коров...

Женщина: Что важнее – любить или быть любимым?

Мужчина: Регулярно заниматься сексом.

Женщина: Я тоже была молодой и трахалась регулярно.

Мужчина: Вот оно что!

Женщина: Да. Сосед меня натягивал с детства!

Мужчина: А сейчас?

Женщина: Сейчас у меня есть вибратор! С автоматическим выбором скорости. Я собирала купоны и купила его с большой скидкой. Не в ущерб домашнему бюджету.

Мужчина: (*Слегка повышает голос.*) Ох уж эти женщины! Собственного мужа всегда ставят на последнее место.

Женщина: Вибрации – двигатель прогресса, они превращаются в энергию, которая может быть очень полезна, если направить её в нужное место... Я правильно использую вибратор. Соблюдаю инструкцию по применению. *Лазерные лучи ходят по ним.*

4.

Мужчина и женщина качаются на качелях.

Женщина: Я забыла, в чём смысл жизни.

Мужчина: В великих свершениях. Великие люди делают великие дела. Великие дела делают великих людей!

Женщина: Сообщающиеся сосуды!

Мужчина: Смысл, моя милая, в призовых играх. Лотерея обладает божественной силой.

Женщина: Неправда. Прибыль получают только организаторы.

Мужчина: Всё так, как должно быть. Я сам их организовывал, когда был у власти.

Женщина: Ты организовывал, а я так ничего и не выиграла, даже путешествия.

Мужчина: Я защищал основные принципы... Поездки были на двоих. А ты хочешь путешествовать в одиночку.

Женщина: Я люблю путешествовать одна.

Мужчина: Ну, не злись. Просто от тебя отвернулась удача. Но и ты сама тоже виновата. Собирала крышки, батарейки... но не отправляла их.

Женщина: Почта дорого брала за пересылку, и я сдавала их в утиль. Это было выгоднее.

Мужчина: Те, кто играл правильно, постоянно выигрывали. Один удачливый игрок 9 раз выигрывал путешествие на двоих. Догадалась кто?

Женщина: Медсестра из банка спермы.

Мужчина: Угадала. Правильный ответ, но бесполезный. Приз за отгадку не предусмотрен.

Женщина: А главный приз тоже она получила?

Мужчина: Главный приз не для двоих.

Женщина: (Удивлённо.) Ты?

Мужчина: Его получил президент компании. Повезло... Тебе скучно?

Женщина: Неважно, скучно ли мне. Мне больно. Важно, не скучают ли зрители. Они решают за нас, сколько мы будем жить на этой сцене...

Мужчина: Давай поиграем в прятки!

Женщина: Ты первый водишь!

Мужчина: Я всегда вожу первый. Поиграем потом.

Женщина: Как скажешь, твоё слово далеко слышно.

Мужчина: Я говорю громко, потому что ты не слушаешь.

Женщина: Да слушаю я, слушаю...

Мужчина: Ты слышала, как я тебе читал некрологи?

Женщина: Нет!

Мужчина: Вот видишь...

Женщина: Я же сказала, что не вижу...

Мужчина: Я спрашиваю, что конкретно ты слышала?

Женщина: Ничего не слышала.

Мужчина: Ничего!?

Женщина: Ничего важного.

Мужчина: Ты слышала, что твой брат умер?

Женщина: Я же сказала, ничего важного я не слышала.

Мужчина: И что твой брат умер...

Женщина: Да.

Мужчина: Ну?

Женщина: Это неважно.

Мужчина: Как это неважно?

Женщина: Вот так.

Мужчина: Как так?

Женщина: А вот так.

Мужчина: Ну как же так...?

Женщина: Неважно, все умрут. Когда-нибудь, да, когда-нибудь обязательно умрём и мы.

Мужчина: Тоже мне, открыла Америку!

Женщина: Лишь бы было что открывать. Америка существовала до Колумба, он этого не знал и якобы открыл её... Поубивала бы таких любопытных!

Мужчина: *(Перестаёт качаться.)* Так ты слышала про брата или нет?

Женщина: Слышала.

Мужчина: И не печалишься?

Женщина: Не могу...

Мужчина: Не можешь?!

Женщина: Нет...

Мужчина: Как так?

Женщина: Просто.

Мужчина: Что просто?

Женщина: Всё!

Мужчина: Ты не осознаёшь или не понимаешь?

Женщина: Да.

Мужчина: Что да?

Женщина: Ты понимаешь, но не осознаёшь!

Мужчина: Какая ты тупая.

Женщина: Это потому что я женщина?

Мужчина: Потому что ты моя жена!

Женщина: Я ничья, я своя собственная, и, к счастью, я женщина...

Мужчина: У тебя уже голова не варит, ведь тебе скоро стукнет 279 лет.

Женщина: Когда я вышла за тебя, я была молодой и неопытной, мне едва исполнилось 99. Ты в два раза старше меня и в три раза глупее.

Мужчина: Ты меня ненавидишь! И понятно, что без причины. Ты переполнена ненавистью.

Женщина: Раз ты называешь меня тупой...

Мужчина: Это завоевание демократии. Потому что это правда!

Женщина: Что правда?

Мужчина: Как что?

Женщина: Правды не существует.

Мужчина: Правда?

Женщина: Думай, мысли! Силою мысли можно изменить весь мир. Мысли блуждают во Вселенной.

Мужчина: И?

Женщина: И ещё слишком много пустых слов. Вселенная взорвётся, она больше не выдержит...

Мужчина: Пустые, потому что старые. Изношенные, ветхие... Надо придумать новые! Новые слова спасут человечество. Глаголы! Новые глаголы, новые действия...

Женщина: Слова как люди. Хотят играть, пока они дети. «Нужно нечто большее, чем просто новые слова. Аллегория!»¹

Мужчина: Давай придумывать только существительные! Новые имена! Человечество ждёт нас! Ты первая!

Их освещают лазеры.

5.

Грохот. Слышен громкий взрыв. Через короткое время ещё несколько – сильнее. Мужчина и женщина лежат на полу. Звуки стихают.

Женщина: Странная вещь. Идёт снег, и одновременно гром гремит!

Мужчина: Не гремит, а гремят!

Женщина: Снежинки?

Мужчина: Какие ещё снежинки! Парашютисты! Снаряды с низкообогащённым ураном! Ядерные боеголовки...

Женщина: Лишь бы к добру!

Мужчина: Всем на радость!

Женщина: Точно.

Мужчина: Боишься?

Женщина: Раньше меньше боялась.

Мужчина: После того, как тебе вставили пластиковое сердце, ты стала больше бояться. Может, поэтому ты и злишься. Надо было ставить силиконовое...

Женщина: Ты забыл, силиконовых сердец не бывает... Бывают только силиконовые груди. Мое сердце сделано из специального пластика.

Мужчина: Нет! Я тебе соврал! Силиконовые сердца лучше. Они из натурального материала, поэтому они почувствительней, но и подороже.

Женщина: Ты всё время врёшь, поэтому ты и был у власти... Ты фальшивый, как поддельная однодолларовая банкнота. (*Смотрит ему в глаза.*) Мелкие деньги, пущенные в оборот... Фальшь выпирает наружу, всё

¹ Борхес. (Прим. пер.).

настоящее скромнее.

Мужчина: Раньше ты такой не была.

Женщина: А какой я была?

Мужчина: Всегда была ни на что не годной, видно, всё позабыла...

Женщина: Что я позабыла?

Мужчина: *(Встаёт, жестикулирует.)* Что твой муж был большим человеком! 9 школ названы моим именем, 9 бульваров, 9 мостов, 9 букмекерских контор и один большой камень на Луне! *(Сильный взрыв. Мужчина бросается на землю. По-пластунски ползёт по шинам на полу. Ненадолго встаёт, достаёт пистолет и ползёт обратно к женщине. Накрывает голову мешком и целится вслепую.)*

Мужчина: Ты помнишь, каким я был героем?

Женщина: Что-то не помню я никакого геройства.

Мужчина: Теперь увидишь... Я их всех побью... Ты не помнишь, в последнее время ты стала всё забывать.

Женщина: Есть вещи, которые я забываю, хоть и не хочу забывать. Есть вещи, которые я хочу забыть, но не могу.

Мужчина: Мужчина без ружья что бочка без вина, это хуже, чем женщина без сисек. *(Стреляет.)* Поторопился, нарушил военный регламент. А каким героем я был... Настоящий ковбой!

Женщина: *(Садится на пол.)* Да таким же и был, как сейчас! Постоянно торопился... Тебя звали самым скорострельным на Диком Западе.

Мужчина: *(Надевает мешок на голову и подходит к женщине, целится в неё.)* Я был самым быстрым на Диком Западе в стрельбе! Я всех застрелил! Обо мне написаны книги, сняты фильмы, нарисованы комиксы, созданы видеоигры... Я прав?

Женщина: Прав, пока у тебя ружьё... Но это ненадолго. Когда обойма опустеет, ты заснешь, как ягнёнок...

Мужчина: Это клевета! Клевета и оскорбление! Оскорбление моей чести и достоинства! Я тебя побью! *(Откладывает ружьё, берёт топор.)* Я зарежу тебя как курицу...

Женщина: Настоящий мужчина, *(Насмешиливо.)* такой мужчина, как ты, не поднимет руки на женщину...

Мужчина: *(Оставляет топор.)* Ты права. Я вызываю тебя на дуэль! Я готов защищать свою рыцарскую честь и с трудом заработанную репутацию и, если нужно, то и погибнуть в бою. Что значит бессмысленная жизнь *(Показывает на Женщину.)* с такой женщиной с точки зрения чести и гордости. Я раздавлю тебя, как грузовик лягушку...

Женщина: Настоящая дуэль между мужчиной и женщиной происходит в постели. Добро пожаловать, мой джентльмен! *(Показывает на пол рядом с ней.)* В постели ты всегда проигрываешь!

(Их освещают лазеры.)

Мужчина: В этом году лето будет поздним.

Женщина: *(Поднимается.)* Поддай мне текст, я забыла свои слова.

Мужчина: *(Кладет ружьё, берёт текст и подаёт ей.)* Учи получше. У нас будут проблемы с дирекцией.

Женщина: *(Берёт текст, листает его.)* Как тебя зовут?

Мужчина: У меня нет имени.

Женщина: По-моему, когда-то было.

Мужчина: Оно было очень большое, трудно было его защищать!

Женщина: Знаешь, что я вспомнила?

Мужчина: Откуда мне знать?

Женщина: Ну, угадай.

Мужчина: Что мы пропустили во время нашего медового месяца!

Женщина: Не угадал. Очки сгорают! Ноль очков! *(Всплескивает руками.)*

Мужчина: Что, скажи.

Женщина: Я вспомнила, как тебя раз давным-давно привезли домой без головы. Ты её где-то потерял. Тебя положили на пол, потом пришёл мастер и спросил меня: у этого человека была голова? А я отвечаю: не знаю, не помню... Но знаю, что носил ковбойскую шляпу... и у него был винчестер.

Мужчина: Ты это вспомнила?

Женщина: Да, как ни странно.

Мужчина: Странно! Я такого не помню. Удивительное совпадение!

Женщина: Вот только не могу вспомнить, из чего мастер сделал новую голову, из старого керамического кувшина, тыквы или неорганического материала.

Мужчина: *(Вертит головой.)* Как тебя зовут?

Женщина: У меня нет имени. *(Тихо.)* Есть, но мне нельзя его говорить. *(Её освещает лазер.)*

Мужчина: Тебе больно?

Женщина: Больно и обидно...

Мужчина: Пройдёт, когда-нибудь всё пройдёт.

Женщина: Почему у нас нет имени?

Мужчина: Потому что у нас одно имя на двоих.

(«Ода к радости» Бетховена слышна всё громче и громче.)

Мужчина: *(Тихо и медленно.)* Мы должны радоваться! *(Быстрее и громче.)* Мы должны радоваться!

Женщина: *(Быстрее и громче.)* Мы должны радоваться! Мы должны радоваться!

Мужчина: *(Слегка повышает голос.)* Кто играет? Слышишь? Я с тобой разговариваю. Эй, алле... Вот глухая тетеря!

Женщина: Не ругайся, скажи что-нибудь приятное. *(Уходит, садится.)*

Мужчина: *(Поворачивается к ней. Музыка медленно стихает.)* Хорошо? Ты помнишь, что я пять раз был министром и три раза премьер-министром? Дважды в политическом и один раз в экспертном правительстве.

Женщина: Не хочу вспоминать...

Мужчина: Вот были времена...

Женщина: На счастье, те времена прошли.

Мужчина: На чьё счастье?

Женщина: Народа.

Мужчина: Эй, эй...

Женщина: Я говорю о будущем, о неведомом народе.

Мужчина: Моя голова была сделана из тыквы! Тогда в моде были органические материалы.

Женщина: В этом ничего плохого нет...

Мужчина: Ты кое-чего не знаешь. Хочешь, я раскрою тебе одну тайну?

Женщина: Конечно. У нас не должно быть тайн друг от друга.

Мужчина: Эта моя голова не из тыквы. Я её поменял! Она у меня лопнула на Хэллоуин. Я купил более продвинутую. Из материалов, привезённых с какой-то далёкой планеты. Дождался распродажи и купил. В одном китайском магазине.

Женщина: Ты всегда был экономным, это высокая добродетель.

Мужчина: Ты слышала взрывы?

Женщина: Как ты думаешь, что это?

Мужчина: Парашютисты! *(Складывает руки.)* Они работают в шахте. Добывают уран.

Женщина: Люди, работающие с ядерными боеголовками, не имеют головы. Наверняка мужчины...

Их освещают лазеры.

6.

Мужчина и женщина качаются на качелях.

Мужчина: Ты знала о брате ещё до того, как я прочитал тебе некролог?

Женщина: Знала.

Мужчина: Откуда?

Женщина: Ты и вчера читал мне ту же газету.

Мужчина: А, да.

Женщина: Да, да.

Мужчина: Что да?

Женщина: Просто да. Одна и та же газета каждый день.

Мужчина: Ну да, точно!

Женщина: Газета, которую ты мне читаешь каждый день, старая.

Мужчина: У меня есть только одна.

Женщина: Никто не читает газеты.

Мужчина: У меня есть газета, и я её читаю. Что с того, что она старая.

Женщина: Газета хороша, когда пахнет краской, а не когда пахнет плесенью. Я думаю, что всё началось, когда газеты заплесневели.

Мужчина: *(Встаёт. Немного повышает голос, как уличный продавец газет.)* Газеты! Сегодняшние газеты! *(Продолжает спокойно.)* Каждый день новые! Сотни, тысячи, миллионы... Во всех написано одно и то же. То же самое каждый день... *(Садится.)* Наш министр, наш премьер-министр... Мне достаточно моей единственной газеты. *(Продолжает качаться.)*

Женщина: Почитай что-нибудь другое, например, книгу.

Мужчина: *(Перестает качаться.)* Перестань! Помнишь, как закончили те, кто читал книги?

Женщина: Как?

Мужчина: Как, как... Как твой брат. Его выдоили досуха!

Женщина: Мой брат был очень образованным, этичным, чувствительным и добрым человеком. Он всегда переходил улицу на зелёный и никогда на красный свет. Когда он управлял автомобилем, он никогда не поворачивал налево или направо, подрезая других водителей. Менял носки, ноги не мыл. Курил только в специально отведённых для этого местах...

Мужчина: Добрый, но несчастный! И никто не был виноват в том, что он такой. Для нашей внутренней политики бесполезен, для нашей внешней политики вреден.

Женщина: Я хочу, чтобы ты почитал мне книгу, как когда-то... Стихи...

Мужчина: Я бы почитал, если бы у меня была книга.

Женщина: А что, на свалке, где ты нашёл газету, книг не было?

Мужчина: Нет, их уже давно переработали, но там были картины.

Женщина: Почему ты не принёс хоть одну?

Мужчина: Не принёс... потому что... это было давно... У меня нет книги, у меня есть разум! Мужской разум! Я тебе расскажу то, что знаю наизусть. Твоё пластиковое сердце затрепещет, как использованная туалетная бумага, прилипшая к плачущей иве в парке.

Женщина: Правда?

Мужчина: *(Встаёт.)* Быть или не быть? Вот в чём вопрос!¹

Женщина: *(Встаёт. Немного повышает голос.)* Чем больше Шекспира, тем сокрушительней мощь Империи! *(Спокойно.)* Я люблю Брехта! Да! Да! Я люблю Хармса! Да! Ибсена! Я люблю Ибсена...

Мужчина: Ты мало говоришь о других, но много говоришь о себе.

Женщина: Я только начала, неужели так много?

Мужчина: Постоянно. Если бы только у меня был телефон...

Женщина: Телефоны отобрали по новому закону.

Мужчина: А расписку нам дали?

Женщина: Да, да.

Мужчина: Может быть, когда-нибудь их нам вернут.

Женщина: Когда-нибудь...

Мужчина: Мне очень не хватает телефона. Я могу обойтись без головы, но

¹ Уильям Шекспир. (Прим. пер.).

не могу обойтись без телефона. Я как будто половина человека без телефона. В нём остались все мои переживания, все воспоминания, все мысли...

Женщина: Смартфоны были великим изобретением. Они сделали нас бессмертными...

Мужчина: Даже если тебя убьют... неважно. Тебя перепакуют в новую упаковку, подключат к телефону и готово. Все вернётся к тебе... Сохранилось в памяти! Жизнь продолжается! Жизнь прекрасна! Как прекрасен этот мир, здесь поток, а там цветок... Мы стали популярными, потому что все снимали нас...

Женщина: Мы бывшие люди. Вот что!

Мужчина: Бывшие люди бывшей Земли.

Женщина: Без имени...

Мужчина: И без телефона!

Женщина: *(Листает текст.)* Сконцентрируйся, прочти что-нибудь ещё. Для зрителей.

Мужчина: *(Останавливается. Читает.)*

Америка, я отдал тебе всё, и теперь я ничто... *(Думает.)*

Америка, когда люди перестанут воевать?

(Слегка повышает голос.) Отвали со своей атомной бомбой¹.

(Молчит. Пытается вспомнить.) Без телефона не получается.

Женщина: Америка, когда ты будешь ангельской?

Когда снимешь с себя всю свою одежду?

Когда взглянешь на себя сквозь могилу?²

Мужчина: *(Поворачивается к ней.)* Откуда ты знаешь этот стих?

Женщина: Читаю по тексту роли. Давай дальше... *(Машет рукой.)*

Мужчина: *(Почёсывает голову.)* Америка, не доставай меня, я знаю, что делаю.

Каждый день кто-нибудь идёт под суд за убийство.³ *(Удивлённо.)* Меня тошнит от твоих нелепых требований. *(Молчит.)*

Женщина: Америка, ребёнком...

Мужчина: Америка, ребёнком я был коммунистом, и я не жалею об этом...

Женщина: Я курил...

Мужчина: Я курил марихуану, когда только мог...⁴ Не получается! Телефон...

Женщина: Своими словами... Короче, что хотел сказать поэт?

Мужчина: Америка, что ты сделала с дядей Максом по возвращении его из России?⁵ *(Пауза, сглатывает.)* Америка... Мне пришло в голову, что я американец, и я уничтожил бордели Франции, моя мечта – стать президентом,

¹ Стихи Аллена Гинзберга (Прим. пер.).

² Стихи Аллена Гинзберга

³ Стихи Аллена Гинзберга

⁴ Стихи Аллена Гинзберга

⁵ Стихи Аллена Гинзберга

несмотря на то что я католик. Америка, как я могу писать святые литании, когда у тебя такое глупое настроение.

Когда мне было семь, мама брала меня на собрания ячейки Коммунистической партии, где все наверняка были шпионами.¹ (*Продувает нос, кашляет, прочищает горло.*)

Америка...

Все все все славяне пиф

все все все евреи паф

вся вся вся Россия пуф.²

Женщина: (*Смотрит на текст.*) Перескакиваешь... Перемешиваешь... Добавляешь!

Мужчина: Немного улущаю...

Женщина: Переходи к главному.

Мужчина: (*Стоит позади неё. Смотри в текст, смело продолжает.*)

Америка, на самом деле тебе не хочется идти воевать.

Америка, это все эти подлые русские.

Эти русские, эти русские и эти китайцы. И эти русские.

Россия хочет съесть нас живьём. Русская власть – сумасшедшая. Она хочет забрать наши машины из наших гаражей. Она хочет захватить Чикаго. Ей нужен красный Ридерс Дайджест. Ей нужны наши автозаводы в Сибири. Её бюрократия хочет управлять нашими заправками. Это плохо. Уф. Она научит индейцев читать. Ей нужны большие чёрные негры. Ага. (*Пауза. Триумфально.*)

... Америка, я поддержу тебя изо всех сил».³ (*Пауза.*)

Женщина: Если бы Америки не существовало, её нужно было бы придумать.

Мужчина: (*Поворачивается к Женщине.*) Если нет Америки, нет и Европы. (*Пауза.*) Всё вокруг – одна видимость! Вселенная – это голограмма. Мы буквы в бесконечной книге.⁴

Женщина: Здорово ты декламируешь. Прямо за сердце берёт...

Мужчина: Я ходил в кружок декламации и пел в церковном хоре.

(*Лазеры освещают их.*)

Женщина: Тебе больно?

Мужчина: Очень больно.

Женщина: Боль может изменить нас. (*Слегка повышает тон.*) Давай придумывать одни существительные.

Мужчина: Давай придумывать новые имена! Ты начинай!

Лазеры освещают их.

¹ Парафраз стихов Аллена Гинзберга. (Прим. пер.).

² Даниил Хармс.

³ Аллен Гинзберг.

⁴ Борхес.

7.

Мужчина и женщина качаются на качелях.

Мужчина: Стихи... плач... пение, стрельба... Жить полной жизнью! Жизнь стоит того, чтобы жить. *(Встаёт. Берёт ружьё и стреляет в воздух.)* Ещё одну песню и всем налить, что кто захочет!? *(Слышатся голоса.)*

Голоса: Ура! Да здравствует выступающий!

Женщина: *(Встаёт.)* Зрители довольны. Это не к добру. Дирекция потом на нас отыграется.

(Их освещают лазеры. Снова слышны взрывы.)

Мужчина: Ты слышишь взрывы? Чудесные взрывы! Они освежают душу, как майская роса на утренней траве... Никакие фейерверки не могут заменить настоящие взрывы. Только тот, кто был на войне, знает, что такое настоящая вечеринка. Всё остальное это жалкая подделка...

Женщина: Как ты думаешь, что это?

Мужчина: Весна. Природа просыпается! Пробуждается новая жизнь. *(Утешительно.)* Я же тебе сказал, взрывают породу в шахте.

Женщина: Что там дальше по тексту, не могу вспомнить.

Мужчина: Ты должна раздеться догола!

Женщина: Боюсь...

Мужчина: Стрельбы?

Женщина: Нет, стрельбы я больше не боюсь... Человек со временем привыкает ко всякому.

Мужчина: Чего же ты боишься?

Женщина: Искренности. Нет смысла быть искренним, если ты не глуп.

Мужчина: Каждый имеет право быть глупым.

Женщина: Некоторые злоупотребляют этим своим правом.

Мужчина: Давай маршировать.

Женщина: Давай, только недолго. Потом будем танцевать.

(Мужчина кладет ружьё на плечо и надевает ковбойскую шляпу. Он надевает женщине ушанку и даёт ей топор. Она берёт его в руку, поднимает. Они маршируют, звучит «Болеро» Равеля.)

Мужчина:левой!левой!

Женщина:Правой!Правой!

Мужчина:1 × 9?

Женщина:9!

Мужчина:2 × 9?

Женщина:18!

Мужчина:3 × 9?

Женщина:27!

Мужчина:8 × 9?

Женщина:72!

Мужчина: 9 × 9?

Женщина: 81!

Мужчина: 9! 9!

Женщина: 9! 9!

Мужчина: 9! 9!

(Музыка затихает. Они останавливаются. Женщина забивает топор в колоду. Мужчина откладывает ружьё в сторону.)

Женщина: Потанцуем!

(Звучит «Реквием» Моцарта. Женщина подаёт Мужчине чёрный фрак, белую рубашку и ярко-жёлтый галстук. Мужчина переодевается. Брюк на нём нет. Он снимает с Женщины шапку-ушанку и надевает её себе на голову. Женщина натягивает форменные брюки и надевает офицерскую фуражку. Выше пояса на ней ничего нет, грудь голая.)

Женщина: Жёлтый галстук тебе очень идёт. Ты прямо как Борхес!

Мужчина: Только глухой может носить такой галстук.¹

Женщина: Чёрный, белый и жёлтый, какие гармоничные цвета!

Мужчина: У тебя груди набухли от возбуждения...

Женщина: Свободу защищают грудью!

Мужчина: Давай потанцуем!

(Они танцуют, звучит Реквием.)

Мужчина: Помедленней, помедленней!

Женщина: Побыстрее, побыстрее!

Мужчина: Правой!

Женщина:левой!

Мужчина: 1 × 9?

Женщина: 9!

Мужчина: 2 × 9?

Женщина: 18!

Мужчина: 3 × 9?

Женщина: 27!

Мужчина: 8 × 9?

Женщина: 72!

Мужчина: 9 × 9?

Женщина: 81!

Мужчина: 9! 9!

Женщина: 9! 9!

Музыка стихает. Они останавливаются.

Женщина: Давай убежим куда-нибудь, улетим.

Мужчина: Некуда, они нас найдут!

Женщина: Те?

Мужчина: Эти!

¹ Слова Оскара Уайльда. (Прим. пер.).

Женщина: Давай улетим на Солнце!

Мужчина: На Солнце сгорят наши крылья.

Женщина: Мы полетим ночью!

Мужчина: Ночью мы не сумеем найти солнце... Собиёмся с пути... Давай обедать!

Женщина: Я накрою на стол.

(Ставит на колоду пустые тарелки, пустые чашки. Вилки. Оба садятся на качели рядом с колодой, чтобы поесть.)

Мужчина: Совершенство – это когда ты можешь есть из пустой тарелки.

Женщина: Это большое преимущество, которое не каждый может себе позволить.

Мужчина: Что у нас на обед?

Женщина: Боснийский горшок! *(Пауза.)*

Мужчина: *(Ошеломлённо.)* А не слишком ли горячо? *(Компромиссно.)* А свинины нет?! Нет и фруктового сока! Повара совсем разучились готовить... Что на закуску?

Женщина: Французский сыр с плесенью и швейцарский с дырочками. На выбор.

Мужчина: Аперитив?

Женщина: Сербская сливянка из последней сливы... *(Пауза.)* И салат по-македонски. Смешанный...

Мужчина: Виски нет?

Женщина: Дирекция выпила!
(Их освещают лазеры.)

Мужчина: А десерт?

Женщина: Предлагаю пахлаву с орехами!

Мужчина: Много из того, чем гордятся Балканы, придумано турками. Турки не возражали, напротив... А есть что-нибудь полегче? Умеренно-континентальное...

Женщина: Жареное китайское мороженое из Австралии!

Мужчина: Наша кухня очень богата! Мультикультурна! Интернациональна! Безгранична!

Женщина: Лето будет поздним, весна затянулась. *(Встревоженно.)* Куда сначала приходит весна – в Киев или Прагу?!

Мужчина: *(Насмешливо.)* В Прагу или Киев! *(Категорически.)* В Будапешт! *(Спокойно.)* «Весна приходит и уходит», – сказал мудрец. *(Смотрит ей в глаза.)* «Мир – опасное место для жизни!» – сказал Эйнштейн.

Женщина: *(Удивлённо.)* Как мир может нормально функционировать с таким количеством национальных кухонь?!

Мужчина: Давай выпьем. *(Они берут пустые бокалы и чокаются. Мужчина кладет ружьё на пол.)*

Женщина: *(Трогательно.)* Эта ночь будет нашим днём! *(Восхищённо.)* Днём благодарения!

Мужчина: *(Вынимает таблетки, они глотают их, чокаются пустыми бокалами и стучат вилками по пустым тарелкам.)* Не пей залпом!

(Слышатся голоса.)

Голоса: Секс! Секс! Мы хотим секса!

Женщина: Ты мне случайно не дал ту, другую таблетку?

Мужчина: Одну тебе, две мне!

Голоса: Секс! Секс! Мы хотим секса!

(Свет гаснет. Они ложатся на пол рядом с ружьём, друг на друга.)

Женщина: Милый! Ты вырос как валовой национальный продукт перед выборами. *(Показывает руками.)* Вот такой стал! *(Молчат. Это длится некоторое время.)*

Мужчина: Тебе что, больно? *(Пауза.)* Почему ты молчишь?

Женщина: Не перебивай женщину, когда она молчит. Для твоего же блага!

Мужчина: Быть умным очень глупо!

Женщина: Умнее всего притворяться глупым. Тебе это не нужно.

Мужчина: Я тебя умоляю!

Женщина: Самое умное – быть не глупым, а умным! О чем ты меня умоляешь?

Мужчина: А есть о чём?

Женщина: *(Встаёт.)* Как ты умоляешь? Так не умоляют! Ты молишься всем богам! *(Слегка повышает голос.)* Надо умолять на коленях! На колени передо мной?

Мужчина: Я тебя умоляю.

Женщина: На колени! *(Хватает его за волосы, тащит, чтобы он пролез сквозь старые шины на полу, толкает, чтобы он встал на колени.)* Умоляй!

Мужчина: О чём?

Женщина: Как о чём? О сексе! Как кого?! Нашего вождя!

Мужчина: Я космополит, эколог и спиритуалист.

Женщина: Молись за женский принцип. За Мать-Землю. *(Толкает его на землю, наклоняется к нему, но не трогает.)*

Мужчина: Умоляю тебя! Умоляю! *(Пауза.)* Можно, хоть одну головку?

Женщина: Снова врешь! У члена нет плеч, войдет весь. *(Садится на него сверху. Гладит его рукой по пенису.)* Сейчас зажму тебе яйца, сразу небо в овчинку покажется!

Мужчина: Мне уже кажется!

(Слышатся голоса.)

Голоса: Секс! Секс!

Женщина: Если ты оплодотворишь меня, мне придётся тебя съесть. Это женский принцип.

Мужчина: Женский, но у животных.

Женщина: *(Встаёт.)* Самый быстрый на Диком Западе! *(Переодевается в окровавленное платье.)* Ты обещал сыграть со мною в прятки.

Мужчина: *(Встаёт. Надевает военные брюки. Фрак и белая рубашка)*

остаются на нём.) Вся жизнь – это прятки.

Женщина: Ты обещал.

Мужчина: Проклятый рот.

Женщина: Ты водишь первым. *(Берёт чёрный платок. Завязывает ему глаза. Отбегают в сторону, прячется.)* Можно!

Мужчина: Я иду искать! Я найду тебя хоть на краю света!
(Падает, ударяется о клетку, у него идёт кровь.)

Женщина: *(Слегка повышает голос.)* Я не там!

Мужчина: У меня идёт кровь.

Женщина: *(Слегка повышает голос.)* Ничего страшного! Представь, что ты сдаешь кровь! Ты спас чью-то жизнь!

Мужчина: Я больше не играю! *(Снимает платок с глаз. Его освещают лазеры.)*

Женщина: *(Подходит к нему.)* Больно?

Мужчина: Всегда больно. Правда – вещь болезненная.

Женщина: Эти лазеры как кнуты жгут, бьют, хлещут, но не оставляют синяков.

Мужчина: Передовые технологии очень заботятся о гуманности.

Занавес.

8.

Зажигается свет. Женщина и Мужчина выходят на сцену перед занавесом.

Женщина: Уважаемая публика!

Поймите нас. Сделайте эту ночь нашим Днём благодарения! Мы постоянно умираем на этой сцене, но всё ещё живы. Мы просим снисхождения. Пожалейте нас. Наши кости сгнили на этих досках, обозначающих жизнь. Но разве это жизнь? Мы несчастные, без имени... и без телефонов. Вынести такое невозможно. Жизнь?! Что значит это слово, обветшавшее от постоянной стирки и штопки? Нюансы души великолепнее, несравненно многочисленнее и неопишумее, чем оттенки цвета осенних лесов! Нам нужно нечто большее, чем просто слова. Существоющего языка недостаточно! Нам нужен новый язык! Новое понимание! Понимание, для которого не нужны слова. *(Пауза.)*

Для нас нет жизни! *(Пауза.)* Есть только рождение и смерть! И мост, что висит, опираясь на эти два берега. Мост, который колеблют ветры, сотрясают землетрясения, заливают ливни, смывают разгневанные воды, и который нежно ласкает только солнце, чтобы утешить. Мост нужно перейти, ничего более. Этот мост назвали жизнью. *(Пауза.)*

Мы не требуем для себя ничего особенного. Мы просим смерти. Мы хотим

простой и незатейливой вещи – смерти, а не бесконечного умирания. Умереть! Дайте нам осуществить наше естественное право, потому что жизнь невыносима. Конец! Мы хотим конца! Есть ли конец? Или всего лишь бесконечная вереница пустых слов. *(Пауза.)*

Может быть, есть. Должен быть. У всего есть конец! И у поля, и у моря. Каждое путешествие когда-то заканчивается. Мы брошены за решётки, заперты в клетке из морщин на лбу. Самая большая тюрьма – это ожидание. Свобода! Просто слово, обветшавшее от постоянного использования. Мы не хотим свободы! Свобода или смерть! Мы хотим освобождения, облегчения. Смерть! Смерть и свобода!

Уважаемая публика!

Обратитесь в дирекцию! Радость писать стихи – мщение смертной руки.¹ Смерть слепа. Зло неграмотно. Старость – это унижение для непокорных. Попросите государственного писателя и выдающегося национального деятеля искусства, сидящего в первом ряду на девятом месте, обладателя наград, премий и солидной персональной пенсии, дописать в тексте пьесы, что мы должны умереть. *(Пауза.)*

Уважаемая публика!

Вы можете ещё и проголосовать. Голосуйте! Используйте своё демократическое право на волеизъявление. Это ваше самое мощное оружие – голосование. Выходите массово! Все на выборы! Обведите кружком слово Смерть! Никого не бойтесь. К чему страх? Да и что это такое? Мы боимся того, чего не знаем. У страха много имён. Другое его название – невежество. *(Пауза.)* Судьба в ваших руках. Нарисуйте кружок. Этот кружок поможет остановить бесконечное хождение по кругу. Обведите смерть кружком! Это просьба. Вы действуете в соответствии со своей совестью без принуждения со стороны кого бы то ни было. *(Пауза.)*

С вашего разрешения, пусть это будет конец. Конец!

(Кланяются. Пауза. Становятся на колени. Молятся.)

Мужчина и Женщина: *(вместе)*

Отче наш, сущий на небесах!

Да святится имя Твое;

да придет Царствие Твое;

да будет воля Твоя

и на земле, как на небе;

хлеб наш насущный дай нам на сей день;

и прости нам долги наши,

¹ Парафраз стихотворения Виславы Шимборской. (Прим. пер.).

как и мы прощаем должникам нашим;
и не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого.

Аминь! *(Пауза.)*

Мужчина: *(Медленно встаёт. Вставай.)* Сколько времени?

Женщина: *(Медленно встаёт. Выпрямляется.)* Девять!

Мужчина: Девять – это код. В нём скрыта высшая тайна.

Женщина: Высшая тайна в высшей простоте. Высшая простота в благословении. Те, кто знает тайну благословения, заслуживают уважения.

Мужчина: Давай благословим их.

Женщина: Да благословит вас Бог!

Мужчина: Аминь! *(Пауза.)*

Они поворачиваются друг к другу. Пожимают друг другу руки. Обнимаются. Целуются.

Уходят за занавес.

9.

Слышатся удары в барабан. Барабаны стихают. Слышится голос.

Голос: Важное предупреждение!

За ходом голосования на референдуме пристально следит ряд высокопоставленных представителей неправительственных организаций «Транспортир» и «Циркуль». Голосование должно быть индивидуальным действием. Голосование за другого и фотографирование бюллетеней строго запрещено. *Слышатся фанфары. Фанфары стихают. Слышится голос.*

Голос: Голосование можно начинать! Голосуйте!

Занавес поднимается.

Большая клетка. Посередине деревянная колода мясника широкая, как стол, в неё воткнут мясницкий топор. На колоде зарезанная курица, перед ней расстелен чёрный платок. С двух сторон от колоды – качели с сиденьями из автомобильных шин. Сзади вешалка, на которой висит офицерская фуражка, чёрный фрак, белая рубашка и ярко-жёлтый галстук. На задних решетках висят картонка с таблицей умножения на 9 и настенные часы, остановившиеся на 9 часах. На полу разбросаны семь старых автомобильных шин, некоторые лежат, другие стоят вертикально. Ещё на полу лежат винтовка «Винчестер», полная сумка, папка для документов, тарелки, чашки, вилки. Слышится 9-ая симфония Бетховена. Идёт спектакль.

Мужчина и женщина. Мужчина в тренировочных штанах, с ковбойской шляпой на голове читает газету. Женщина, одетая в военную форму, с русской ушанкой на голове, явно не слушает его, игнорирует его. Они сидят на качелях.

Мужчина. После, в общем-то, незначительной и, казалось бы, обычной ссоры с женой, двадцатисемилетний немец Томас Бирнфельд из маленького городка Ботроп, расположенного недалеко от Эссена, повернулся к стене, заткнул уши ватой и заснул. Это произошло 23 декабря 1992 года. Ничего удивительного, даже не интересно пересказывать. Но когда он проснулся утром, он начал говорить на непонятном языке. Испуганная жена вызвала врача, потому что ей показалось, что Томас говорил, как Горбачёв по телевизору. И оказалось, что Бирнфельд прекрасно говорит по-русски, хотя он никогда не изучал иностранных языков, даже не закончил школу и нигде не был, кроме как в окрестностях своего родного города.

Некоторый свет на произошедшее пролила родословная Томаса Бирнфельда. Его предки 200 лет назад, гонимые голодом, покинули глубины сибирской тайги и оказались на рурских берегах. *(Переворачивает страницу, вынимает топор, вытирает его и продолжает читать, держа топор в руке. Женщина начинает качаться.) Ужас!!! (Ударяет топором по колоде.) Создаётся армия из искусственных людей! Родились первые ГМО-дети. Новые «сверхлюди» заменят обычного человека! (Ударяет топором по колоде. Бормочет себе под нос.) И?!... «Будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели... Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать тех, кто станет насаждать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. (Откашливается.) Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. (Сглатывает.) Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, предательство, национализм и вражду народов – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать в сознании людей. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества».¹ (Переворачивает страницу, весело.) Девять лет она изменяла мужу. (Смеётся.) Три человека погибли, пытаясь заколоть свинью. (Смеётся.) Два человека при взрыве бочки, в которой был фруктовый сок. (Смеётся.) Как легко умирают люди... (Оставляет топор на колоде.) Ты меня не слушаешь! Ты что, глухая? Эй! (Встаёт, останавливает качели, смотрит в её пустой взгляд.) Ты что, назло оглохла? Как назло, нас победили наши главные противники и кровные враги в решающем матче чемпионата в Аламо... (Дёргает её за руку.) Ты, может, болела за тех, а не за наших. Отвечай!*

Женщина: Газета у тебя старая.

Мужчина: *(Садится.)* Другой нет.

¹ Аллен Даллес, директор ЦРУ с 1953 до 1961 года. Директива американским службам безопасности под названием «Доктрина борьбы с Советским Союзом». (Прим. пер.).

Женщина: Давай посмотрим цирк.

Мужчина: Не интересно, не убивают, только мучают. Лучше посмотрим кино с убийствами. Меня очень возбуждают убийства... когда убивают, режут, стреляют, давят... *(Встаёт, берёт винтовку и кладёт её себе на плечо.)* Я был охотником, помнишь. Охотником за головами! Я застрелил много людей... А один раз даже дикого кабана.

Женщина: Ты убийца!

Мужчина: Убийца, но по ошибке. Я думал, что в поле была какая-то баба. Когда мы увидели, что это кабан, то зарыдали.

Женщина: Из всех животных люди самые страшные звери, зато из них получаются лучшие чучела.

Мужчина: У меня для тебя сюрприз. *(Встаёт. Оставляет винтовку, берёт мешок.)* У меня есть лекарство от скуки, которая нас замучила. Я покажу тебе, как убивают женщин. *(Пауза.)*

Женщина: Женщина резиновая. Это не считается... Совсем другое дело убить живую женщину.

Мужчина: Я её убью, а ты притворись, что всё по-настоящему.

Женщина: И?

Мужчина: По древнему обычаю, её голову мы замуруем в фундамент нового здания.

Женщина: Новый и более гуманный мир?! Дом для всех праведников? Пустые слова!

Мужчина: У меня есть подарок для тебя. Платье! Очень дорогой бренд. Надень, попробуй. *(Вынимает из мешка окровавленное платье и передаёт его ей. Женщина встаёт, надевает его.)*

Женщина: Какое красивое!

Мужчина: Говорят, что величайший модельер шил его девять месяцев.

Женщина: *(Удивлённо.)* Девять месяцев на одно платье?! Бог создал мир за шесть дней?

Мужчина: *(Показывает на платье.)* Посмотри на платье! *(Показывает вокруг.)* А теперь посмотри на мир!

Женщина: Люди виноваты.

Мужчина: У каждого свой грех.

Женщина: Мне жалко людей, которые жили раньше...

Мужчина: И мне иногда...

Женщина: Всех?

Мужчина: Двух последних.

Женщина: Много лет мы веселились, когда смотрели их спектакли. Жаль, что они вымерли! Теперь нам приходится играть их роли.

Мужчина: Потому что я их взял в плен. Всё по правилам.

Женщина: За их смерть проголосовали?

Мужчина: Не все приняли результаты референдума. Некоторые считали его высшим демократическим способом волеизъявления и сразу же призна-

ли результаты. Другие объявили его недействительным, незаконным и не признали результаты.

Женщина: Все интерпретируют законы так, как считают нужным... Один раз так, другой раз по-другому. И?

Мужчина: Писатель решил, голосование тем или иным образом сфальсифицировано объяснив, что избирательная система может быть подвержена манипуляциям.

Женщина: Есть ли надежда?

Мужчина: Надежда умирает последней. (*Берёт топор и вытирает его.*) Сначала вымерли люди. (*Наносит удар топором по мясницкой колоде.*) Перебили друг друга... Тех, кто остался, прикончили мы... Одного, другого, третьего...

Женщина: (*Слегка повышает голос.*) Девятого!

Мужчина: Число 9, последнее однозначное число, обозначило конец. (*Забивает топор в колоду.*) Сумма предыдущих восьми чисел равна 45. 4 + 5 – это девять. Девять месяцев мать вынашивает ребёнка. Девять муз охраняли девять искусств. Небесная иерархия состояла из девяти ангельских хоров. Данте писал о девяти кругах ада. Бетховен сочинил 9 симфоний.

Женщина: Многие цивилизации вымерли. Уничтожили сами себя! История повторяется!

Мужчина: Истории не существует! Её создают потом! (*Машет рукой.*) У меня есть хороший план... Давай изобретать новые слова!

Лазеры ходят по ним.

Женщина: Больно?

Мужчина: Я почти привык.

Женщина: Боль нестерпима.

Мужчина: Может быть, когда-нибудь она изменит нас.

Женщина: Давай поцелуемся!

Мужчина: Поцелуй – это предательство. Ты или предаёшь кого-то, или предаёшь себя кому-то.

Лазеры ходят по ним.

Женщина: Хочешь помаршировать или потанцевать?

Мужчина: Не могу, у меня сели аккумуляторы. Нужно зарядить их. (*Садится на качели.*)

Женщина: Похоже, и мои разряжены. Что мы будем делать, если выключат свет?! (*Садится на качели.*)

Сидят, замерев и одеревенев.

Занавес.

Перевод с македонского Ольги Панькиной

БЬЁРНСТЪЕРНЕ БЬЁРНСОН (1832 – 1910)

26 апреля 2020 года исполнилось 110 дня смерти Бьёрнстьерне Бьёрнсона (Vjømstjerne Martinius Vjømson), выдающегося норвежского писателя, лауреата Нобелевской премии¹.

Для русского писателя М. М. Пришвина, посетившего Норвегию в 1905 г., она была «страной Бьёрнсона и Ибсена». Однажды, плывя на пароходе, он решил подзадорить своих норвежских попутчиков, назвав Гамсуна и Бьёрнсона шведами. На него обрушился целый шквал негодования, особенно в отношении «перепутанного» Бьёрнсона: «Норвежец! Уж такой норвежец!» – услышал он возмущённые голоса.

Кто же этот «такой норвежец»? В чём состоит его особенная роль в норвежской литературе? Именно ему, Бьёрнстьерне Бьёрнсону, принадлежат величественные строки национального гимна, которые вот уже полтора столетия поют норвежцы:

Да, мы любим край родимый,
Край лесистых круч,
Море, ветер нелюдимый,
Небо в хлопьях туч.
Любим дым родного дома,
И отца, и мать.
Стужи бодрость нам знакома,
Солнца благодать.

(Перевод В. Левика)

В гимне, созданном Бьёрнсоном, удивительным образом выражен национальный дух народа и мироощущение норвежца, для которого страна – как семья, и любовь к родине начинается с любви к родителям. Норвежец привязан не только к родной земле, её просторам, то есть к земле-почве, но и к данной ему Богом водной глади, лесистым кручам и даже хмурому, в клочьях туч, небу. Таким образом, важнейшей составляющей любви к родине является любовь к природе. Другими словами, любовь к природе – это часть культуры, национального самосознания и идентичности норвежца.

При этом творчество Бьёрнсона пронизано социально-критическими тенденциями. Об этом он очень убедительно сказал в речи в связи с присуждением ему в 1903 г. Нобелевской премии именно за «благородный идеализм и возвышенные идеи».

¹ Другими норвежскими лауреатами нобелевской премии были Сигрид Унсет (1928) и Кнут Гамсун (1920). (Прим. пер.).

Бьёрнсон был видным общественно-политическим деятелем – одним из первых в Европе, кто стал призывать к борьбе за мир и всеобщему разоружению. По его инициативе в Норвегии был организован «Союз борьбы за мир», он способствовал также развитию дружеских связей между Скандинавскими странами и Россией, одновременно, выступая против политики царского правительства по отношению к Финляндии, отстаивал и интересы словаков, находившихся под властью Австро-Венгрии.

Бьёрнсон считал, что художнику необходимо иметь мужество запечатлеть отвратительные явления действительности, не теряя при этом веры в прогресс человечества, гуманизм, в то, что добро способно одержать победу над злом. Творчество Бьёрнсона высоко ценил Л. Н. Толстой: «Он во всём верен себе, искренне любит добро и потому имеет, что сказать, и говорит сильно. И я всё, что он пишет, читаю и люблю, и его самого тоже»¹.

Бьёрнсон скончался в Париже в 1910 г. Его тело было перевезено в Кристианию и похоронено на территории кафедрального собора норвежской столицы. В связи со смертью писателя появилось множество некрологов, в том числе в стихах. Пожалуй, один из самых выразительных был написан Кнутом Гамсуном, его младшим современником и почитателем:

Нам постучали в дверь.
Неужто весть дурная?
Мы замерли вдоль фиордов и долин.
И руки опустились, и веки увлажнились.
– Какая весть, гонец?
– ОН умер. Всё. Конец.
(Перевод Э. Панкратовой)

Эти строки знаменовали конец земного пути писателя, но, конечно же, его духовная жизнь не прекратилась. Традиция Бьёрнсона жива в произведениях его литературных потомков: К. Гамсуна, Т. Весоса, Н. Ю. Рюда. Он часть духовной жизни не только его страны, но и Скандинавии и Европы в целом.

Элеонора Панкратова

НОБЕЛЕВСКАЯ РЕЧЬ

По моему разумению, ту премию, которая была вручена мне сегодня, следует рассматривать в качестве дара одной нации другой и как своеобразный жест примирения. Примирения после длительной борьбы, которую я

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20 томах. – М., 1965. Т. 18, с. 81. (Прим. пер.).

вёл за равноправное положение Норвегии в нашей унии¹, борьбе, порой вызывавшей горестное негодование в Швеции, той стране, которой в настоящее время я обязан принятием решения о присуждении этой премии мне. Я рад предоставленной мне возможности изложить свои взгляды на роль литературы. Позвольте мне в интересах краткости изложения воспроизвести тот образ, который возникает в моём воображении со времени ранней юности, когда я думаю о прогрессе человечества. Мне видится бесконечная процессия мужчин и женщин, которые непреклонно движутся вперёд.

Дорога, которой они идут, не обязательно прямая, но она ведёт их к цели. Ими движет неумолимая сила, они подчиняются ей сначала бессознательно, но постепенно всё более и более осознанно. Прогресс человечества никогда не был результатом сознательных усилий, и никому не удавалось сделать его таковым. Местонахождение этого понятия между осознанным стремлением к нему и бессознательным желанием вырваться вперед, свойственное всем нам; последнее и связано с порывом нашего воображения. В некоторых из нас дар предвидения настолько силён, что позволяет различать самые далёкие горизонты впереди и те тропы, которые к ним ведут, по которым предстоит идти человечеству. Для формирования нашего сознания решающую роль играет умение различать добро и зло. Без этого невозможно душевное равновесие, вот почему у меня всегда недоумение вызывала идея о том, что мы, писатели, берясь за перо, должны отбросить всякие морально-этические принципы. Совершенно очевидно, что в таком случае наше сознание рискует обратиться в бесстрастный фотографический аппарат, не делающий различий между добром и злом, прекрасным и безобразным!

Я не собираюсь вдаваться здесь в рассуждения о том, какова та грань, до которой здравомыслящий индивид может отринуть от себя наследие тысячелетий, то есть те принципы, которыми руководствовались многие поколения людей. При этом я не могу удержаться от вопроса, почему мои собрания по перу, которые придерживаются этого взгляда, всё же выбирают именно те или иные художественные образы, отдавая им предпочтение по отношению к другим? Разве этот выбор является чисто механическим? Почему же тогда картины, созданные воображением этих писателей, производят столь сильное, неизгладимое впечатление? Можно утверждать, что в создании этих картин что-то двигало, руководило ими, что, собственно говоря, эти картины выбраны не ими.

Вряд ли они смогут что-либо возразить на это. Эти писатели, так же, как и все остальные люди, не смогут отбросить от себя моральные принципы, которые мы все пронесли через столетия. Единственное различие

¹ Шведско-норвежская уния, существовавшая в период 1814–1905 гг. В результате шведско-норвежской войны 1814 года для Норвегии закончилась эпоха датского владычества. Она была вынуждена перейти под протекторат Швеции. Полную независимость страна обрела только в 1905 году. (Прим. пер.).

между ними и нами состоит в том, что мы сознательно служим нравственным идеалам, а они пытаются ниспровергнуть их. Кроме того, мне хотелось бы мимоходом заметить, что не всё представляющееся нам аморальным является таковым по своей сути. Многие из привычных нам идей, принципов и установлений, коими мы постоянно руководствуемся, были в своё время революционными. Суть высказанного мной утверждения состоит в том, что писатели, отрицающие наличие какой-либо цели, тенденции в своем творчестве, ещё в большей степени, нежели остальные, каждым своим словом как раз и выражают ту или иную тенденцию.

Я могу привести бесчисленные примеры из истории литературы, свидетельствующие о том, что чем более писатель ратует за духовную свободу, тем более он сам склонен к какой-либо форме тенденциозности. Создатели великих творений в Древней Греции судили по законам справедливости и смертных и бессмертных. Пьесы Шекспира явились великой тевтонской Вальгаллой¹, то безмятежной, озарённой ярким солнечным светом, то сотрясаемой бурями и ураганами. Весь мир был для него полем битвы, которое он обозревал, но в описании этой битвы он руководствовался своим тонким поэтическим чутьём, его вела возвышенная вера в жизнь и её неисчерпаемые возможности.

Можно сколько угодно воскрешать персонажей Мольера и Хольберга² и лицезреть при этом лишь их процессию в нелепых париках и камзолах, преувеличенно жестикулирующих, добросовестно выполняющих задачу, поставленную перед ними драматургом. Эти персонажи столь же прямолинейно тенденциозны, сколь и многословны.

Я уже говорил о тевтонской Вальгалле Шекспира. Но ведь и Гёте, и Шиллер своим творчеством внесли в нашу жизнь свет Элизиума³, с их приходом в литературу небесный свод стал нам ближе и приветливей, жизнь – радостней и счастливей. Можно утверждать, что все те, кому довелось купаться в лучах этого солнца, молодые Тегнер и Эленшлегер, не говоря уже о Байроне и Шелли, все они несли в себе свет античной божественности.

Те времена и умонастроения канули в вечность, но мне хотелось бы, тем не менее, упомянуть двух великих своих современников, которые неотделимы от этого пути развития. Прежде всего, я имею в виду своего соотечественника, старого друга, который сейчас нездоров.⁴ Это он зажёт множество бакенов вдоль наших норвежских берегов, которые всегда предупреждают о грозящей опасности и не дают мореплавателю сбиться с пути. Я

¹ Вальгалла – букв. «зал мёртвых». В скандинавской мифологии – чертоги бога Одина, где пируют погибшие в сражениях воины. (Прим. пер.).

² Хольберг Людвиг (1684–1754) – великий датско-норвежский драматург, связанный с эстетикой классицизма. (Прим. пер.).

³ Элизиум – в античной мифологии – благодатное место на западе Земли, где блаженствуют избранники богов. (Прим. пер.).

⁴ Имеется в виду Х. Ибсен. (Прим. пер.).

имею в виду также и великого старца из соседней страны на востоке¹, который озарил своим духовным светом многих людей. Пламя духовного костра, зажжённого их благородными усилиями, разгорается, как на осеннем ветру.

Я не стану распространяться здесь о восприятии тенденциозного искусства, ведь как с этим обстоит дело: либо пан, либо пропал. «Ich rieche die Absicht und werde verstimmt».²

Если тенденциозность и художественность выступают в произведении в равных пропорциях, то всё прекрасно. Что же касается двух упомянутых великих писателей, то, вероятно, можно утверждать, что суровые предостережения первого могут показаться устрашающими. Что же касается второго, то он настолько способен увлечь нас далёким идеалом, что долгий путь к нему может показаться пугающим. Но самое важное при этом, что наша воля к жизни укрепляется, а не расслабляется. Страх не должен сбивать нас с дороги, которая простирается перед нами. Процессия должна продолжать свой путь. Нам необходимо осознавать, что в принципе в человеческой жизни преобладает хорошее, что даже после самых ужасных несчастий, катастроф земля вновь купается в мощных потоках света, источник которого вечен. А порукой тому служит наша вера.

В последнее время моим кумиром стал Виктор Гюго. Основанием его блистательного воображения служит убеждение, что жизнь прекрасна и именно это делает его творчество столь многоцветным. Многие толкуют об его недостатках, театральности и манерности. Но все эти недостатки, слабости уравниваются его «joie de vivre».³ А она продиктована инстинктом самосохранения, потому что, если бы мы исходили из того, что в жизни больше плохого, нежели хорошего, жизнь на земле давно бы прекратилась. И если кто-то изображает исключительно тёмные стороны жизни, то созданные им картины представляют искажённое изображение жизни. В то же время я не согласен с теми, кто считает, что узнавание тёмных сторон жизни только вредит нам. Это не так.

Только слабые души и эгоисты не способны вынести сам факт существования отвратительных явлений, а все остальные вполне способны на это. Если бы все те, кто своими описаниями заставляет нас трепетать от ужаса или сгорать от стыда, были бы в состоянии дать нам понять, что в жизни несмотря ни на что есть возможность счастья, то мы могли бы сказать самим себе: ну, хорошо, по воле данного автора перед нами вот такой сюжет или текст. Это свидетельствует лишь о том, что в жизни много неожиданного и по воле данного автора нам надлежит в данный момент изумляться и ужасаться. Хотя чаще всего из-под пера писателя выходит всего-навсего

¹ Л. Н. Толстой. (Прим. пер.).

² Ich rieche die Absicht und werde verstimmt – Я ощущаю нарочитость, и это меня удручает (нем.).

³ Радость жизни (фр.). (Прим. пер.).

сенсация, а порой он оказывается неспособным даже на это! Получается двойное разочарование. Потому что у автора отрицательное отношение к жизни. И ещё потому, что он не способен вести читателя за собой. Отсутствие профессионализма всегда оскорбляет.

Чем большую тяжесть взваливает себе на плечи человек, тем более тщательно должен он рассчитывать свои силы. И уж коли некто осознал себя способным нести это бремя, осуществить сей тяжкий труд, то уж пусть избавит нас от лишнего многословия, или ужасающих картин: только художественные образы.

В искусстве мы пытаемся найти смысл жизни, так же как мы ищем его, и в переливающихся каплях росы, и в сверкании молний. Мы испытываем бесконечную радость, когда произведения искусства помогают нам обрести его. И нам не по себе, мы испытываем горькое разочарование, когда это не удаётся. Изначальные представления о добре и зле, которыми глубоко проникнуто наше сознание, всегда играли важную роль во всех сторонах нашей жизни, они являются неотъемлемой частью нашей жажды знания и самой нашей жажды жизни. Цель искусства – сеять повсюду семена добра, и чем больше будет этих семян, тем лучше.

Вот те идеалы, которые я стремлюсь провозгласить, будучи их верным слугой и поборником. Я отнюдь не отношусь к числу тех, кто полагает, что человек искусства, писатель не несёт моральной ответственности. Напротив, он несёт гораздо большую ответственность по сравнению с остальными. Ведь это он идёт впереди процессии, другие должны следовать за ним.

Я хочу выразить глубокую благодарность Шведской академии за признание моих заслуг на этом поприще. А теперь позвольте мне поднять бокал за всё здоровое и благородное в литературе.

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

Избранная библиография:

Романы и повести:

1. Сюннёве Сульбаккен (*Synnøve Solbakken*, 1857).
2. Арне (*Arne*, 1859).
3. Весёлый парень (*En glad Gut*, 1860).
4. Рыбачка (*Fiskerjenten*, 1868).
5. Свадебный марш (*Brudeslåtten*, 1872).
6. Флаги веют над городом и над гаванью (*Det flager i byen og på havnen*, 1884).
7. По Божьему пути (*På guds veje*, 1889).

Драматургия

1. Между битвами (*Mellem Slagene*, 1856).
2. Хульда-Хромоножка (*Halte-Hulda*, 1857).
3. Король Сверре (*Kong Sverre*, 1861).
4. Сигурд Злой (*Sigurd Slembe*, 1862).
5. Банкротство (*En fallit*, 1874).
6. Редактор (*Redaktøren*, 1874).
7. Король (*Kongen*, 1876).
8. Новая система (*Det ny system*, 1879).
9. Перчатка (*En hanske*, 1883).
10. Свыше наших сил. Часть первая (*Over ævne, første stykke, I*, 1883).
11. Свыше наших сил. Часть вторая (*Over oevne, annet stykke, II*, 1895).
12. Пауль Ланге и Тора Парсберг (*Paul Lange og Tora Parsberg*, 1898).
13. Когда бродит молодое вино (*Når den ny vin blomstrer*, 1909).

Поэзия:

1. Арнлёт Геллин (*Arnljot Gelline*, 1870).
2. Поэмы и песни (*Digte og Sange*, 1880).
3. Мир- (*Fred*, 1891).
4. Гимн Норвегии (*Norges Vel*, 1909).

Издания на русском языке:

1. Дочь Рыбачки (*Fiskerjenten*). Роман. Перевод А. П. Зенкевич. // Журнал «Изящная Литература», № 7, 1883.
2. Свадебный марш. Повесть Бьёрнстjerne-Бьёрнсона / Перевод В. Э. Форселлеса-Фирсова. – Санкт-Петербург: С.-Петербур. ком. грамотности, состоящий при Имп. Вольн. экон. о-ве, 1895. – 63 с.
3. Бьёрнстjerne Бьёрнсон «Перчатка». Перевод А. и П. Ганзен. Издание 2-е. Издание т-ва «Знание». – Санкт-Петербург 1903 г.
4. Бьёрнстjerne. Бьёрнсон. Когда цветёт молодое вино. Комедия // Фиорды. Дикий лес. (Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен). Сборник № 3. – СПб. Изд-е т-ва А. Ф. Маркс 1911.
5. Бьёрнстjerne. Бьёрнсон. Пьесы (Хульда-Хромоножка. Банкротство. Редактор. Новая система. Свыше наших сил, I–II). Библиотека драматурга. Пер. с норв. Вступительная статья В. Адмони. Примечания В. Матусевича. – М.-Л.: Искусство, 1961.
6. Бьёрнстjerne Бьёрнсон. Избранное. Пер. с норв. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1959.
7. Сюнневе Сульбаккен. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1961.
8. Бьёрнстjerne Бьёрнсон. Избранные произведения, – М. Панорама, 1999, библиотека «ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ».

ТАТЬЯНА ВОРОНЧЕНКО

Предисловие

В разделе «Американа» журнала «Переводчик» (2021) традиционно представлены переводы произведений американских писателей, чьи имена являются знаковыми в литературе Юго-Запада США.

Мэри Хантер Остин (1868–1934) – американская писательница, поэтесса, критик и драматург. Её творчество тесно связано с Юго-Западом США. В двадцатилетнем возрасте она вместе с семьёй переехала из штата Иллинойс в Калифорнию, которая на долгие годы стала её домом и источником вдохновения. Остин вошла в американскую литературу как мастер короткого рассказа. Большую часть своих рассказов и статей она посвятила любимой Калифорнии. Неслучайно в честь Мэри Остин была названа одна из гор Сьерра-Невада, расположенная неподалёку от её дома в Индепенденсе. Остин принимала активное участие в движении за сохранение традиционных искусств, ремёсел и культуры коренных американцев, явилась одним из основателей «Лесного театра» (*The Forest Theatre*) в Кармеле, Калифорния. Состояла в кружке представителей творческих профессий: художников, фотографов, писателей, где познакомилась с Амброзом Бирсом, Джорджем Стерлингом и Джеком Лондоном, которые высоко оценили талант Остин. В 1924 году писательница переезжает в Санта-Фе, столицу штата Нью-Мексико в горах Сандиа, где участвует в открытии «Камерного театра Санта-Фе» (*The Santa Fe Little Theatre*), действующего до сих пор. В разделе представлен перевод на русский язык рассказа «Плетельщица корзины» из сборника «Земля редких дождей» (1903). Он посвящён описанию уклада жизни индейской женщины, живущей в мире и согласии с окружающей природой. Перевод Елены Гладких осуществлён с текста книги Мэри Остин *The Land of Little Rain* (*Houghton Mifflin, 1903*).

Фрэнк Гай Эпплгейт (1881–1931) – американский писатель, художник, резчик по дереву, гончар. Эпплгейт прославился своим многогранным талантом в Нью-Джерси, на северо-востоке США, но, совершив в 1921 году поездку в Санта-Фе, он был очарован самобытной культурой Нью-Мексико и переехал сюда почти в одно время (1923) со знаменитым русским художником из Казани Николаем Фешиным. Вместе с Мэри Остин он основал в 1925 году «Общество по изучению искусства испанских колоний в Америке». На основе устных повествований коренных жителей Юго-Запада

Фрэнк Эплгейт издал в 1929 году сборник рассказов и легенд «Индийские рассказы из пуэбло». В разделе «Американа» представлены переводы на русский язык коротких рассказов «Женитьба Хопи» (Татьяна Воронченко) и «Аго По» (Екатерина Фёдорова), осуществлённые с текста книги Фрэнка Эплгейта *Indian Stories from the Pueblos (Bedford, Massachusetts: Applewood Books, 1994)*.

ФРЭНК ГАЙ ЭПЛГЕЙТ (1882 – 1931)

ЖЕНИТЬБА ХОПИ¹

(из сборника «Индийские рассказы из пуэбло», 1929)

Большую часть времени после окончания школы-интерната для индейцев и возвращения домой юный Та-А по указанию отца проводил на отдалённой стоянке в пустыне Хопи, где стерёг стадо овец. Несмотря на то, что в течение нескольких лет он жил в плотном окружении индейских ребят, в тесноте, похожей на тюремную, интерната штата Калифорния, парень не страдал от одиночества в этом безлюдном пустынном месте, поскольку он всё время думал о чудесной девушке-хопи, с которой он познакомился в поезде по дороге домой. Она жила в пуэбло² Уолпи³ неподалёку от его родного местечка Зикамови.

Как-то раз отец Та-А приехал на стоянку, чтобы сказать, что мать хотела бы видеть его и он может ехать домой, а за овцами отец присмотрит сам.

Мать встретила Та-А с радостной улыбкой и сказала: «Та-А, у меня для тебя хорошие новости. Ты уже достаточно взрослый, чтобы жениться и быть счастливым, и поэтому, пока ты был вдали от дома, я приготовила тебе приятный сюрприз. Я подыскала тебе славную, умелую девушку и, согласно обычаю, «поженила» вас, так что с сегодняшнего дня она твоя жена и ждёт тебя в своём доме».

Та-А был полностью сокрушён этой новостью. Он знал об обычае хопи, согласно которому мать выбирает жену для сына, но он так долго был вдали от дома, в интернате, что напрочь забыл об этом. Во всяком случае, он и подумать не мог, что такое с ним произойдёт. Павший духом и подавленный, парень не мог сказать ни слова сияющей матери. Он поспешно покинул дом и помчался обратно на стоянку, решив, что ему ничего не нужно от этой неизвестной жены, которую он не выбирал.

¹ Хопи (англ. *Hopi*) – народность индейцев, проживающих на Юго-Западе США в штате Аризона. (Прим. пер.).

² Пуэбло (англ. *pueblo*) – индейская деревня. (Прим. пер.).

³ Уолпи (англ. *Walpi*) – посёлок, который находится в резервации народа хопи, округ Навахо, штат Аризона. (Прим. пер.).

Отец изумился, увидев Та-А, и спросил, что там стряслось. Та-А рассказал о поступке матери, однако отец не удивился:

«Твоя мать – мудрая женщина. Она нашла тебе хорошую жену. Почему ты сбежал от неё? Ты уже вернулся из интерната, и тебе нужно жениться. Обычай хопи гласит: мать ищет жену сыну, потому что она знает, какая девушка самая усердная и перемалывает кукурузу лучше всех. Ты же приехал совсем недавно и не знаешь, кто лучше тебе подходит».

«Но, отец, – ответил Та-А, – я не хочу жениться на женщине, которую не люблю. Я читал в книгах, написанных белыми, что люди должны полюбить друг друга прежде чем жениться».

«Это очередной вздор белых, с которым вы, молодые, возвращаетесь из государственных школ, – рассердился отец. – Наш обычай лучше для парня, которому нужна хорошая жена. Давай ложиться спать, а завтра посмотрим».

Та-А не мог заснуть. Его мозг бился над этой дилеммой; и мысли о Дауе – девушке, в которую он влюбился в поезде, – не давали ему покоя.

Задолго до рассвета Та-А незаметно выскользнул из лагеря и отправился к своему другу, который годом раньше вернулся из интерната. Он излил ему душу. Друг выслушал его, не перебивая, с серьёзным выражением лица, и затем сказал: «Тебе не обязательно жениться на той девушке, которую выбрала мать, если ты не хочешь. Официальный представитель по работе с индейцами говорит, что все хопи могут обращаться в государственное учреждение, чтобы вступить в брак, как это делают белые. То есть, если Дауа Мана согласна, то сотрудник регистрирует ваш брак, и ни мать, ни отец не смогут этому помешать. Напиши письмо Дауе и попроси её руки, а я передам его ей».

Та-А взял карандаш, бумагу и целый час корпел над нижеследующим:

«Дауа Мана! Дорогая мадам! Я пишу Вам это письмо, чтобы сказать, что люблю Вас, и спросить, согласны ли Вы быть со мной? Вы такая милая и красивая! Ваши глаза сияют, как у хомячков, которые танцуют в лунном свете. Волосы Ваши прекрасные, шелковистые, как шерсть овечки, только не белая, а чёрная. Ваши щёчки похожи на барханы пустыни на закате солнца. Я всё время думаю о Вас, пока койоты не подходят к стаду, поскольку в этом случае мне надо отгонять их, чтобы они не разодрали скот.

Искренне Ваш,

Та-А.

P.S. Кстати, выйдете ли Вы за меня замуж? Если Вы согласны, давайте встретимся завтра на рассвете у родника Ишба, потом поедem в ЗАГС и поженимся, как белые люди. Моя мать уже «женила» меня на какой-то незнакомой девушке, но я хотел бы вступить в брак только с Вами. Пожалуйста,

ответьте мне как можно скорее,
Та-А».

Письмо было отправлено, и вскоре друг вернулся с таким вот обнадеживающим ответом:

«Та-А! Дорогой сэр! Я получила Ваше послание, в котором Вы спрашиваете, выйду ли я за Вас замуж. В ответ сообщаю, что Ваше предложение принято с одобрением.

Искренне Ваша,
Дауа Мана.

P.S. Я приду на встречу в назначенное время к роднику Ишба. Я тоже считаю, что женитьба по обычаям белых – это подходящий для нас вариант.

P.S. Когда я думаю о Вас, я представляю орла.

Та-А, вне себя от радости, принялся обсуждать с другом возможные пути достижения цели. Вот теперь друг Та-А доказал, что настоящие друзья познаются не только в беде, но и в радости. У него был фورد. По правде говоря, это был выдавший виды автомобиль, но при умелом управлении он всё ещё мог ездить по просторам пустыни. На следующий день, на рассвете, оба парня были готовы отправиться в путь. Они по очереди пытались завести двигатель, и наконец фورد «откашлялся» от песка и поехал на двух цилиндрах, а когда немного нагрелся, заработал и третий – это было обычным делом для такой колымаги. Худо-бедно они добрались до места назначенного «рандеву», когда восходящее солнце осветило краешек пустыни. Дауа Мана ожидала их, и через час или чуть больше она уже стала законной женой Та-А.

Со свидетельством о заключении брака, выданным регистратором согласно законам белых, Та-А и Дауа Мана вернулись в Зикамови. Дауа была на седьмом небе от счастья. Та-А тоже, но кое-что беспокоило его, он думал о том, как его примут дома после того, как он нарушил один из старейших обычаев хопи.

Когда они прибыли в дом матери Та-А, он с дрожью переступил порог вместе с новобрачной. Однако, вопреки ожиданиям, мать просияла, как только увидела их:

«Тебе понравилась жена, которую я нашла? Она такая милая, да ещё и трудолюбивая!»

Парень был в полном замешательстве от такого приёма, к тому же Дауа откровенно хихикнула. Он повернулся к ней и спросил: «Так это ты та самая девушка, на которой меня мать вчера женила?»

«Да, – засмеялась Дауа. – Я мечтала стать твоей женой с той минуты, как впервые тебя увидела, ты – настоящий орёл! Я намолочила превосходную кукурузную муку, чтобы показать твоей матери, какая я работающая. Ей

очень понравилась моя мука, и всё, казалось бы, было решено, но ты так и не пришёл ко мне в дом, а сбежал и потом написал мне письмо с предложением зарегистрировать брак в ЗАГСе официально. И я подумала – ладно, если ты так хочешь, то мне всё равно, ведь это тоже хороший способ пожениться».

ПРИМЕЧАНИЕ. Когда девушка хопи проникается симпатией к молодому человеку и желает выйти за него замуж, она мелет муку из кукурузы как можно лучше и приносит её будущей свекрови. Если мать жениха примет приготовленную девушкой муку и занесёт её в дом, то это знак того, что она берёт её в невестки. Девушка тотчас же объявляется женой полюбившегося ей мужчины, за исключением тех случаев, когда в семье есть неженатый старший сын – тогда она становится женой старшего брата.

/Из книги: Applegate, Frank G. Indian Stories from the Pueblos. Bedford, Massachusetts: Applewood Books, 1994. Pp. 59–64./

Перевод с английского Татьяны Воронченко

АГО ПО

Стоял один из тех тёплых солнечных зимних дней, которые обычно тянулись в Нью-Мексико друг за другом нескончаемой вереницей. В пуэбло Сан-Ильдефонсо¹ стояла тишина, поскольку накануне проходила фиеста², и сегодня индейцы были несколько апатичны и расслаблены. Над рекой Рио-Гранде поднялся вихрь; он пронёсся по площади, вздымая клубы пыли. Почувствовав его приближение, индейцы инстинктивно попрятались в домах, плотно заперев двери. Согласно поверью, вихри создают ведьмы, чтобы перемещаться, куда хотят, и никто не пожелает столкнуться с ними.

Жизнь в пуэбло текла уныло и однообразно в этот солнечный зимний день, пока на главную площадь деревни не въехал арендованный автомобиль из Санта-Фе. Из машины проворно выбралась женщина. В её движениях читались решительность и целеустремлённость. Она пересекла площадь и, не раздумывая, постучала в дверь ближайшего дома. Индианка пригласила незнакомку войти, предложила присесть и с усмешкой взглянула на гостью.

Посетительница сняла очки с толстыми линзами, протёрла их и надела снова. Казалось, что она размышляла о чём-то очень важном и усиленно обдумывала, как себя вести. В конце концов, она решила держаться по-деловому и перешла к сути:

¹ Сан-Ильдефонсо (англ. *San Ildefonso*) – населённый пункт на территории штата Нью-Мексико, в котором проживают индейцы-пуэбло. (Прим. пер.).

² Фиеста (англ., исп. *fiesta*) – праздник, выходной. (Прим. пер.).

«Я собираюсь написать о жизни коренного населения Юго-Запада. В Санта-Фе мне сказали, что вы, индейцы Сан-Ильдефонсо, говорите по-английски и могли бы поведать согражданам о своей мифологии и суевериях значительно больше, чем какие-либо другие индейцы. Вот, например, не могли бы вы объяснить, в чём смысл того вчерашнего танца, на который мужчины вышли из круглого дома, почти без одежды, измазанные красной грязью, и принялись подскакивать друг за другом, а остальные в это время колотили по полному бревну и кричали?»

«Я не знаю. Это же они, мужчины, так делают», – ответила хозяйка, издав нервный смешок.

«Но мужчины-то знают, в чём смысл?» – настойчиво допытывалась посетительница.

«Может быть. Не знаю. Мне они не докладывают».

Следующий вопрос посетительницы прозвучал так: «Вам нравится жить такой простой, примитивной жизнью здесь, в пуэбло?»

«О чём вы?» – прыснув со смеху, переспросила индианка.

«Вам, индейцам, нравится жить в пуэбло?» – терпеливо повторила дама.

«О да, – с улыбкой ответила хозяйка, – особенно когда нас тут не беспокоят».

Посетительница вскочила. Целые десять минут, отведённые на сбор материала, прошли напрасно. Она спросила у хозяйки дома: «А есть здесь мужчины, с которыми можно поговорить?»

«Не знаю. Может быть, вы найдёте кого-нибудь на площади», – ответила индианка, усмехаясь.

Женщина вышла на площадь и осмотрелась. На противоположной стороне она заприметила довольно крупного индейца, который расположился у залитого солнцем глинобитного дома и дремал в самый разгар дня. Дама тотчас же подошла к нему. Индеец окинул её оценивающим взглядом с головы до пят, внимательно изучив практичную обувь, шёлковые чулки, брючный костюм зелёного цвета, изящно очерченный подбородок и аккуратный нос, очки с толстыми линзами и зелёную шляпку, похожую на шлем. Это был Аго По, самый колоритный и острый на язык индеец в Сан-Ильдефонсо, *кошаре*¹, лучший балагур в пуэбло. Аго По считал делом всей своей жизни высмеивать пороки и слабости людей – будь то индейцы или белые. Он всегда был готов хохмить на забаву окружающим и самому себе.

Старый индеец сразу понял, что за женщина перед ним – он знал такой тип людей. В прошлом он частенько здорово разыгрывал таких, как она. Как только он увидел выходящую из машины на площади женщину, то тотчас мысленно выбрал её жертвой своего остроумия. Аго По решил выждать,

¹ Кошаре (англ. *koshare*) – клоун, или шут, который, согласно обычаям индейцев пуэбло, играл роли духов предков в культовых обрядах. (Прим. пер.).

когда дама сама подойдёт к нему, поскольку предвидел, что именно так она и поступит.

У индейца вмиг улучшилось настроение, хотя он умело скрыл это, напустив бесстрастный и неприступный вид. Аго По прекрасно знал, как следует вести себя со своими «жертвами», чтобы привести их в состояние глубокого волнения.

Он бросил на женщину пронизательный взгляд, в глазах заплясали огоньки. Прежде чем она смогла сформулировать свой вопрос, он сказал: «Привет! Как дела?».

«Здравствуйте! – ответила она. – Вы мне не можете помочь? Я ищу кого-нибудь, чтобы узнать из первых уст о простой жизни здешних аборигенов. Может быть, вы расскажете мне о себе, об индейцах, ваших мифах и суевериях?»

«Да, конечно, – произнёс наш тучный друг-индеец своим громким, звучным голосом, – я часто рассказываю белым людям кое-что о нас, индейцах. Некоторые из нас – глупцы, не иначе – предпочитают держать всё в секрете, но я всегда говорю: нам стыдиться нечего. Правда, когда я делюсь с людьми информацией, они обычно платят мне за уделённое им время. Даже индейцы дают мне пять долларов, когда я прогоняю ведьм из пуэбло, потому что я здесь самый лучший ведун».

Женщина была крайне заинтригована и обрадована тем, что скоро узнает о языческих верованиях индейцев из первых уст, поэтому через мгновение Аго По стал на пять долларов богаче.

«Что ж, – сказал Аго По, – пойдёмте я отведу вас в свою хижину ведуна, пока нас не увидели другие индейцы и не разозлились на меня за то, что я собираюсь вам кое-что показать».

Аго По привёл свою спутницу в старый заброшенный дом, который когда-то принадлежал его матери. Гостиная, в которой они оказались, была завалена поношенными, бесполезными вещами, которые обычно скапливаются в индейской деревне, а также другим скарбом почившей матери. Аго По закрыл дверь, чтобы, как он выразился, не дать «плохим людям» узнать тайны, которые он собирается раскрыть.

Первым внимание гости привлек старинный охотничий идол из камня, напоминающий бегемота. Фигура была расположена в нише у камина. «Ой, а для чего эта каменная свинья?» – воскликнула женщина, подходя к скульптуре.

«Не вздумайте её трогать! – прогремел Аго По. – Если вы нечаянно перевернёте её, то с неба упадут звёзды. Это священная пума Сан-Ильдефонсо. Когда-то она была огромной, – с самым серьёзным видом продолжал он, – но после пожара в горах усохла до такого размера. Давным-давно мы жили на скалах на вершине горы Цанкоуи, и когда мы покидали это место, пума собрала все звёзды в мешок из оленьей кожи, чтобы они могли светить нам здесь. Когда мы почти спустились, она уронила мешок. Звёзды выпали

из него и вернулись на небо – туда, где они сейчас и находятся. Правда, теперь они расположены ассиметрично, не такими ровными рядами, как было тогда, когда мы жили на Цанкоуи. В её мешке осталось лишь три маленьких звёздочки, и пума только их расставила в небольшую цепь».

Женщина торопливо конспектировала весь этот рассказ в свой блокнот. Она отвлеклась от записей в тот момент, когда Аго По взял в руки большое старинное огниво. «Это огненный камень, – не моргнув глазом, продолжил он. – Летом, когда облака поднимаются всё выше и выше, а нам, индейцам, очень нужен дождь, то я – ведун – высекаю из этого камня огонь, который превращается в молнию. Молния пробивает дождевое облако и ударяет в огромную водяную кобру, живущую в нём – её рёв мы называем громом. Дыхание ревущей кобры становится ветром, который обрушивает дождь на наши кукурузные поля.

Когда мне нужно, чтобы появилось дождевое облако, я беру священную краску вон из этого горшка и рисую своих сородичей. Индейцы отправляются на площадь петь и танцевать, пока старейшина изображает звуки грома на барабане. Водяная кобра слышит шум и думает, что индейцы – это дьяволы, пустившиеся в пляс, поэтому заставляет дождевое облако перемещаться в сторону пуэбло, чтобы посмотреть на этот танец. И тогда я использую огненный камень, как я вам только что рассказал».

«Как же это необычно!» – воскликнула гостя и сделала ещё несколько пометок в блокноте под заголовком «Верования коренных жителей пуэбло Сан-Ильдефонсо».

Затем внимание женщины привлекла небольшая деревянная фигурка, искусно вырезанная и раскрашенная, напоминающая францисканского монаха в традиционном облачении. Среди испаноязычных жителей Нью-Мексико подобная фигурка имела название «санто-булто», или «святой».

«Она принадлежала ещё моему прапрадедушке, – поведал Аго По. – Он тоже был величайшим ведуном в Сан-Ильдефонсо. Ему не нравился местный падре, поскольку тот на дух не переносил наши традиционные обряды и называл их колдовством. Тогда дед вырезал эту фигурку, напоминающую падре. Когда он произносил особые индейские магические слова и втыкал в фигурку иглу, то священник, где бы он ни находился, чувствовал этот укол и подскакивал с криком: “Дьявол!”. Падре знал, что его околдовали, но никак не мог найти тому доказательства, поскольку дед искусно прятал фигурку. Однажды священник вызвал из Санта-Фе «охотника на ведьм», который вскоре выяснил, что происходит. Дед был арестован и повешен по решению испанского губернатора».

Затем Аго По подозвал свою слушательницу к столбу в центре комнаты, который подпирает крышу. «Мы считаем, – произнёс он со всей серьёзностью, – что этот столб является центром мира и именуем его «столб солнца». В древние времена он возвышался над нашим поселением на горе Цанкоуи. Когда мы обосновались здесь, то решили перенести и центр мира.

Вот эта палка, вставленная в отверстие на северной стороне столба, символизирует солнце, – сказал старый индеец, показывая на хлипкий деревянный колышек, который воткнули в столб, чтобы вешать одежду. – Отверстие, в которое она вставлена, называется «северным солнечным отверстием», а с другой стороны столба находится «южное солнечное отверстие». Когда зимой становится чересчур холодно, и солнце уходит далеко на юг, я вставляю солнечную палку в «южное солнечное отверстие», и солнце приходит обратно на север. Довольно скоро снова наступает лето, и когда становится слишком жарко, я переставляю палку в «северное солнечное отверстие», и приходит зима. Как-то раз другой ведун забыл переставить палку, и зима длилась два года, снега выпало на полтора метра, и все чуть не замёрзли насмерть. В другой раз он забыл вытащить солнечную палку, и солнце подошло настолько близко, что загорелась одна из гор Хемез, и всем приходилось ходить без одежды, поскольку было очень жарко. Поэтому я очень осторожен в таких делах и никогда не забываю менять палки».

Аго По замолчал. Его мысли обратились к большому котелку тушёного мяса, которое, должно быть, уже приготовила его жена. К тому же он решил, что уже достаточно позабавился, разыграв туристку, и отработал её деньги.

Женщина тем временем бросила взгляд на свои наручные часы, отметив про себя, что посвятила ровно час изучению самобытной культуры индейцев пуэбло Юго-Запада. Уже подходя к двери, она спросила: «Вы женаты?»

Аго По, хоть и привыкший к всевозможным вопросам, несколько удивился. Ему удалось скрыть своё замешательство. Однако, готовый играть в эту игру до конца, он ответил: «Я думаю, она всё ещё там, внизу...», и топнул ногой о твёрдый глинобитный пол.

«Вы хотите сказать, что убили свою жену и похоронили её там?» – с ужасом воскликнула посетительница.

«Ну, не знаю, убил или нет, но приложил я её по голове довольно сильно, а потом положил сюда. Вы только никому не говорите, потому что об этом ещё никто не знает». Хитрый индеец со зловещим блеском в глазах взглянул на собеседницу. Она пулей выскочила за дверь, рванула к ожидающему её такси, рухнула на заднее сиденье, и машина понеслась обратно в Санта-Фе.

Аго По неторопливо закрыл дверь и пошёл домой. Наслаждаясь сочным тушёным мясом, которое приготовила жена, он то и дело весело смеялся. Жена, добродушная от природы, спросила: «Ну что, Большой Медведь, чему ты так радуешься? Поймал бурундука утром?»

«Нет, – ответил наш герой, – всего лишь маленькую белую мышку, но она была такой забавной, что я играл с ней почти час, прежде чем отпустить». Аго По снова рассмеялся, а его незлобивая жена хихикнула в ответ.

Что до нашей туристки, то она, вернувшись в Санта-Фе, весь вечер подробно описывала мифы и суеверия коренных жителей долины реки Рио-Гранде, основываясь на материалах, полученных непосредственно из первоисточника.

На следующий день она рассказала мистеру Чепмену, археологу из музея в Санта-Фе, о своей поездке в Сан-Ильдефонсо и тех уникальных «аутентичных» материалах, которые ей удалось собрать.

Мистер Чепмен, учтиво внимая рассказу молодой исследовательницы, едва сдерживал смех. Когда же она назвала имя своего информатора, он вежливо пояснил ей, что Аго По – это величайший шутник и мистификатор среди местных индейцев, и добавил, что до тех пор, пока у неё не накопится в течение нескольких лет необходимый опыт проведения полевых исследований, ей стоит опираться на доклады Бюро американской этнологии, как это делают в большинстве своём авторы, пишущие об индейцах.

Трудно сказать, опубликовала ли эта дама свой опус под названием «Жизнь среди индейцев» на основе «записей» или нет. Если вы увлекаетесь чтением книг об индейцах и их быте, то, как знать, может быть, и наткнётесь на что-либо, написанное ею, – ведь о Юго-Западе писали и пишут все кому не лень, даже те, кто знает об индейцах ещё меньше, чем она.

/Из книги: Applegate, Frank G. Indian Stories from the Pueblos. Bedford, Massachusetts: Applewood Books, 1994. Pp. 67–77./.

Перевод с английского Екатерины Фёдоровой

МЭРИ ХАНТЕР ОСТИН (1868 – 1934)

ПЛЕТЕЛЬЩИЦА КОРЗИН

«У мужчины, – говорит Сеяви из кампуди¹, – должна быть женщина. Но женщина, у которой есть ребёнок, успешно справится и в одиночку».

Возможно поэтому, после того как она потеряла супруга в его предсмертной борьбе за своё племя, она не стала искать себе другого, а решила выживать с маленьким сыном на руках с помощью своей смекалки. Несомненно, она не раз ей пригодилась в поисках пропитания для них двоих. Свою последнюю оборону пайюты² держали на границе Горького озера; в пылу сражения они погибли в его водах, и землю заволокли скотоводы и авантюристы-золотоискатели: тогда Сеяви и её мальчик спрятались в пещерах Чёрной скалы, поедая корни камыша и пресноводных моллюсков,

¹ Camproodie (от исп. campo – поле, открытое ровное место, прерия) – группа хижин индейцев. (Прим. пер.).

² Paiutes – название племени индейцев, обитавших в Калифорнии и Неваде. (Прим. пер.).

которых они откапывали с илистого дна пальцами ног. В то время, когда племена пытались примириться со своим поражением, и ещё до того, как угасли разговоры о войне, они, должно быть, приблизились к постижению самой сути вещей. Именно тогда Сеяви поняла, насколько важна смекалка для матери и что обходиться без мужчины гораздо проще, чем это могло бы показаться на первый взгляд.

Чтобы понять образ жизни кого бы то ни было, нужно иметь представление о земле, на которой он живёт, знать особенности смены времён года в данной местности. Долина здесь узкая, представляющая собой впадину между холмов, коридор для шквалистых ветров, на расстоянии менее одного полёта ворона от заснеженных вершин Сьерры до изогнутых, красноохристых, вечно беспокойных голых хребтов Вабана¹. Где-то по центру этого жёлоба медленно течет мутная речка, отсюда почти сто миль до той местности на севере, где она, прорезая лавовые плато, расширяется, образуя грязную, стоячую заводь. Близлежащие горные хребты не имеют предгорий – они круто взмывают с отмели, возвышаясь над рекой. У подножия Сьерры, по его восточным склонам, почти полностью лишённым дождя, льются сверкающие белизной водные потоки, соскальзывая к самой долине, а прямо за ними приютились и дружно смотрят на восток кампуди, хитро сплетённые из тёмно-коричневых веток кустарника.

В реке водятся моллюски, растёт тростник со съедобными белыми корнями, а на дерновых лугах выкапывают клубни паспалума²; сезон всех трёх приходится на весну. Летом же радуется семенами поросль на склоне; взберёшься по откосу – а там однохвойные сосны с их маслянистыми орешками. Это всё, на что здесь могли рассчитывать люди, и даже это малое находилось в исключительной власти богов холода и дождя. Остальное же необходимо было добывать хитростью и смекалкой, осторожностью пополам с умением, противостоя визгливым полчищам диких птиц, притаившихся в камышах на озере Туларе, и пытаясь обхитрить вилорогих антилоп, снежных баранов и оленей. Впрочем, можно догадаться, что с началом противоборства винтовок и тетивы, с притоком господствующей белой расы звери стали более дикими, а у охотников появился страх самим оказаться добычей. Неудивительно, что и женщины, в свою очередь, становились охотничьим трофеем завоевателей, поскольку время было суровым, а в тех краях царили дикие нравы.

Раньше в долине Малой Антилопы жила собака, сука, бродячая с рождения или выброшенная человеком, она оценилась в каком-то заброшенном логове, а потом, чтобы прокормить кутят, рыскала по округе в поисках пищи, крадучись и опасаясь, помня о существовании человеческого рода и

¹ Waban – индейское название местности, значение неизвестно. (Прим. пер.).

² Joint grass (*Paspalum distichum*) – паспалум двухрядный, род травянистых растений семейства злаковых. (Прим. пер.).

питая к нему недоверие, такая печальная, худая, но способная обеспечить своё потомство всем необходимым.

Я думаю, что у Сеяви, наверное, тоже бывали подобные дни, и с тех пор она успела всё хорошенько обдумать, вот и не хочет говорить об этом. У пайютов есть невероятная способность – доводить свою жизнь почти до предела, но при этом выживать за счёт каких-то кузнечиков, ящериц и странных трав; должно быть, в такие периоды в ход идут все варианты без исключений. Тот период одиночества для Сеяви оказался долгим настолько, что она успела проникнуться философией жизни, о которой я говорил в самом начале. Она не только в совершенстве овладела наукой существования ради сына, но и научилась верить в ценность такого бытия.

В нашем обществе, если женщина перестаёт менять причёску, легко догадаться, что она испытала какой-то жизненный кризис. Если она продолжает то завивать, то распрямлять волосы в зависимости от смены настроения, можно с уверенностью предположить, что ей никогда не приходилось сталкиваться с чем-то особенно серьёзным для неё. Примерно таким же образом индивидуальность индейской женщины выражается в узоре её плетёных корзин. Это не значит, что она не изготавливает другие виды кухонной утвари – переноски, бутылки для воды, подставки, просто все её работы выдержаны в едином стиле. Сеяви мастерила выпуклые книзу чаши с плоским дном, собственно говоря, корзины для приготовления пищи, которые не пропускали воду, а для приготовления еды в них опускали раскалённые камни. В качестве декора она использовала рисунок оперения калифорнийского перепела, который она вырезала из пёстрой коры. Таким же рисунком она украшала корзины для приготовления пищи той золотой весной в год своей свадьбы, когда перепела взлетали парами, направляясь к своим пристанищам где-то у подножия Оппапаго¹. Подобным образом она расписывала их и после разграбления деревни, когда появилась возможность вернуться к ремеслу. Сотни перепелов водились у Чёрной скалы – в годы изобилия вы всё ещё можете встретить их, – а в голодные времена женщины остригали свои длинные волосы, чтобы сплести из них силки для ловли птиц, прилетающих к ручьям по утрам и вечерам.

Сеяви плела корзины с любовью, и продавала их в эпоху, когда предпочтение отдавалось железным горшкам за их практичность. Каждая индейская женщина – творец: она смотрит, чувствует, создаёт, но не философствует по этому поводу. Корзины, вышедшие из-под рук Сеяви – это чудо технической точности, что внутри, что снаружи, на ощупь – ни одного изъяна, но больше всего подкупает подсознательное ощущение той человечности, которая заложена в каждый изгиб отполированной до блеска посуды.

¹ Оппараго – горная вершина возле горы Уитни в штате Калифорния. Название означает «Плакальщица», поскольку с данной вершины непрерывно текут потоки, сравнимые со слезами. (Прим. пер.).

Раньше в Оланче¹ жила женщина-индианка, которая украшала свои узкогорлые корзины для мелочей узором, как на хвосте у гремучей змеи, и могла подогнать рисунок хоть к пузатой чаше, хоть к плоской боковине корзины, не нарушая пропорций и настолько хитроумно, что вы могли годами быть счастливым обладателем её изделия и даже не задумываться о том, как она добилась такого эффекта; но в корзинах Сеяви было нечто большее, чем просто хитроумие. Будучи тесно привязана к земле, искусница умело подбирала материал для корзин. Дважды в год, в сезон белых бабочек и массовых забегов юных перепелов по чапарелю², Сеяви срезала ивовые ветки для своих изделий у ручья, в том самом месте, где он загибался в сторону реки, противостоя солнцу и жадным ветрам. У него почти никогда не получалось добежать до реки, за исключением ничтожно редких периодов летних паводков, но он всегда так старался, что ивы желали его подбодрить как могли. Однако они всегда оказывались чуть ниже, чем эта струйка нетерпеливой воды.

Принцип отсчёта времени у пайютов нравится мне намного больше, чем любой другой календарь. Они не связывают себя штампами, напоминающими о языческих или официальных богах, они не следят за сменой лун, как краснокожие люди с Востока и Севера, зато они ведут прямой и обратный отсчет от каждого времени года; время табуза³, приближение нереста форели, конец урожая пиньона⁴, начало глубоких снегов. Так они более точно ощущают наступление сезона, который может начаться чуть раньше или с опозданием, в зависимости от того, пошли дожди вовремя или позже обычного.

Сеяви срезала веточки ивы для корзин в тот золотой сезон, когда природа всей своей душой тяготеет к лесу. Если бы вам посчастливилось стать обладателем золотисто-красноватой корзины Сеяви для приготовления пищи, украшенной рисунком оперения калифорнийского перепела, вы бы поняли всё без лишних слов.

Прежде чем Сеяви стала плести корзины для удовлетворения своей страсти, – ведь именно так звучит доморощенная теория, пытающаяся объяснить искусство, – она танцевала и делала себе причёски. В те дни, когда весна была в самом её разгаре, а кровь кипела в брачной лихорадке, молодые девушки выбирали подходящие цветы, оплетали себя венками и танцевали на закате: так одно юное желание вызывает к другому юному желанию. Они

¹ Olancho – поселение близ горы Косо в округе Инио, штат Калифорния. (Прим. пер.).

² Чапарель – тип субтропической жестколистной кустарниковой растительности. Распространён в узкой полосе Тихоокеанского побережья Калифорнии и на Севере Мексиканского нагорья, на высоте 600–2400 м. (Прим. пер.).

³ Taboose – мелкие клубни паспалума, которые появляются ранней весной на узлах корней растения и являются важным элементом питания индейцев. (Прим. пер.).

⁴ Pinon – испанское название однохвойной сосны, дающей орехи. (Прим. пер.).

пели то, что подсказывало сердце, что навеет цветок, что повиснет в половозрелом воздухе.

«А что за цветок ты на себе носишь, Сеяви?»

«Я, э... белый цветок, вьющийся клематис, он украшает мое тело и волосы, а я пою»:

«Я белый вьющийся цветок,
Маленький белый цветок у реки,
О, цветок, который вьётся близ реки;
О, трепещущий цветок!
Так трепещет сердце юной девы».

Так пела Сеяви из кампуди, прежде чем начала плести корзины, а на закате своих дней, сложив руки на коленях, смеялась над этими воспоминаниями. Но нечасто она была щедра на разговоры – она никогда не понимала, насколько я был голоден до тех обрывочных знаний и «глупой болтовни» её народа. Она кормила своего маленького сына языками лугового жаворонка, чтобы малыш научился быстрее говорить. Однако в последние годы ей не хотелось признаваться в этом, хоть она и прошла период некоего недоверия к традициям и обрядам племени, она прекрасно понимала всю их красоту и значимость.

«Какая польза твоим мёртвым, Сеяви, от корзин, которые ты сожжёшь?» – спрашивала я, лелея надежду забрать их в свою коллекцию.

А Сеяви в ответ: «Такая же, как и твоим от цветов, которые ты им бросаешь».

Оппапаго смотрит на Вабан, а Вабан на Косо¹ и Горькое озеро, а кампуди смотрит на всю эту троицу; более того, кампуди видит, как рождаются ветра у подножия Косо, скопление облаков за высокими гребнями гор, расцвет весны и цветение дикого миндаля, укутывающего холмы мягким покрывалом. Горы, как вы понимаете, это стены пайюта, а всё остальное – внутреннее убранство. Не плетёная хижина – его дом, а земля, ветры, холм, ручей. Он не сможет создать точную копию этого ни в одной мастерской, тогда, как вы, живущие в доме, сможете отстроить такой же в Ситке и Самарканде, если позволяет ваш кошелёк. Нетрудно понять, почему тоска индейца по дому часто бывает смертельной: его не радует чужое: ни ветер, ни трава, ни линия горизонта, ни даже холмы чужой страны, хоть и очень похожей на его собственную. Именно поэтому, когда правительство добралось до пайютов, им удалось собрать в северной резервации только те несчастные племена, которые не видели для себя иного выхода. Здесь, вдоль реки и к югу от Земли шопонов, живут кланы, владевшие когда-то землёй и сегодня оказавшиеся в незавидном положении приживальщиков. Несмотря на все лишения, они смеются в тот час, когда возвращаются в кампуди в конце трудового дня, чувствуя запах мяса, видя пар от кастрюль, поднимающийся

¹ Coso – гора, вблизи калифорнийского поселения Оланча. (Прим. пер.).

на фоне закатного солнца. Позже вечером дети ложатся, зарыв пальцы ног в тёплую золу, и слушают сказки; в этот момент им весело, они чувствуют приятную сытость и единение со своими близкими. У них есть свои холмы, и, несмотря на притеснения, они достаточно свободны, чтобы поддерживать силу духа и противостоять тому, что ждёт их впереди. Ну а сейчас вы услышите конец истории о плетельщице корзин.

В свои лучшие дни Сеяви была больше всего похожа на Дебору: полногрудая, с широкими бёдрами, степенная в речи и всегда готовая дать совет, уважаемая своим народом. Это была та Сеяви, которая вскормила и воспитала мужчину своими собственными силами, своим умом, без помощи кого-либо. Когда горожане начали обращать на неё внимание – а прошло несколько лет после войны, прежде чем появились города, – она переживала период быстрого созревания, характерный для примитивных женщин, когда мы с ней познакомились, она уже казалась старой. Женщины в индейских племенах не часто доживают до преклонного возраста, но выглядят они гораздо старше своих лет. Они обладают смекалкой для того, чтобы добывать средства для жизнеобеспечения из натурального сырья без лишнего вмешательства в природу, но в них нет лоска, присущего женщинам, возвращённым благами цивилизации. Сеяви каким-то образом выжала из своего круга ежедневных занятий ихор¹, получив духовную силу, благодаря которой её узловатые пальцы дольше обычного сохраняли ловкость, но и этот период подошёл к концу. По всем подсчётам, ей было около шестидесяти, когда пришла и её пора просто сидеть на солнышке у хижины, не имея сил ни на что, кроме созерцания. Со временем ей пришлось поплатиться за жизнь среди чада и дыма – она ослепла. Это то, чего так долго ждут пайюты, и когда это происходит, они не находят это ни горьким, ни сладким, а лишь приемлемым, потому что это обычное для них дело. В кампуди были ещё три слепые женщины, увядшие фрукты на ветке, но у них сохранялись память и возможность общаться. К полудню внутри хижин не оставалось никого, кроме таких как она, да ещё какой-нибудь матери, у которой только что отняли дитя от груди: их обязанностью было сохранять тепло в очагах. Если было холодно, они кутались в покрывала в хижине, если тепло – следовали за тенью вокруг их жилища. Они побаивались отходить далеко от своих мест, потому что на помощь подруг рассчитывать не стоило; зато они перекрикивались старыми, трескучими голосами, делись сплетнями и напоминая друг другу о насущных делах.

После этого, когда выдавался свободный час, они готовы были выслушать тебя или рассказать свои истории из жизни, которые не встретишь в книгах: сказки, рассказы о голоде, любви, тяжёлой доле и страстных желаниях, и всё это без налёта причитания. Время от времени одна из слепых

¹ Ichor – (греч. миф.) нетленная прозрачная кровь богов, отличная от крови смертных. (Прим. пер.).

хранительниц лагеря подбиралась туда, где вы беседовали, наощупь прокладывая себе дорогу между куч кухонного мусора, идя на ваши голоса, которые далеко разносились звонким эхом окружающих холмов. Но если ты видишь, что Сеяви решила укутаться в свое покрывало, в этот день на рассказы можно не рассчитывать.

В кампуди невозможно уединиться как-то иначе. Вся активная жизнь проходит на открытом воздухе или за тонкими плетёными стенками хижины, и единственное дозволенное проявление эмоций – это смех. С малолетства индеец учится сохранять бесстрастное выражение лица, пряча чувства за покрывалом. Что-то, во что можно было бы завернуться, также необходимо пайюту, как вам ваша комната для молитвы.

И вот Сеяви, когда-то плетущая корзины, сидит у погасших очагов своих соплеменников, укутавшись в своё покрывало, и размышляет над своей жизнью, подпитывая свой дух в моменты малодушия. На самом деле, зная столько же о таких вещах, сколько и вы, с вашими более смелыми надеждами, она всё же полна уверенности, что ей, мужественно прошедшей свой путь до конца, судьба не уготовила перерождение в койота.

/Из книги М. Остин. “The Land of the Little Rain”. Houghton Mifflin, 1903./

Перевод с английского Елены Гладких

ДАРЬЯ МУРОМСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОПИСАНИЙ ГОРОДСКОГО ПЕЙЗАЖА

(на примере романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной печали»)

Как известно, основной функцией художественного текста является эстетическое воздействие на читателя, поскольку автор изображает окружающую действительность и передаёт эмоциональные переживания с помощью разнообразных художественных приёмов. В этой связи задачей художественного перевода становится точная передача исходного содержания и своеобразия художественных форм. Одним из содержательных и композиционных компонентов художественного произведения может стать пейзаж, играющий в таком случае не только художественно-эстетическую роль, приобретающую значимость при передаче эмоций и чувств автора или героя, но и представляющий собой важный фрагмент изображаемой автором национальной и социальной действительности.

Для рассмотрения трудностей перевода пейзажного описания был выбран роман популярной современной китайской писательницы Ван Аньи «Песнь о бесконечной печали» (кит.: 长恨歌). Творчество Ван Аньи (王安忆) популярно как в Китае, так и за рубежом. Ей принадлежит около тридцати романов, более пятидесяти рассказов, более тридцати сборников бессюжетной прозы, а также сценарии к фильмам и драматическим постановкам. Китайский исследователь современной литературы, профессор Фуданьского университета Чэнь Сыхэ в одной из своих статей указывает, что «Ван Аньи – одна из наиболее выдающихся фигур на литературной арене Китая конца XX века»¹. Многие отечественные филологи проявляют особый интерес к творчеству Ван Аньи (Д. В. Львов, М. В. Семенюк, Ю. А. Куприянова и др.), рассматривая в своих исследованиях вопросы, связанные с тематикой творчества данной писательницы, особенностями образно-символического содержания её произведений, место Шанхая в её творчестве и т. д.

В рассматриваемом нами романе «Песнь о бесконечной печали» писательница сосредоточивает внимание на образе жизни молодых китайок

¹ 陈思和. 中国现当代文学名篇十五讲. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. С. 377. Чэнь Сыхэ, Пятнадцать лекций об известных произведениях новой и новейшей литературы Китая. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003 г., с. 377.

середины XX века. Главная героиня Ван Цяо становится собирательным образом жительниц Шанхая того периода. Описывая жизненный путь героини, Ван Аньи отражает особенности быта горожан Шанхая 1940-х гг., даёт детальное описание окружающей действительности, а в особенности – городского пейзажа. Таким образом, воссоздание жизни и истории города Шанхая в мельчайших подробностях, для описания которых автор мастерски использует различные средства выразительности и образности, становится частью художественного мира произведений Ван Аньи. При переводе таких описаний важно понимать содержательную сущность использованных автором в описании пейзажа языковых средств, художественных приёмов и аллегорических форм. Для преодоления трудностей такого порядка важно изучить те особенности пейзажных описаний, которые формируют авторский стиль, и передают эмоциональные переживания автора.

Роман Ван Аньи «Песнь о бесконечной печали» является образцом такого литературного течения в современной китайской литературе, как 寻根文学 (лит.: литература «поиска корней»). Представителей этого течения отличает стремление противопоставить свои произведения идеологическому дискурсу и национальные «корни», идентичность китайского народа в целом. Национальная идентичность, заслуживающая воспевания, проявляется в произведении Ван Аньи посредством тематического наслоения. С одной стороны, в романе Ван Аньи изображает китайскую женщину как уникальную сущность, обладающую богатым внутренним миром, особым мировосприятием, в результате такого понимания женственность обретает эстетическое значение и становится одной из форм бытия явлений в мире её прозы. С другой стороны, место развёртывания описываемых событий – Шанхай – становится в этом романе не только местом действия, но и полноправным героем повествования, воссоздающим историю города в мельчайших подробностях. Неудивительно, что большинство исследователей рассматривает творчество Ван Аньи в контексте такого художественного явления, как 海派文学 (досл.: «шанхайская литература»).

Что касается художественных образов, сопряжённых с описанием городского пейзажа в романе Ван Аньи, их характерной особенностью является высокая степень художественной детализации. Писательница признаётся в том, что ей в работе необходимо обилие и даже избытие деталей: «Я не могу абсолютно ничего отбросить, ведь всё, на самом деле, может мне пригодиться»¹. Подобное свойство прозы Ван Аньи наиболее ярко проявляется в изображении художественных деталей следующего характера.

Во-первых, бытовые реалии, описывающие предметы обихода – еду, одежду, интерьер – воспроизводятся в мельчайших подробностях, напри-

¹王德威, 海派文学又见传人/当代小说二十家. – 北京, 2006年. С.25; Ван Дэвэй. У традиций литературы «хайпай» появился продолжатель 20 писателей новейшей литературы. – Пекин, 2006 г., с. 25.

мер, в Шанхайской弄堂房子里。闺阁通常是做在偏厢房或是亭子间里，总是背阴的窗，拉着花窗帘 (пер.: «В комнатах шанхайского лунтана женские покои в большинстве случаев располагаются в боковых отдельных комнатах или в подлестничных каморках, всегда с затемнёнными окнами и закрытыми цветочными шторами»).

Во-вторых, в описаниях городских пейзажей упоминаются разные фрагменты растительного и животного мира, например, 鸽子是这城市的精灵... 许多无头案, 它们(鸽子)都是证人. (пер.: «Голуби – душа этого города... Они являются свидетелями неразгаданных бесчисленных тайн»). Или, другой пример, 拉开窗帘, 便可看见后排房子的前客堂里, 人家的先生和太太, 还有人家院子里的夹竹桃. (пер.: «Раздвинув шторы, можно увидеть гостиную заднего дома, в ней господина и госпожу, а также олеандр в их дворе»).

В-третьих, особый смысл в воссоздании городского пейзажа Ван Аньи приобретают цветочные фрагменты. Писательница использует традиционные для китайской культуры значения определённых цветов, часто в таких описаниях присутствует красный цвет, например, в сцене кинопроб, где Ван Цзяо изображает невесту, героиня словно очутилась «в безбрежном море красного цвета»¹.

Ещё одной образно-символической особенностью произведений Ван Аньи являются ссылки на традиционные мотивы. Заглавие романа «Песнь о бесконечной печали» совпадает с названием поэмы прославленного танского поэта Бо Цзюйи. И это представляется не случайным, поскольку даже эмоции и чувства бывают наделены автором определённой образностью, так тоска, воспеваемая романом, витающая в шанхайских переулках, эта тоска не есть тоска императора Тан Минхуана к Ян Гуйфэй... не величественная и трогательная, не оплакиваемая небом, а подлая скорбь.... Помещение названия знаменитой поэмы Бо Цзюйи в заголовок романа даёт ссылку на иную художественную реальность, альтернативную данной. В романе присутствуют сюжетные, образные и смысловые параллели, которые представляют текст Ван Аньи своеобразной интерпретацией, художественной реакцией на текст Бо Цзюйи.

Для описания пейзажа автор также активно использует уникальные для китайской художественной словесности фразеологические единицы – чэньюй, для передачи значений которых и достижения смысловой близости оригинала и перевода требуются не только адекватное и верное восприятие их значений, но и выбор оптимального художественного средства для трансляции всех компонентов их значений. Например, в предложении 这真却有着假的面目, 是在假里作真的, 虚里作实, 总有些改头换面, 声东击西似.

¹ Ван Аньи. В поисках Шанхая / Ван Аньи // Восток–Запад: историко-литературный альманах. – М.: Наука – Вост. лит., 2014. СС. 199–213.

(пер.: «Однако подлинное имеет ложную внешность, создание правды из лжи, факт из вымысла, они всегда меняют свой облик, словно вводят в заблуждение»), встречается нагромождение четырёхсложных идиоматических выражений. При переводе предложения, ввиду отсутствия равного в образном значении фразеологизма в русском языке, а также в связи с невозможностью дословного воспроизведения исходного значения ввиду несоответствия контекста предложения тематике военных действий, был утрачен образный компонент выражения 声东击西 (досл.: удары раздаются на востоке, а враг атакует на западе).

Также для описания Шанхая писательница использовала китайские афоризмы и исторические реалии. Перевод этих единиц в составе описания городского пейзажа также может представлять определенную трудность для переводчика. Перевод афоризмов редко даётся в китайско-русских словарях и поэтому переводчику нужно уметь пользоваться комментариями китайских словарей и уметь интерпретировать их. Для правильного перевода исторических реалий переводчик должен обладать достаточными фоновыми знаниями о той или иной исторической личности, событии, месте и т. д., чтобы точно воспроизвести всю филигранность мысли автора в описании пейзажа.

Например, в предложении 这苦衷不是唐明皇对杨贵妃的那种, 也不是楚霸王对虞姬的那种, 可歌可泣, 悲天也是粗鄙的哀意, 不是唐诗宋词式的, 而是街头切口的. (пер.: «Это – не та тоска, которую испытывал император Тан Минхуан к Ян Гуйфэ, и не та тоска, которая охватила Чу Бавана к Юй Цзи, не величественная и не трогательная, не оплакиваемая небом, а подлая скорбь, которую нельзя описать танскими стихами и сунскими строфами, которую можно выразить лишь словами с улицы»). Использованные здесь имена воспроизводят глубину описанных чувств на основе сравнения с чувствами героев древности, во-первых, известной в Китае истории любви между императором династии Тан – Тан Минхуаном и его наложницей Ян Гуйфэй – знаменитой китайской красавицей, закончившейся печально, так как императорский двор вынудил Тан Минхуана казнить свою возлюбленную; во-вторых, романтической истории между Чу Баваном (известен также как Сян Юй), известным генералом царства Чу и Юй Цзи – возлюбленной генерала Сян Юя. Это также трагическая история любви, поскольку следовавшая за армией своего мужа Юй Цзи ради него покончила жизнь самоубийством его же мечом.

Закономерной художественной особенностью слога Ван Аньи, в некоторой степени возвращающего читателей к осознанию национальной идентичности и «возвращению к корням», можно считать использование афоризмов, например, в предложении 它还有无穷的活力, 怎么扼它不死, 野火烧不尽, 春风吹又生. (пер.: «Они полны неисчерпаемых жизненных сил, их не удастся уничтожить, ведь огонь не может полностью сжечь траву,

весенние ветры снова дают ей жизнь»). Афоризм воспроизведен из произведения танского поэта Бо Цзюйи.

Описание пейзажа является литературной формой, характеризующейся более сложным и в синтаксическом отношении нарративным описанием, и в этом случае особую значимость приобретают средства грамматического порядка, способные тем или иным образом воздействовать на чувства и восприятие читателей. Область грамматических явлений языка, и особенно стилистического синтаксиса, привлекает особое внимание при переводе и вызывает некоторые сложности.

Таким образом, особенности описания городского пейзажа в художественном произведении китайской писательницы Ван Аньи становятся стилистическими особенностями перевода, поскольку наряду с поиском способа передачи значений лексических и грамматических единиц значимость приобретает особый стиль автора и свойственные только его описанию пейзажа черты.

Литература:

1. Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. 2012. № 2. – СС. 47–52. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17693437_11243874.pdf.
Ван Аньи. В поисках Шанхая / Ван Аньи // Восток – Запад: историко-литературный альманах. – М.: Наука – Восточная литература, – 2014. – 238 с.
2. 陈思和.中国现当代文学名篇十五讲. 北京: 北京大学出版社, 2003 年, 439 页. Чэнь Сыхэ. Пятнадцать лекций об известных произведениях новой и новейшей литературы Китая. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003 г. – 439 с.
3. 王安忆, 长恨歌, 南海出版公司, 2003 年, 350 页. Ван Аньи. Песнь о бесконечной печали. Издательская компания «Наньхай». – 2003 г. – 350 с.
4. 王德威, 海派文学又见传人/当代小说二十家. – 北京, 2006 年. 424 页
Ван Дэвэй. У традиций литературы «хайпай» появился продолжатель 20 писателей новейшей литературы. – Пекин, 2006 г. – 424 с.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: АЭРОКОСМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос терминологии в современной лингвистике становится одним из наиболее актуальных направлений, так как, начиная с середины прошлого века, в мире происходит бурный рост научно-технологических знаний. Терминоведение – это подраздел лексикологии, наука, которая изучает совокупность терминов, их грамматическую организацию и законы функционирования¹. Терминами могут стать практически любые единицы языка, перешедшие в узкоспециальную область и послужившие для обозначения конкретных понятий этой области. Изначально термины принадлежат к специальной сфере, однако в современном китайском языке специальная лексика получила своё распространение в широких кругах, она может функционировать не только в собственно научной литературе, но и имеет право на существование как факт публицистики. Одной из сфер современной науки, находящей широкое освещение в сфере масс-медиа является космонавтика. Аэрокосмическая отрасль науки и техники сегодня особенно интенсивно развивается. Китайские СМИ изобилуют публикациями, освещающими достижения Китая в этой области.

Как известно, публицистика – это род произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о различных её сторонах, оценки с точки зрения социального идеала автора, а также представления о путях и способах достижения выдвинутых целей.² Развитие системы СМИ, бурное развитие интернета и вне редакционного журнализма (фриланса), глобализационные процессы: сближение разных цивилизационных парадигм – западной и восточной, международный научный обмен и другие факторы вызывают необходимость уточнения терминологии и создают трудности при переводе. Верный перевод терминов как ключевых единиц текста является необходимым условием точности перевода всего текста, поэтому исследование словообразовательных моделей терминов так важно.

Термины могут быть образованы как на основе национального языкового фонда, так и с помощью заимствования из других языков. Новая лексика на базе родного языка появляется при помощи словообразования – образования новых слов путём соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ данного языка в разных комбинациях по

¹ Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 104 с.

² Свитич, Л. Г. Феномен журнализма / Л. Г. Свитич; под ред. проф. Я. Н. Засурского. – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2000.

определённым моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и т. п.¹

В каждом языке, в зависимости от типа, преобладают те или иные способы словообразования. Так, для китайского как языка изолирующего типа, то есть языка, в котором каждая морфема является как звуковой, так и смысловой единицей, характерны такие способы терминообразования, как словосложение – соединение двух или более слов (основ) в единый комплекс, аффиксация – присоединение к основе специальной морфемы, и морфемная контракция – процесс выпадения из многоморфемного слова или словосочетаний значимых компонентов. Способы словообразования терминов современного китайского языка реализуются в различных словообразовательных типах и моделях.

Словосложение включает в себя атрибутивный, копулятивный, глагольно-объектный, субъектно-предикативный и глагольно-результативный типы связи.² При атрибутивном типе первый компонент определяет второй, между ними видо-родовые отношения: 星 xīng звезда + 系 xì ряд 星系 xīngxì → галактика (досл. *ряд звезд*); 火 huǒ огонь + 箭 jiàn стрела → 火箭 huǒjiàn ракета (досл.: *огненная стрела*); 翼 yì крыло + 梢 shāo конец → 翼梢 yìshāo законцовка; 空 kōng пустой + 域 yù территория → 空域 kōngyù воздушное пространство и др. При копулятивном типе образования терминов компоненты равноправны, могут соединяться как синонимичные, так и антонимичные компоненты, например: 宇 yǔ пространство + 宙 zhòu → 宇宙 yǔzhòu космос, бесконечность; 发 fā испускать + 射 shè лететь стрелой → 发射 fāshè запуск и др.

При глагольно-объектном типе связи компоненты формально восстанавливают признаки отдельных слов, соединяя глагол и существительное: 着陆 zhuólù посадка → 着 zhuó касаться + 陆 lù суша; 失重 shīzhòng невесомость → 失 shī терять + 重 zhòng вес; 迷航 míháng потеря ориентировки → 迷 mí терять дорогу + 航 háng навигация; 航天 hángtiān космонавтика → 航 háng плыть + 天 tiān небо и т.д. В субъектно-предикативном типе первый компонент субстантивный, а второй – вербальный или адъективный, например, 日缠 rìchán эклиптика → 日 rì солнце + 缠 chán опоясывать; 日食 rìshí солнечное затмение → 日 rì солнце + 食 shí есть. Также компоненты могут соединяться по глагольно-результативному типу. Соединяются два вербальных компонента или вербальный и адъективный. Например, 起飞 qǐfēi взлетать → 起 qǐ подниматься + 飞 fēi лететь; 下滑 xiàhuá планировать → 下 xià спускаться + 滑 huá скользить.

¹ Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская Энциклопедия, 1968. – 607 с.

² Семенов, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенов, 2-е изд., стер. – Москва: Восток-Запад, 2005. – 310 с.

Аффиксация – результат сложения корня и аффикса. Аффиксы в китайском языке делятся на префиксы, суффиксы и полусуффиксы. Терминов, образованных при помощи аффиксов, в аэрокосмической терминологии не так много. Например, 光子 guāngzǐ фотон, 航天学家 hángtiān xuéjiā – специалист по астронавтике. Большая часть терминов образуется при помощи полусуффиксов – полнозначных морфем, достаточно регулярно выступающих в качестве суффиксов, для аэрокосмической тематики наиболее производными оказываются следующие полусуффиксы: 机 jī, 表 biǎo, 计 jì, 器 qì и др. Суффиксы 器 qì (инструмент, аппарат) и 机 jī (механизм, машина, аппарат) участвуют в образовании многосложных слов – названий аэрокосмических механизмов и приборов, некоторые из которых уже стали общеупотребительными единицами, например: 变感器 biàngǎnqì вариометр; 火箭发射器 huǒjiàn fāshèqì ракетная пусковая установка; 航空器 hángkōngqì летательный аппарат; 航空杀伤武器 hángkōng shāshāng wǔqì авиационное средство поражения, 双翼机 shuāngyìjī биплан; 客机 kèjī пассажирский самолёт; 旋翼机 xuányìjī гироплан; 歼击机 jiānjījī истребитель.

Указывающий на профессиональную принадлежность суффикс 员 yuán (служащий, работник), участвует в образовании профессий, связанных с аэрокосмической сферой, например, 航空管制员 hángkōng guǎnzhìyuán авиадиспетчер; 乘务员 chéngwùyuán бортпроводник; 宇航员 yǔhángyuán космонавт; 航空机械员 hángkōng jīxièyuán авиамеханик и др. Интенсивность словообразования полусуффикса 表 biǎo (показатель, форма) связана с популярностью в данной области разного рода измерительных приборов, например, 风速表 fēngsùbiǎo – анемометр; 气压表 qìyābiǎo барометр; 高度表 gāodùbiǎo высотомер и т. д.

В современном китайском языке большое количество новых слов образуется путём присоединения морфем друг к другу. Таким образом, появляется тенденция к многосложности, однако это усложняет речь. Морфемная контракция служит для того, чтобы заменить существующие длинные слова с целью ускорения речи. А. А. Хаматова рассматривает четыре вида морфемной контракции¹. Указанные способы находят отражение и в аэрокосмической терминологии, причем наиболее эффективным оказались приёмы сжатия и опущения. Сжатие – это вид морфемной контракции, при котором одна или несколько морфем разных слов образуют единое сложносокращённое слово, например, слово «управляемая ракета ближнего действия» 短导 duǎndǎo образовано путем сжатия четырёхсложного сочетания 短程导弹 duǎnchéng dǎodàn; Международная организация гражданской

¹ Хаматова, А. А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3. СС. 14–20. Текст: электронный.

авиации 民航组织 mínháng zǔzhī (от 国际民用航空组织 guójì mínyòng hángkōng zǔzhī и т. д. Опускание представляет собой способ морфемной контракции, при котором часть словосочетания опускается, например, опущение двух первых морфем лексической единицы 高空气球 gāokōng qìqiú привело к появлению двусложного слова 气球 qìqiú – аэростат, а образование слова 飞碟 fēidié произошло на основе сокращения с замещением словосочетания 不明飞行物 bùmíng fēixíng wù – НЛО, летающая тарелка и т. д.

Развитие терминологических систем в современных языках часто происходит на основе тесного взаимодействия разных стран в той или иной области, поэтому иностранные заимствования часто являются неотъемлемой частью терминологии. Среди терминов-заимствований в аэрокосмической сфере можно назвать фонетические, семантические и гибридные заимствования. Фонетические заимствования – это передача звучания иноязычного элемента в соответствии с законами принимающего языка. Фонетические заимствования в аэрокосмической терминологии, главным образом, представлены латинизированными названиями 伽马 gāmǎ – гамма, 阿尔法 ā'ěrfǎ – альфа и др. Семантические заимствования (калькирование) – это способ, при котором заимствуются значение и структурная модель слова или словосочетания и образуются так называемые кальки – заимствования в виде буквального перевода иностранного слова или выражения. Например, космический корабль – 飞船 fēichuán летать + лодка; искусственный спутник – 人造卫星 rénzào wèixīng человек + построить + спутник; командно-диспетчерский пункт 控制塔 kòngzhì tā контролировать + управлять + вышка; пилотируемый космический корабль – 载人飞船 zàirénfēichuán перевозить + человек + космический корабль; пояс астероидов – 小行星带 xiǎoxíng xīngdài астероиды + пояс; карликовая звезда – 矮星 ǎixīng низкий + звезда; чёрная дыра – 黑洞 hēidòng чёрный + дыра; воздушная яма – 气潭 qìtán воздух + бездна и др.

В аэрокосмической терминологии также распространены полусемантические, полуфонетические заимствования, при которых часть термина переводится на китайский язык при помощи имеющихся в нём лексем, а другая часть термина передаёт звучание, схожее со звучанием в языке оригинала. Такие образования чаще всего являются именами собственными, например, 奥尔特云 ào'ěrtè yún – облако Оорта; 柯伊伯带 kēyībó dài – пояс Койпера; 哈勃定律 hābó dìnglǜ – закон Хаббла; 罗素的茶壶 luósù de chá hú – чайник Рассела; 康普顿散射 kāngpǔdùn sǎnshè – эффект Комптона; 麦哲伦云 mài zhélún yún – Магеллановы Облака; 马赫数 mǎhèshù – число Маха и т. д.

В аэрокосмической терминологии находит отражение и характерная для современного этапа развития китайского языка тенденция использования достаточно большого количества гибридных заимствований, содержа-

щих элементы двух языков (английского и китайского), например, UVB 系统 xìtǒng – фотометрическая система UVB (Ultraviolet Blue Visual); LSB 星系 xīngxì – галактика низкой поверхностной яркости (Low Surface Brightness) и др,

В ходе проведённого исследования основных способов словообразования аэрокосмической лексики китайского языка на материале публикаций в прессе, стало очевидным, что аэрокосмические термины образуются как из исконно китайских слов, так и с помощью заимствования. Лексическая система, сложившаяся в ходе развития аэрокосмической сферы на современном этапе демонстрирует разнообразные способы образования терминов, при этом главным отличием формирования терминосистемы является возможная тенденция перехода от двусложной нормы языка к многосложной, а также расширение потенциала заимствования иноязычных элементов, основанное на интенсификации глобализационных процессов.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская Энциклопедия, 1968. – 607 с.
2. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 104 с.
3. Свитич, Л. Г. Феномен журнализма / Л. Г. Свитич; под ред. проф. Я. Н. Засурского. – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2000.
4. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас, 2-е изд., стер. – Москва: Восток–Запад, 2005. – 310 с.
5. Хаматова, А. А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3. – СС. 14–20. Текст: электронный.
6. 中国太空网. [Электронный ресурс] <http://www.taikongmedia.com/>

ИРИНА КОВАЛЁВА

ТОННЕЛЬ ПОД АЛЬПАМИ

Два мира – две судьбы: Мэри Хобсон и Марина Литвинова

В прошлом году секция художественного перевода Союза переводчиков России понесла невосполнимые утраты – сначала на 95-м году ушла из жизни блистательная переводчица Пушкина и Грибоедова Мэри Хобсон, а вслед за ней на 92-м году не стало профессора Лингвистического университета имени Мориса Тореза, действительного члена британского королевского общества Фрэнсиса Бэкона Марины Дмитриевны Литвиновой, стоявшей у истоков основания как самого СПР, так и нашей секции художественного перевода. Мне выпало счастье на протяжении многих лет дружить с ними обеими, организовывать выступления, популяризировать в стихах и прозе результаты исследований Марины Дмитриевны о проблеме авторства произведений Шекспира, переводить поэзию Мэри на русский и удостоиться чести быть переведённой ею на английский язык. А какие они были собеседницы – заслушаешься! Я много раз брала интервью у каждой по отдельности и у обеих сразу. Обсуждали самые разные, порой неожиданные темы. Например, о том, что Великобритания – остров, и это обстоятельство влияет на психологию населения и английскую литературу точно так же, как и российские просторы на широту русской души и произведения Пушкина и Грибоедова. Никак не могли наговориться, беседы затягивались за полночь...

М. Х.: – Никогда не задумывалась об особенностях островного сознания, но вот мы коснулись этой темы, и я поняла, что они существуют. Чувство изоляции как основа мировоззрения. Когда строили тоннель под Ла-Маншем, я переживала: «Мы же не остров теперь! Для нас это огромная потеря!» Мне не нравится путешествовать в Европу в автомобиле или поезде. Люблю плавать – я же островитянка!

И. К.: – Острова обычно благоустраивают, содержат в порядке – с них ведь не сбежишь!

М. Л.: – Мы такие разгильдяи, потому что страна огромная. Англичане не понимают, что нельзя превращать остров в свалку! Отсюда и знаменитые

газоны, и отсутствие мусора на улицах. Мэри показывала мне завод, перерабатывающий его в электроэнергию.

И. К.: – Островитяне вынуждены объединяться, чтобы выжить, поэтому у британцев и тех же японцев остро развито чувство локтя, а к чужакам они относятся настороженно, стать своим иностранцу здесь непросто.

М. Х.: – Как и японцы, мы герметичные люди. Не любим учить языки – считаем, что это иностранцы должны говорить по-английски. Приезжим среди нас трудно, особенно мужчинам. Женщины адаптируются быстрее, потому что выходят замуж, попадают в семью. Возможно, мы просто не слишком гостеприимны...

М. Л.: – Это правда! Найти кров в Америке мне было намного проще, чем в Англии. Знакомая позвонила приятельнице в Вашингтон и сказала: у тебя есть свободная комната – можно Марина там поживет? Та ответила: «Буду рада!». А когда Мэри не оказалось в Лондоне, у меня возникли большие проблемы с поиском жилья, и за него просили 70 фунтов. И как это было! В Америке меня всегда встречали в аэропорту с табличкой «Marina Litvinova». Прилетаю в Лондон – никого нет! У меня 100 долларов и больше ни цента. (Шекспироведение в России не финансируется, а первоисточники – в Британской библиотеке.) Куда ехать – не знаю. Меняю деньги. И вот тут начинается совсем другая история про англичан. Хорошая. Звоню Мэри: меня не встретили, что делать? Она говорит: бери такси и поезжай по такому-то адресу. Предупреждаю водителя: у меня есть вот такая сумма – везите, на сколько денег хватит, а дальше я как-нибудь пешком доберусь. Он спрашивает: «Вы из России? Зачем приехали?» «Изучать Шекспира!» «Это же мой любимый писатель!» Рассказываю, что под его маской скрывался творческий тандем – Фрэнсис Бэкон и его ученик Роджер Мэннерс – пятый граф Ратленд. Он ахает. А я смотрю на счетчик – деньги заканчиваются! Таксист: «Не волнуйтесь, я вас и так довезу!» Ехала я в Лондон, а попала в Россию. Встретила меня русская женщина – Татиша, окружила заботой. А было ей 80 лет. Мэри училась у неё языку.

И. К.: – Откуда такое имя?

М. Л.: – От Татьяны. В 1920-х, когда ей было около четырёх, семья эмигрировала из Петербурга в Париж. Французские знакомые сократили имя до Тати, а родные стали звать Татишей. Мы с ней чудно прожили вдвоем, я как на службу ходила в Британскую библиотеку, а потом собралась домой. Сложила в ручную кладь ксерокопии рукописей и первых изданий Шекспира. Получилось 15 кг! Сотрудник аэропорта предложил сдать пакет в багаж. Я отказалась: если ксерокопии пропадут, значит, я зря приезжала. Лучше самой погибнуть, чем потерять материалы о Шекспире! Он приподнял пакет, оценил вес и махнул рукой: проходите! И так посмотрел на меня, как они обычно смотрят на своих чудаковатых англичан. Для неё, видите ли, Шекспир дороже жизни!

И. К.: – «Включили» мисс Марпл?

М. Х.: – Я тоже пользуюсь её приемами, когда провожу через таможню чемоданы с книгами. Дома меня зовут её именем! Прикидываюсь рассеянной и немощной, чтобы не придрались к лишнему грузу. С 80 лет у нас уже не выдают страховку туристам. Считается, что старикам нужно сидеть дома. А я дважды в год на протяжении многих лет курсирую из Лондона в Москву, попутно срываюсь в Иркутск – друзей навестить.

И. К.: – Это очень по-японски. Там люди старшего возраста много путешествуют. Кстати, мисс Марпл – их любимый персонаж. Были в Японии?

М. Х.: – Нет, но в Лондоне теперь много примет японской жизни. Суши-бары и якитории на каждом углу. Я, правда, не пробовала эту пищу. Англичане очень консервативны – во всяком случае старшее поколение. А молодежь японскую еду воспринимает как родную. Зато я люблю зелёный чай. Он очень бодрит, проясняет голову, укрепляет память.

М. Л.: – Мой племянник выиграл грант на учебу в Токио, заняв 2-е место в студенческом конкурсе. Вернувшись, заявил, что возьмёт замуж только японку: это лучшие жёны в мире! Распределился в МИД, а потом уволился и уехал в страну своей мечты, женился там и очень счастлив. Недавно читала у Мураками притчу об островном сознании. Мы ведь, русские, все очень открытые, социальные, контактные, не скрываем свои чувства и проблемы, запросто ходим в гости. А герой Мураками страдает от одиночества. В Японии человек изолирован ото всех – он сам по себе со своими переживаниями. Не делится ими с окружающими, чтобы не потерять лицо. Вроде и друг у него есть, но всё равно он находится в какой-то капсуле. Как будто человек – сам по себе остров! Всё это очень хорошо описано, и перевод замечательный! Тут вот ещё что нужно отметить: сам японский язык и его синтаксис не влияют на русский так, как английский, поэтому переводчик не пытается перенести на нашу почву иностранные конструкции, а просто излагает текст по-русски. Книга Мураками понравилась и историческими реалиями, которых мне не хватает в нашей современной литературе.

И. К.: – На островах резко меняется погода, чаще случаются стихийные бедствия. Японцев учат, как вести себя в таких случаях. У них всё чётко. Пока не объявили лето, ходят в тёплой одежде и в море не купаются...

М. Л.: – Когда я в первый раз приехала в Англию (дело было в марте), стояла замечательная погода. Я думала, что здесь так всегда. А во второй приезд заработала артрит. Вокруг океан, и за день всё может несколько раз измениться. Только что солнце светило, и вдруг набежали облака, полил дождь. Прошло четверть часа – ветер унёс тучи, опять небо чистое.

Проходить инструктаж на случай наводнений не довелось, но на пожарные учения в Британской библиотеке попала. За одеждой в гардероб идти нельзя – экстренная эвакуация! Мне дали плащ – совсем тоненький, серебристый такой и вывели на улицу. А там дождь, холод... Вместе с другими читателями простояла 1,5 часа на ветру, промёрзла до костей. Уйти невозможно – без верхней одежды, без денег, без личных вещей.

Сумки сдают при входе, а взамен вручают прозрачный пакет для блокнота, карандашей и ластика. В зал редких книг даже ручку брать нельзя! Поначалу я не умела пользоваться компьютером, копировала всё от руки и заработала писчий спазм. А тут книгу надо выписывать, самой искать её через библиотечную сеть! Служащий, который мне помогал, порекомендовал посещать специальные курсы цифровой грамотности. Нам, неучам, каждое утро по часу бесплатно прививали навыки пользования компьютером.

Если бы меня спросили, где я хочу жить, сказала бы: в Лондоне, возле библиотеки. Там кругом места, связанные с Фрэнсисом Бэконом. Мэри вручила мне связку ключей от своей квартиры. Говорит: вдруг ты приедешь, а меня не будет дома...

У англичан, кстати, с суставами всё в порядке. А что я заболела... Видимо, это такой местный способ борьбы с иностранцами!

М. Х.: – В Англии другая беда – лишний вес. Даже у детей! Они едят чипсы, пицца в школах плохая.

И. К.: – Но вы такая хрупкая! Как сохраняете форму?

М. Х.: – Режим и диета. В 5 часов уже сна ни в одном глазу, а просто так лежать скучно. Жду ещё час и говорю себе: пора. Пью в постели чёрный чай с ломтиками зелёного яблока (режу горкой и кладу на поднос рядом с чайником, чтобы брать не глядя) и читаю Еврипида.

А в 8 часов завтрак, тоже в постели. Заливаю отруби обезжиренным молоком, к нему – чёрный хлеб, сливочное масло, апельсиновый джем или мёд, чёрный кофе и сок из клюквы и апельсинов. Ем много овощей и фруктов, но мало мяса и рыбы.

В 14 часов – обед. Съедаю овощной суп и миску салата без хлеба – помидоры, огурцы, болгарский перец с оливковым маслом и лимонным соком.

На полдник – чай с пряником. Ужин совсем лёгкий, но обязательно с рюмочкой красного вина – для сосудов полезно.

И. К.: – Как отдыхаете?

М. Х.: – Хожу в бассейн 2 раза в неделю, проплываю четверть мили за 20 минут, а потом дома сплю около часа. Вторую половину дня посвящаю детям и внукам, их у меня четверо.

И. К.: – Откуда черпаете силы?

М. Х.: – Меня поддерживают великие книги. Восхищаюсь Марком Аврелием, его размышлениями о том, как человек должен жить.

И. К.: – Говорите о нём как о знакомом...

М. Х.: – А он и есть мой близкий друг. Я с ним спорю на полях. В начале 1990-х, когда рубль обесценился, я со своими фунтами впервые в жизни почувствовала себя богачкой. Купила 200 книг! Для меня это самое дорогое – моя жизнь, моё лекарство. Полные собрания Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова, Щедрина, академическое издание Пушкина в 6 томах 1936-го года.

И. К.: – Как все это везли?

М. Х.: – Со мной в Лондон летела группа из 25 школьников изучать английский. Каждый взял по 3 книги, остальные отправила почтой. Очень боялась, что одна из посылок не дойдёт, и собрания будут неполными. Но не пропало ни одного тома! Литература для меня – как воздух. Стараюсь начитаться, всё успеть в этой жизни, поскольку не верю, что будет другая – после смерти. Обидно слышать, когда говорят, что для вас, атеистов, жизнь лишена всякого смысла. Неправда, она очень важна. Это единственный шанс, и его надо использовать до последней секунды!

И. К.: – Откуда интерес к русскому языку?

М. Х.: – После операции на стопе недели две лежала в больнице. Мне было 56 лет. Дочь Сара принесла «Войну и мир» со словами: «Когда ты ещё выкроишь время для Толстого!» Дойдя до конца, я поняла, что на самом деле эту книгу ещё не читала! Ведь она написана по-русски, перевод – это совсем другое. И я стала брать уроки у Татиши. 2 года осваивала Толстого по строчке со словарём. Запас лексики XIX века очень пригодился в дальнейшем. Мне очень повезло: я открыла для себя Пушкина в зрелом возрасте. Татиша дала мне прочесть отрывок из «Медного всадника»: «Люблю тебя, Петра творенье...» Я горожанка, картины природы не настолько близки моему сердцу, а эти чеканные строки просто пронзили! (Как ни расхваливали мне Тютчева, но ведь совсем не то. Природа, облака, весна, осень. А где же люди?)

В 1999 году в Великобритании вышло 15-томное издание сочинений Пушкина, я над ним работала в числе других переводчиков. Над «Графом Нулиным», в частности. А ещё перевела – слог в слог, ударение в ударение! – «Сказку о попе и его работнике Балде». Это одно из любимейших произведений! Там такой юмор своеобразный, очень близкий англичанке, которая так много читала по-русски. Потом взялась за «Евгения Онегина», и он заглохнул собой всё. 20 октября 2015 года поставила точку в переводе последней главы. Этот день я не забуду никогда! Будто осиротела. Работа над романом много лет была смыслом моей жизни, ради неё я отложила в сторону письма Грибоедова и Марка Аврелия. Специально учила древнегреческий, чтобы переводить Еврипида, но потом поняла, что в моём возрасте нельзя так разбрасываться, нужно сосредоточиться на главном.

Мне кажется, что именно в «Онегине» полнее всего выразилась русская душа. А как её, душу, переведёшь? Она ускользает от переводчика, и прелесть романа теряется. В этом главная проблема с «Онегиным» в Англии. Британцы читают и плечами пожимают: ну и что тут такого великого? Интересно, что это касается не только поэзии, но и прозы Пушкина. Кто-то из французских писателей, то ли Флобер, то ли Мопассан, прочитав «Капитанскую дочку», выразил недоумение по поводу её литературных достоинств. Мои знакомые, читавшие эту книгу в чьём-то переводе, тоже сочли её скучной и примитивной. Очарование пушкинского текста переводу не

поддается. Я всё размышляла: в чём тут дело? Очевидно, что слова у Пушкина какие-то особенные, есть стилистические нюансы, которые трудно передать, и внутренний ритм, рождающий ощущение волшебства, который нужно почувствовать... В изысканной простоте пушкинской прозы есть нечто чарующее. Вопрос в том, как сохранить это волшебство.

И. К.: – Кого было переводить сложнее – Пушкина или Грибоедова?

М. Х.: – В «Горе от ума» я пыталась решать формальные задачи, например, сохранять мужскую и женскую рифму. Специфика английского языка такова, что сделать это невероятно трудно. А когда концентрируешься на одной цели – приходится жертвовать чем-то другим. В «Онегине» пришлось отказаться от этого подхода: важнее было передать атмосферу романа, аромат эпохи, выбрать правильный язык – не слишком современный, но в то же время понятный и близкий английскому читателю. Да и историко-культурный контекст нужно было приблизить, не говоря уже о смысле. Смысловых трудностей здесь не меньше, чем в «Горе от ума». Вы, например, знаете, что строчку «В окно смотрел, да мух давил» нельзя понимать буквально? Это значит – пил от скуки...

И. К.: – Работа над «Онегиным» продвигалась трудно?

М. Х.: – Долго примерялась к нему, оценивала свои силы. Пыталась перевести то один кусок, то другой, чтобы решить: достойно ли это Пушкина? Стоит ли мне за это браться, потяну ли я? Работала над поэмой таким же методом, каким роют тоннель под Альпами, – с двух концов, чтобы потом соединить их. Начала с последних строчек: если не одолею их, какой смысл браться за всё остальное? Когда два участка тоннеля соединились, я позвонила Алисии Ябор – единственной поэтессе, с которой я знакома в Англии. В своё время она поощряла меня к работе над «Онегиным», а я советовалась с ней, зачитывала готовые отрывки. К моменту окончания перевода Алисия была уже очень плоха, у неё обнаружили запущенный рак, но на следующий день после моего звонка она прислала мне роскошные жёлтые розы в окружении белых гипсофил. Этот букет меня потряс! Казалось невероятным, что, умирая, она может думать о чём-то другом, кроме смерти, радоваться тому, что я перевела «Онегина»! Его публикация стала для меня огромным событием. Правда, когда сдавали рукопись в типографию, выяснилось, что нужно срочно перевести комментарии Пушкина к поэме – 74 строчки текста, в том числе и поэтического – большой отрывок из стихов Гнедича, куски из Вяземского, Муравьёва. А времени на это – всего полтора дня. Работала как сумасшедшая, давление было за двести, но уложилась в срок, рано утром отправила перевод издателю.

Интересно, что до знакомства с поэзией Пушкина к стихам относилась прохладно, сама их не писала. Все изменилось после гибели сына. Через год после его смерти ехала в поезде, и вдруг в голове родились строчки. Поэзия помогла преодолеть боль утраты. Это единственный способ выплеснуть всё, что у тебя внутри. Мэтью работал курьером, развозил заказы на мотоцикле.

На нём и попал в аварию. Он был замечательный! Поразительное лицо, приветливая и открытая душа, безотказный – помогал любому, кто оказался в беде. У него, как и у меня, была склонность к чёрному юмору. Вместе мы порой были ужасны!

И. К.: – В Англии принято получать второе образование в зрелом возрасте?

М. Х.: – Конечно! Моя дочь Сара в 43 года поступила в университет на отделение интерьера и дизайна. У нас есть программа помощи пенсионерам для продолжения образования, но такие великовозрастные студентки, какой была я (в 62 года поступила на 2-й курс отделения славистики Лондонского университета), – всё же исключение. Никогда не забуду первый день в университете. Сразу же поняла, что совершила огромную ошибку, что не смогу выдержать этот бешеный темп, усвоить столько знаний. Весь семестр только училась и спала. Клевала носом в транспорте и в гостях, но постепенно втянулась и почувствовала, что память намного улучшилась. А потом у меня появилась цель – начался мой роман с Грибоедовым.

Прекрасно помню этот день – у нас была лекция в пятницу. Профессор сказал, что «Горе от ума» – великолепная пьеса, но её невозможно перевести. Слов мало, и в них бездна смысла. Многие строчки вошли в поговорку. Русским понятно, а как донести суть до англичан? Как передать по-английски вот этот намек на Толстого-американца – «вернулся алеутом»? Или финал: «Карету мне, карету!» В английском на слово «карета» есть только 2 рифмы, и обе не в тему. После занятий пошла в библиотеку, взяла пьесу, читала и думала: ну может, как-нибудь всё же удастся перевести? Работала над ней урывками, а закончила только после защиты диплома и решила поступать в аспирантуру. За экзамены нужно было платить, и я целое лето подрабатывала тем, что брала интервью для разных изданий.

И. К.: – За перевод «Горя от ума» вас наградили Золотой медалью имени А. С. Пушкина и премией «Подвижник» фонда «Новое тысячелетие», а Ассоциация переводчиков и специальная комиссия Оксфордского университета признали вашу версию грибоедовской комедии лучшим англоязычным переводом этой пьесы. В чём заключалась его главная сложность?

М. Х.: – В самом названии. У русского слова «ум» десятки оттенков смысла, и встречается оно в комедии сотни раз, потому что несёт стержневую функцию. Это и разум, и интеллект, и сообразительность, и остроумие, и многое другое. В английском столь же ёмкого эквивалента нет. Приходится заменять ключевое слово десятком других в зависимости от контекста, и стержень комедии распадается! Сначала я перевела название так: «Too Clever for Comfort, or the Misfortunes of a Thinking Man» – «Слишком умный, чтобы жить спокойно, или терзания мыслящего человека». Вышло точно, но длинно, поэтому во второй редакции пришлось вернуться к выражению «Woe from Wit» – под ним комедия уже переводилась раньше, английский читатель успел к нему привыкнуть, но его нельзя считать адекватным.

Согласитесь, что «Горе от остроумия» – совсем не то же самое, что «Горе от ума»! Значение «остроумие» за словом «wit» закрепилось в сознании английских читателей в связи с творчеством Шеридана, Конгрива и Уайльда, которые вывели на сцену целую плеяду героев-остроумцев. В рамках этой литературной традиции под «людьми ума», «остроумцами» стали подразумевать тех, кто стремится выделиться и отличиться, кому претит практическая деятельность, кто одержим тщеславием, нетерпим к порицанию, жаждет до славы. Это франты и весельчаки, соревнующиеся в проделках, в игре утончённого интеллекта, в изобретении новомодных словечек, чтобы издеваться над тупицами. Отождествлять Чацкого с лондонским денди или уайльдовским остроумцем было бы неправильно, но именно такая ассоциация рождается у англичан, что, несомненно, обедняет характер главного героя.

И. К.: – Как вы оцениваете другие переводы комедии?

М. Х.: – Никак. Никогда не читаю чужие переводы. Не люблю, когда между мной и текстом стоит кто-то третий. Это очень мешает. Дойдя до середины «Горя от ума», узнала, что Энтони Бёрджесс сделал новый вариант пьесы по подстрочнику, и её поставили в театре Алмейда. Играли молодые актёры, Бёрджесс выдумал для них особый язык. Мне говорили, что получилось очень забавно, публике нравилось, но насколько всё это соответствовало замыслу Грибоедова – судить не берусь. Я посылала свой перевод «Горя от ума» в Лондонский национальный театр, получила ответ: «Это здорово, но не для нас». Зато такая постановка намечалась на радио. Какое-то время назад на CD вышла аудиокнига с «Онегиным» в моём переводе. Начитывает её пожилой актёр – ему около семидесяти. Мне подумалось, что он староват для этого, но, когда послушала его голос, поняла, что ошибалась. Звучит потрясающе!

И. К.: – Вы автор нескольких романов. Правда ли, что заняться прозой вам посоветовал врач?

М. Х.: – Это была своего рода психотерапия. Всем советую – если вам тяжело, посмотрите на ситуацию со стороны, перенесите её на бумагу. Я писала в год по роману. Первый – “This place is a madhouse” («Это место – сумасшедший дом») вышел в Лондоне в 1976 году, а за ним ещё два – “Oh, Lily” («О, Лили») и “Poor Tom” («Бедный Том»). Они были хорошо приняты критикой и читателями, а вот четвёртой книге не повезло – она осталась неопубликованной, потому что её действие происходит в доме престарелых. Издатель побоялся, что люди не захотят читать про стариков, хотя этот роман, как и другие, был написан с изрядной долей чёрного юмора. Поводом для депрессии в моём случае послужила болезнь мужа. Он был красивый и талантливый человек, театральный художник. А я с золотой медалью окончила Академию музыки в Лондоне, играла на скрипке и фортепиано. Мы были счастливы, строили планы, но в 25 лет у Нила возник абсцесс мозга.

Он остался инвалидом – правая рука парализована, не мог ходить, почти не говорил. Ухаживала за ним, как за ребёнком.

И. К.: – Дети родились потом?

М. Х.: – Да, четверо. Я решила: несмотря ни на что у нас будет полноценная семья. Сын Мэтью и дочери – близнецы Сара и Эмма, а также младшая – Люси очень поддержали меня в жизни, но было трудно. Болезнь наложила отпечаток на характер мужа. Мы прожили вместе 28 непростых лет, а потом я поняла: если буду рядом и дальше, просто умру. Я бы никогда не решилась на развод, если бы не сын. Мэтью остался с отцом, чтобы я могла прийти в себя. Вот тогда-то и начала писать романы. Ситуации брала прямо из жизни. Однажды воскликнула в сердцах: «Это просто сумасшедший дом какой-то!» – и эти слова стали названием моего романа «This place is a madhouse».

И. К.: – Вы жаворонок...

М. Х.: – Я точно не сова! Муж был совой. Я помогала ему делать макеты для театра. Так он до 10 вечера даже не брался за работу, а у меня после девяти уже глаза слипались. У меня свой способ борьбы с бессонницей – включаю радио на всю ночь. Неважно, на каком языке они там говорят – на русском, английском или японском. Для меня звук человеческого голоса утешителен сам по себе. Когда у тебя под ухом кто-то бубнит себе потихонечку, это лучше любого снотворного. Действует умиротворяюще, гонит мысли из головы. Одно плохо – иногда ставят музыку, а это разрушает весь эффект. Тогда радио нужно очень быстро выключить, чтобы потом не мучиться бессонницей.

М. Л.: – Я тоже этот способ испробовала. Сначала вслушиваешься в смысл слов, а потом они начинают звучать как фон. До этого я боролась с бессонницей с помощью Гегеля. Читаешь его «Феноменологию духа», не понимаешь ничего и засыпаешь. Как-то на даче у меня Гегеля под рукой не оказалось, и я взяла Канта. Но у него всё так ясно изложено, так увлекает, что я не могла заснуть до утра. Так вот Кант – это как музыка...

Вместо послесловия

В конце июля – начале августа 2011 года Мэри Хобсон гостила у нас с мужем, поэтом и переводчиком Иваном Белокрыловым, на даче в Тульской области. Забирали мы её из Зарайска с дачи Марины Дмитриевны. Загостились, заговорились, выехали под вечер, да ещё и заблудились в пути и, в конце концов, оказались на ухабистом просёлке посреди Берендеева царства. Картина маслом: не только на деревьях, но и по обочинам дороги сидят непуганые совы с огромными глазами, в свете фар впереди по курсу скачут зайцы, бегают лисицы. Колёса попадают то в кочки, то в выбоины, ехать можно не быстрее 5 км в час, фонарей нет – тьма египетская! 87-летняя Мэри подрёмывала на заднем сиденье, но в какой-то момент её так

растрясло, что пришлось проснуться. Огляделась она и говорит Ивану: «Я бы в таких условиях машину вести не смогла!» А когда подъехали к деревянным воротам, за которыми темнели туи и можжевельники, белели берёзы под окнами бревенчатого терема с флюгером в виде Пегаса на крыше, гостя пришла в неопиcуемый восторг. Разместили мы её в просторной гостевой комнате с письменным столом и видом на сосны. Здесь она закончила переводить «Золотого петушка» Пушкина и впервые в жизни увидела петуха настоящего, живого – на участке у моей тётки.

А как лихо, по-спортивному заныривала выросшая на море Мэри в своей резиновой шапочке и чёрном купальнике в наш дачный пруд с утками и бобрами! Как запросто преодолевала течение Оки в зоне отдыха музея-усадьбы «Поленово»! Какие кручёные удары ракеткой подавала во время игры в настольный теннис! Отбить их было нереально. Этой технике её научили солдаты на военной базе, где Мэри работала культторгом после окончания консерватории. Очень понравилось ей в музее-усадьбе «Дворяниново» выдающегося русского ученого и литератора Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833). Поваяло XIX веком, в котором Мэри чувствовала себя как дома. Сохранилась её фотография в любимой беседке хозяина усадьбы, кажется, она называется «Храм уединения».

На завтрак я варила ей овсянку, сэр! Мэри ела её с удовольствием, считая, что это такой русский обычай – овсяная каша на завтрак. Очень удивилась, когда услышала, что у нас этот завтрак считается классическим английским, потому что в Великобритании такой традиции нет. Обедали и ужинали мы на веранде у моих родителей – наши дома стоят в тридцати метрах друг от друга. За столом вспоминали случаи из жизни, обсуждали новости, шутили. Однажды моя мама – уже не помню по какому поводу – спросила у Мэри: «А что бы вы посоветовали своей дочери в такой ситуации?» Мэри ответила, что никогда не позволяла себе давать советы детям и нарушила это правило только раз в жизни. Муж одной из её дочерей после долгих лет брака решил сменить пол, поставив семью перед фактом. Дети от первого брака дочери, которые привыкли считать её второго мужа папой, получили огромную психологическую травму, когда он стал превращаться – в кого? Во вторую маму? В чужую тётку?

Дочь Мэри после тяжёлых раздумий решила поддерживать мужа во всём – ему предстояла серия непростых операций, гормонотерапия. Она сказала: «Мужчина или женщина, неважно, ведь это тот же самый человек, которого я полюбила». На что Мэри ответила: «Но он же должен был предупредить тебя, когда вы решили пожениться, что собирается менять пол! Раз он этого не сделал, ты не обязана идти с ним до конца». Совет Мэри ни на что не повлиял, зять превратился в невестку, внук из-за связанных с этим психологических проблем остался на второй год в школе, внучка замкнулась в себе...

Говорили мы и о смерти. Мэри не хотела ни рыданий родных, ни по-

хоронных маршей, она любила классическую музыку и была не против уйти под звуки Чайковского. Неделя на даче пролетела незаметно. Мэри ждали на конференции в Ясной Поляне, но уезжать от нас ей не хотелось. Так получилось, что этот приезд в Россию оказался для неё последним. По возвращении в Лондон случился микроинсульт, после которого врачи запретили Мэри пользоваться компьютером и летать самолетом. Один из симптомов нарушения мозгового кровообращения был такой: временно отключилась английская речь. Какое-то время Мэри говорила только на русском и впоследствии считала, что он её спас.

У Марины Дмитриевны Литвиновой был свой стимул жить как можно дольше. Пять лет назад у неё оторвался тромб, но она испугалась не умереть, а не закончить труд о проблеме авторства произведений Шекспира. Спасшего её врача благодарила не за жизнь, а за возможность завершить дело жизни. Она была убеждена, что Шекспир очернён потомками и нуждается в оправдании. «Каждый пишет, как он дышит», – сказал Булат Окуджава. Это ведь и правда так. Маяковский никогда бы не написал «Белеет парус одинокий», а у Лермонтова никогда не родилась бы строчка «Я себя под Лениным чищу», потому что не знал он никакого Ленина. Как же тогда ростовщик из Стратфорда-на-Эйвоне по имени Шакспер (не Шекспир – фамилия звучит и пишется по-другому!), едва умевший читать и не выезжавший дальше Лондона, умудрялся живописать в деталях жизнь британского королевского двора, вражду семей итальянских аристократов из Вероны и мрачные тайны, погубившие датского принца? Как мог он одной рукой бросать вдов и сирот в долговую яму, а другой на страницах своих пьес клеймить таких же, как он, кровопийц-шейлоков, наживающихся на чужом горе? Неувязочка получается!

В завещании Шакспера-ростовщика подробно перечисляется, кому отдать кровать, а кому – подсвечник, но ни словом не упоминаются книги и рукописи. А на установленном вскоре после смерти надгробии его изобразили не с пером в руке, а с мешком шерсти под пятой точкой, символизирующем богатство. Это потом уже жители Стратфорда спохватились, что негоже великому поэту восседать на мешке, и заказали более «литературный» памятник.

Трезво мыслящие люди вроде Отто фон Бисмарка, Чарли Чаплина, Марка Твена, Вальтера Скотта, Владимира Набокова в историю об авторстве полуграмотного ростовщика никогда не верили. Литвинова тоже к ним присоединилась и положила более 60 лет жизни на поиски настоящего Шекспира. И нашла-таки, да не одного, а двоих сразу, скрывавшихся под псевдонимом: философа Фрэнсиса Бэкона и его ученика Роджера Мэннерса – пятого графа Ратленда. Первый был генератором идей, но не имел того лёгкого пера и поэтического дарования, которым обладал второй. Поэтому то они и творили вместе.

Соавторство началось ещё в период ученичества Ратленда: Бэкон при-

носил ему какой-нибудь свой текст и давал задание литературно обработать его. Потому-то многие шекспировские хроники и пьесы существуют в двух абсолютно разных редакциях. А сонеты лишь в одной: ведь Ратленд писал их сам, без чужих подсказок! Теперь ясно, зачем надо оправдывать Шекспира? Имя, под которым скрывались два благороднейших человека своей эпохи, потомки приписали какому-то пронырливому ростовщику. Психологическое несоответствие биографии Шекспира и содержания его произведений Марина Дмитриевна заметила, когда ей поручили перевести одну из пьес Шекспира. С этого и начался её триумфальный путь в шекспироведение. Исследовательский труд не прерывался ни на один день. Даже летом на даче в Зарайске эта работа была для неё лучшим отдыхом. Марина Дмитриевна исследовала документы шекспировской эпохи, Мэри переводила Пушкина, прерывались только, чтобы поесть. У Марины Дмитриевны на скатерти всегда стояло блюдо с вареньем для ос. Она считала их очень умными созданиями, осы столовались наравне с хозяйкой и её гостями и никогда никого не кусали.

Кошек тоже было много, Марина Дмитриевна кормила их всех, бездомных, тощих, оголодавших, а осенью забирала в Москву. Если какая-то пропадала, очень переживала. Мечтала основать общество добрых людей и, как мне кажется, отлично преуспела в этом. Хорошие люди притягивались к ней, окружали её. В отличие от Мэри, Марина Дмитриевна была верующим человеком, убеждённым в том, что смерть – не конец пути, а начало жизни вечной. Закрываю глаза и вижу их, вновь сошедшихся за круглым столом в Зарайске. За окнами деревянного дома шумит яблоневый сад, по старенькой крыше с грохотом скатывается крупная антоновка, в распахнутые окна светит солнце, у ног трутся разомлевшие от зноя кошки, деловитые осы угощаются повидлом с блюда, смешно помогая себе лапками. Ничего не изменилось, кроме ощущения лёгкости и свободы, которую больше не сковывает ветхое тело. Пожалуй, это было единственное, на что сетовала многотерпеливая Марина Дмитриевна: нестареющему уму трудно сидеть в клетке скованной болезнями плоти. Теперь этой клетки больше нет, дух, где хочет, там и веет, а оправдывать Шекспира предстоит её ученикам.

*Ирина Ковалева, поэт, переводчик,
руководитель секции художественного перевода
и член правления Московского отделения СПР*

От редактора. Штрихи к портрету.

Мне довелось познакомиться с Мариной Дмитриевной Литвиновой в 2000 году, будучи на ФПК в Московском государственном лингвистическом университете им. Мориса Тореза. В то время, получив счастливую передышку от многообразной деканской рутины на факультете иностранных

языков в своём университете, я готовила к печати переиздание первой книжки переводов английской и американской поэзии «Прекрасное пленяет навсегда...», поэтому совершенно неслучайно Марина Дмитриевна оказалась научным руководителем моей выпускной работы. Мы регулярно встречались и обсуждали разные переводческие проблемы и не только, поскольку именно в 2000 году было создано наше Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России. Помню, как долго мы разбирались в тонкостях одного стихотворения Элен Х. Джексон “October Bright Blue Weather”, содержание одной из строф которого от меня ускользало. Марина Дмитриевна уже тогда была беззаветно предана своей идее – докопаться до истины в шекспировском вопросе. О чём бы она не говорила, всё в конце концов так или иначе сводилось к Шекспиру.

Однажды мне довелось побывать у Марины Дмитриевны дома на юго-западе столицы. Собираясь в гости, мне ничего другого не пришло в голову, кроме как купить иллюстрированное издание сонетов Шекспира, в котором красовался парадный портрет пятого графа Ратленда, его поместье, библиотека и что-то ещё. И вот я в квартире Марины Дмитриевны – проходим в её рабочий кабинет или то, что служило в качестве такового, теперь уже не припомню, в котором везде, где только можно вообразить, были книги и не просто книги, а десятки, возможно, сотни шекспировских томов разных изданий, разных форматов, в достойное общество которых был принят и мой небольшой шекспировский томик. Я сразу поняла, что большой оригинальностью мой подарок не отличался, но, наверное, это было именно то, что нужно, потому что хозяйка дома искренне обрадовалась и этому новому другу.

Марина Дмитриевна в то время с огромным энтузиазмом занялась, скорее всего, не имея большого опыта издательской деятельности и, совершенно точно, финансовой поддержки, изданием со своими единомышленниками – «Столпотворения», хорошо известного нам научно-художественного приложения к журналу «Мир перевода». Именно тогда совершенно неожиданно мне и пришла в голову мысль об издании нашего собственного регионального издания – журнала «Переводчик», хотя Забайкальское региональное отделение СПР было создано несколькими месяцами спустя – 30 сентября 2000 года и переводчиков художественной литературы в ближайшем окружении в то время было совсем немного. Но я тогда поняла самое главное – создание своего журнала вполне возможно и что все трудности преодолимы, если есть цель и желание её достичь. Вот именно поэтому я всегда испытывала и испытываю к Марине Дмитриевне – этому очень доброму и солнечному человеку – глубокое уважение и искреннюю благодарность. Это как раз яркий пример того, что мы порой не ведаем, как наше слово отзовется в сердцах и делах других... Светлая память!

Ольга Стельмак

ИСККУСТВО ВОРОЧАТЬСЯ В ОБРАЗЕ

«Какое великое искусство
и какое жалкое ремесло».

И. Брамс

Работа переводчика литературы художественной в том и состоит, чтобы, вникнув в смысловые глубины авторского замысла, воспроизвести их в соавторстве с сочинителем на языке иной ментальности.

«Если я плохой переводчик, значит, я – последний из них», – примерно так могло бы звучать признание человека, не сумевшего вжиться в образ, вникнуть в прасознание автора и спасовавшего перед этнодраконом идиом, требующих инверсированного вариативного подхода.

Московская школа перевода в стенах Литературного института им. А. М. Горького начиналась на кафедре художественного перевода со штудирования оригинала, иначе первоисточника, зачитывания его, что говорится, «до дыр». При этом терялась свежесть первого впечатления, исчезал феномен удивления, ежели автором подобное было заложено изначально.

Один из интереснейших русских стилистов Александр Никанорович Зуев повёл нас, первую армянскую группу переводчиков, другим путём. Он обучал нас искусству считывания авторской интонации, энергетического посыла, толкающего текст к его логическому завершению.

Впитывая капля за каплей *музыку авторской речи*, мы научались различать одного и того же автора на разных этапах его становления как личности. У писателей с устойчивым укладом синтаксис, как правило, стабилен, он – становой хребет его собственных разысканий, на нём держится весь свод его размышлений на тему о судьбах человеческих. Переводчику остаётся лишь найти *своего* автора, чтобы реализоваться в полной мере самому.

Остерегайтесь! Берясь за перевод книги, стилистика которой способна нарушить сердечный ритм, можно сорвать дыхание и, «доводя дело до конца через силу», по неопытности, изойти запасом прочности.

Искусство ворочаться в образе соотносимо с работой актёра, который не просто примеряет костюм персонажа, в «шкуру» которого намередается влезть, но и вживается в мир его мыслей и чувств, сопереживая с ним события, разворачивающиеся в пьесе жизни героя. В редком умении ворочаться там, не повреждая шкуры образа, характера его лепки, и состоит одна из тайн переводческого проникновения в плоть авторского текста. Пытливый переводчик берёт литературу той четверти века, к которой относится предложенное ему к переводу произведение, поинтересуется миром искусств, личной перепиской людей той плеяды, к которой историки литературы

причисляют автора. Возможно, где-то между строк и отыщется волшебный ключ подхода к трактовке образа мира, рисуемого творческим воображением творца шедевра, если повезёт набрести на таковой.

Процесс растворения в тексте во имя и ради рекристаллизации в иной языковой среде долог и непросто. Это своего рода медитация на тему, имеющая целью не замещение авторского «я» своим, не замещение его находок своими представлениями о том, как бы это могло выглядеть, отнюдь. Ювелирная работа на синонимике понятийных рядов, а не отдельных слов или сочетаний, неотвратимо приводит к расщеплению прекрасного, дабы вновь сложить его в общую картину авторского воображения. Сгорая в тигле переводческого прочтения, произведение испаривается птицей Феникс в оттенках звуков и полутонов, требуя акварельной чистоты и точности в ударности интонаций. И лишь после этого можно сравнивать свою работу с тем, что было сделано предшественниками в разные времена – с оглядкой на эстетические вкусы эпохи проникновения в этот пласт.

Великий трагик Ваграм Папазян, исколесивший мир с труппой Элеоноры Дузе, игравший в театре Сары Бернар, освоивший театральные подмостки не только столичной, но и провинциальной России, поведал мне о том, как он вползал в образ: «В театр, не в пример молодым и заносчивым актёрам, являлся я часа за три, уединялся в своей уборной, наводил грим и начинал «проживать» жизнь своего героя, домысливая и то, о чём драматург не упомянул – ни в пьесе, ни в ремарках. Минут за двадцать до выхода на сцену, и об этом я не раз говорил артистам театра, я начинал сдувать пылинки с костюма своего персонажа. Так я как бы настраивал партнёров на серьёзность происходящего. В руках у меня побывала тысяча Дездемон, сотни раз преображался я в оплётанного судьбой принца датского и... *«не повторился ни разу»*.

О чём это признание? О даре импровизации. О вариативном мышлении. О тысяче и одном подходе к теме.

Если нельзя войти в одну и ту же реку, то невозможно и одному и тому же художнику слова в точности повторить опыт вхождения в текст. Множественность подходов меняет не только угол зрения, но и увлекает в мир нюансов, которых в каждом может открыться бездна. Пользоваться чужим строительным материалом (если произведение это кем-то уже переводилось во времени) означает заведомо обрекать себя на вторичность, ибо чужая находка может, *довлея*, перекрыть путь собственным открытиям...

Ворочаясь в шкуре своих возможностей, можно с годами отработать и технику считывания авторской интонации, введя в свой обиход понятие *интонированный* перевод.

Останется определиться в роковом треугольнике – выбор, отбор, предпочтение. Выбрать автора, произвести отбор в предлагаемом им материале и ... отдать предпочтение тому или иному опусу, поскольку *любое серьёзное произведение держится на музыкальной матрице предпочтений*

автора. Подобрал тональный ключ, можно идти дальше. Недаром, говоря о жанре рассказа, то и дело повторяют: рассказ лежит в лоне первой фразы. Ключом к рассекречиванию авторского кода может стать и первое читательское восприятие, явленное всплеском удивления.

Подлинный мастер имеет право сказать: *как реформатор в переводе я не понят*. И будет по-своему прав, если не сойдёт с тропы творческого соперничества с автором хотя бы по Жуковскому: переводчик в прозе раб, в поэзии – соперник. Здоровое соперничество лишь стимулирует талант, подвигая его братья исключительно за шедевры мировой классики. Только умудрённый опытом постижений переводчик способен первым открыть миру новое имя, дабы в дне завтрашнем в шкуре его образности мог учиться искусству ворочаться в смыслах всяк, подающий надежды. Да и система доказательств его правоты скорее всего сокрыта в структуре личности, освоившей модель синхронизации алгоритмов в интонационном потоке. Уместен здесь и разговор о трансмутации, поскольку ничто не стоит на месте. Главное – уследить за ходом преобразений смысла.

9 декабря 2001 г.

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

ОБ ОПЫТЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ ПАЛАТЫ ПО ПАТЕНТНЫМ СПОРАМ

В 2012 году ко мне обратился один предприниматель с просьбой выполнить официальный перевод специалиста с китайского языка на русский язык наименований товарных знаков биологически активных добавок для мужчин «Фужуньбао» 福润宝 и «Фулибао» 福力宝 для Палаты по патентным спорам Федерального института промышленной собственности. Необходимо было обосновать, что эти слова не являются сходными до степени смешения.

И здесь я хотел бы поделиться своим опытом выполнения этого перевода. Откровенно говоря, сначала я хотел отказаться. Смущали уже данные по этому делу некоторыми специалистами заключения о якобы схожести этих слов, где приводились пропорции и проценты схожих звуков, данные о первых и последних буквах, звуках в этих словах и прочие формальные обоснования.

Но, творчески поразмыслив, я пришёл к некоторым интересным идеям и взялся за этот заказ. Как позже выяснилось, идеи оказались правильными: дело в суде было выиграно моим заказчиком. Сейчас оба бренда представлены на рынке. Ниже даю полный текст этого моего перевода специалиста.

ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛИСТА

00.00.2012 г.

Москва

Основание для перевода: запрос ИП Х Х.Х. от 00.00.2012 г.

Сведения о специалисте: Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук, член Национальной Лиги переводчиков.

Время проведения перевода: 00.00.2012 г.

Перевод представлен на 9 страницах; документы, подтверждающие квалификацию специалиста – на 8 листах.

Материалы, представленные специалисту:

1. Запрос на проведение перевода
2. Иероглифы «**Фужуньбао**» 福润宝 и «**Фулибао**» 福力宝

Вопросы, поставленные переводчику:

1. Перевести сочетание иероглифов 福润宝 в названии «**Фужуньбао**» и 福力宝 в названии «**Фулибао**», дать их сравнительную оценку по сходству произношения и семантики с точки зрения китайского языка.
2. Наблюдается ли сходство до степени смешения словесных обозначений **Фулибао** и **Фужуньбао**?

Ответы переводчика:

1. Перевод названий «**Фужуньбао**» 福润宝 и «**Фулибао**» 福力宝

Перевод названия « Фужуньбао » 福润宝
Драгоценность счастья и хорошей жизни
Перевод названия « Фулибао » 福力宝
Драгоценность счастья и силы

Примечания переводчика: ниже мы приводим обоснования настоящего перевода этих названий на русский язык.

БАД «Фужуньбао» 福润宝, в товарном знаке название **БАД «Фужуньбао супер»**.

Ниже даются переводы компонентов данного названия из статей на соответствующие иероглифы Большого китайско-русского словаря под редакцией И. М. Ошанина. (Т. 1–4. М., 1983–1984.).

Привожу полные статьи на соответствующие иероглифы (но без списка всех слов, в состав которых они входят) из самого авторитетного и полно-

го на сегодняшний день китайско-русского словаря в Российской Федерации.

福 fú фу I сущ. 1) счастье, благополучие; счастливый; 享福 пользоваться счастьем; 福運 счастливая судьба 2) благословение (напр. небес), ниспосылаемое благо; пожелание счастья; 托福 вежл. Вашими молитвами 3) вежл. дородность, полнота 他發了福了 он пополнил (поправился); 4) стар. поклон со сложенными руками (отдавали женщины); 5) стар. остатки от жертвоприношения, жертвенная пища; 福酒 остатки жертвенного вина; 福胙 оставшееся жертвенное мясо. II гл. 1) даровать (ниспосылать) счастье; благословлять; 福子蔭孫 ниспослать счастье сыновьям и покровительство внукам; 福善禍淫 ниспослать счастье добрым и беду – порочным; 2) стар. кланяться (со сложенными руками, о женщине); 福了一福 [она] поклонилась со сложенными руками. III собств. 1) геогр. сокр. а) пров. Фуцзянь; фуцзяньский; 福海關 фуцзяньская таможня (в Сандуао); 福橘 фуцзяньские мандарины (сорт); б) город Фучжоу 2) Фу (фамилия)

Источник: *Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 2. М., 1983–1984. Страницы 642–643.*

润 [润 сокр. в. 潤] rùn жунь I гл. А. 1) увлажняться, орошаться, отсыревать, отпотевать; промокать, намокать, мокнуть 柱礎潤 основания колонн отсырели; 2) пользоваться благами (благоденствиями); получать милости (блага); 群萌皆潤 весь народ был облагодетельствован; 3) отливаться глянцем, блестеть; 玉在山而木潤 самоцветы есть в горах, и деревья блестят зеленью; 4) увеличиваться, расширяться, иметь прирост 樂 (yuè) 章累朝 (cháo) 多刪潤 в течение ряда царствований большая часть песен подвергалась сокращениям или получала интерполяции; гл. Б. 1) пропитывать влагой; смачивать, мочить; увлажнять; орошать 雨以潤之 его смочило дождём; 潤嗓子 промочить горло; 潤一潤筆 смочить кисть; 2) оказывать благодеяние (милость); вознаграждать; одаривать; 潤寡 одаривать одиноких, оказывать помощь вдовам; 3) украшать, приукрашивать; улучшать; 富潤屋德潤身 богатство украшает жилище, а высокие моральные качества украшают человека; 4) увеличивать; прибавлять; приумножать; 潤了幾盅酒 пропустить ещё несколько чарок вина. II прил. 1) сырой, влажный, мокрый; 墨很潤 тушь очень сырая; 雨後空氣濕潤 после дождя воздух стал влажным; 2) блестящий, яркий, сочный; глянцевитый; 珠圓玉潤 жемчужины круглы, самоцветы яркие; 潤辭 блестящая речь, умные слова; 3) мягкий, нежный, ласковый; 乏濫潤之色 в выражении лица недоставало теплоты и мягкости. III сущ. 1) влага, влажность; сырость; 吹雲吐潤 дыханием нагонять тучи и извергать влагу; 2) благо; милость; польза; доход; 祿潤 блага [высокого] оклада; 分潤 делить доход.

Источник: *Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 3. М., 1983–1984. Страница 126.*

宝 [宝 сокр. в. 寶] bǎo бао I сущ. 1) драгоценность; драгоценный камень; самоцвет; алмаз, бриллиант; драгоценный, украшенный самоцветами; алмазный; 懷寶夜行 идти (отправиться) ночью с драгоценностями за пазухой (обр. в знач.: рисковать); 寶袂(帶) украшенный самоцветами нагрудник (пояс); 使一把寶劍 пустить в дело (в ход) драгоценный меч; 2) сокровище, богатство, ценность; роскошь, диво; богатый, ценный, роскошный; дивный, чудесный; 地不愛其寶 земля не скупится на свои сокровища

(богатства); 珍寶 драгоценное сокровище; 寶物 сокровище, роскошная вещь; 五十兩一個的寶, 當然不小 цена в 50 лян за штуку – конечно, немалая; 3) монета, деньги; 4) царская (императорская, государева, княжеская) печать; 5)* регалия; 6) бао (азартная игра с метанием костей); 寶盒 ящичек с игральными костями бао; 這一寶沒押着 эту игру в бао я проиграл (не выиграл). II прил. (только в атрибутивной функции) 1) прям., перен. драгоценный, дорогой, бесценный; редчайший, редкий, редкостный; чудесный; наилучший, великолепный, прекрасный; роскошный; благородный; исполненный высших достоинств; 寶產 бесценные богатства; 2) уст. царский, монарший, императорский, государев; высочайший; 寶冊 высочайшие повеления, царские указы; 3) эпитет почтительности (преимущественно ко второму лицу): ваш (его, её, их) драгоценный (глубокоуважаемый, досточтимый, благородный); 寶產 Ваше драгоценное (чудесное) достояние (недвижимое имущество). III гл. высоко ценить (уважать); придавать большое значение; считать драгоценностью; беречь; чтить, преклоняться перед...; 不寶遠物 не преклоняться перед вещами из дальних стран. IV собств. Бао (фамилия).

Источник: *Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 4. М., 1983–1984. Страницы 679–680.*

Как видно из приведённых статей слогоморфемы (иероглифы) китайского языка, которые использованы в данном имени весьма многозначны. Необходимо отметить, что более 80% слов современного китайского языка являются двусложными (состоят из двух иероглифов/слогоморфем), тогда как компоненты названий «Фужуньбао» и «Фулибао» (福 фу, 潤 жунь, 力 ли, 宝 бао) – односложные слова древнего китайского языка. Односложные слова китайского языка, даже те, которые используются как однослоги в современном языке, отличаются более размытой семантикой, большим количеством значений, которые за ними стоят. Именно стремление к конкретизации смысла заставило эволюционировать китайскую лексику к двусложному большинству.

Как показал наш опрос носителей китайского языка эти однослоги древнего языка для полного их понимания в данном контексте необходимо воспринимать расширенно как двусложные слова современного языка. Только такой перевод (такое расширение до сужающего, конкретизирующего смысл двусложного слова) на современный китайский язык помогает конкретизировать смысловые интенции, которые навязываются указанными слогоморфемами современному китайцу. К тому же необходимо отметить, что данные односложные слова самостоятельно в современном китайском языке не употребляются, а употребляются только в сочетании с другими слогоморфемами.

Итак, расширив рассматриваемые компоненты до двуслогов современного китайского языка, однозначно получаем следующие три двусложных слова (подчёркиваем, что только эти двусложные слова скрываются за данными однослогами в настоящем контексте этих собственных имён):

幸福 xìngfú счастье, благополучие; благосклонность судьбы; счастливый.

滋润 zīrùn, zīrun 1) влажный, сырой, мокрый 2) орошать, увлажнять 3) перен. оказывать милости.

宝贝 bǎobèi 1) прям., перен. драгоценность, сокровище, редкость (также иронически о бесполезном или странном человеке) 2) см. 寶貝兒 3) драгоценный; дорогой; любимый 4) высоко ценить; любить; уважать 5) зоол. ципрей (Cypripedium) 6) зоол. тигровая ужомка (Cypripedium tigris)

Источник: Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.

Необходимо отметить, что слово 滋润 zīrùn, zīrun ‘1) влажный, сырой, мокрый 2) орошать, увлажнять 3) перен. оказывать милости’ в современном разговорном китайском языке имеет значение «хорошо; со вкусом; интересно; легко, приятно, беззаботно» (о жизни), например: 他过得很滋润。 Та годэ хэнь цзыжунь. ‘Он живёт хорошо (со вкусом; интересно, насыщенно, полной жизнью, ни в чём себе не отказывая; ярко) ’.

Данное значение в современном китайском языке, скорее всего, выделилось на основе значения слова 润 жунь II прил. 2) блестящий, яркий, сочный; глянцевоитый; 珠圓玉潤 жемчужины круглы, самоцветы яркие; 潤辭 блестящая речь, умные слова (см. Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984).

Таким образом, в нашем случае адекватными вариантами перевода названия «Фуэуньбао» 福潤宝 следует считать следующие:

福	润	宝
счастье	хорошая [жизнь]; хорошо [жить]	драгоценность

Так как по правилам грамматики китайского языка определение всегда предшествует определяемому, то и получается, что компоненты «счастье, счастливый» и «хороший» стоят перед компонентом «драгоценность», определяют его качества.

Согласно правилам грамматики русского языка перевод этого словосочетания на русский язык выглядит так:

Драгоценность [для] счастливой [и] хорошей [жизни]

или

Драгоценность, дающая (приносящая) счастье и хорошую (насыщенную, яркую) жизнь

или самый точный и краткий перевод:

Драгоценность счастья [и] хорошей жизни.

БАД «Фулибао» 福力宝 (товарный знак)

Перевод компонентов 福 ФУ и 宝 БАО смотреть выше.

力 lì ли I сущ. 1) сила [мускульная], мощь; 力能扛鼎 силой мышц поднимает тренажер (о силаче); 四肢無力 члены тела бессильны, нет никаких физических сил; 用力推車 с силой толкать телегу (тачку); 2) сила, способность, острота (степень); 目力 сила (острота) зрения; 腦力 острота ума; 意志力 сила воли; 才力 сила таланта; 3) физ. сила; воздействие; энергия; мощь; силовой; 力的合成 (分解) сложение сил; 力之平行四邊形 параллелограмм сил; 電力 электроэнергия; 力函数 мат. силовая функция; 力三角形 (多邊形) силовой треугольник (многоугольник); 4) сила, насилие; принуждение; 以力服人者, 非心服也 подчинить человека насилием – не значит его убедить; 實力政策 политика с позиции силы; 5) сила, действие, эффект; 藥力 действие лекарства; 說服力 сила убеждения; 6) воен. [вооружённые] силы; 主力[軍] главные силы [армии]; 生力[軍] свежие военные силы; 武力 военные силы, вооружённые силы; 7) силы, напряжение сил; усилие; 盡力實行 провести в жизнь с максимальным напряжением всех сил (усилий); 努力 напрягать силы; 8) трудовая повинность, отработка; 弛力 ослабить трудовые повинности; 任力以夫 наложить трудовые повинности на мужчин; 9) носильщик; работник; слуга; 遣此力助汝薪水之勞 посылаю вам этого слугу, чтобы он помог вам в трудах по заготовке дров и воды; 公力 казённые (княжеские) носильщики (слуги); 10) заслуга; труды; 子之力也夫 [это] ваша заслуга! II *прил./ наречие* сильный, упорный, ожесточённый; энергично, сильно; 辦事甚力 вести дела весьма энергично; 據理力爭 ожесточённо спорить, опираясь на основательные аргументы; 力主和平 упорно стоять за мир. III *гл.* стараться; энергично действовать (в каком-л. направлении); 食時不力珍 во время еды не налегать на деликатесы; 力耕桑 энергично (упорно) заниматься пахотой и разведением тутовых деревьев. IV *собств.* Ли (фамилия).

Источник: *Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 3. М., 1983–1984. Страница 550.*

В данном случае однослог 力 *ли* в настоящем контексте, конечно, подразумевает сочетание 陽力 *ян-ли* ‘мужская сила’, где компонент *ян* имеет следующие значения:

陽 [yáng] = 陽 1) «ян» (мужское начало в древней китайской философии) 2) солнце; солнечный 3) положительный 陽电极 [yáng diànjí] – положительный электрод 4) открытый; не закрытый 陽沟 [yánggōu] – открытая сточная канава 5) земной; на этом свете 6) мужской половой орган.

Таким образом, название «Фулибао» 福力宝 можно переводить на русский язык как

福	力	宝
счастье	сила	драгоценность

Так как по правилам грамматики китайского языка определение всегда предшествует определяемому, то и получается, что компоненты «счастье» и «сила» стоят перед компонентом «драгоценность», определяют его качества.

Согласно правилам грамматики русского языка перевод этого словосочетания на русский язык выглядит так:

Драгоценность [для] счастья [и] [половой, мышечной] силы
или

Драгоценность, дающая (приносящая) счастье и (половую, мышечную) силу

или самый точный и краткий перевод:

Драгоценность счастья [и] силы

Дадим сравнительную оценку этих названий по сходству и различию произношения и семантики с точки зрения китайского языка.

В китайском языке центральные слогоморфемы (односложные слова) этих брендов 润 жунь и 力 ли имеют совершенно разное значение и играют важнейшую центральную роль в формировании значения и концепции бренда. Так, в наименовании ФУЖУНЬБАО слогоморфема ЖУНЬ делает акцент на хорошей, качественной, насыщенной, полной, приятной, интересной жизни, жизни со вкусом, а компонент 福 ФУ «счастливый, счастье» – всего лишь традиционное для китайского языка благопожелательное слово-шаблон, которое очень часто используется в китайской лингвокультуре, например, перевёрнутый иероглиф 福 «счастье» наклеивается в огромных количествах на стенах и дверях жилищ и разного рода помещений в канун и во время китайского Нового года (праздника весны) (так как перевёрнутый «фу» читается и понимается китайцами как «возвращающееся счастье»), также это слово неременный шаблонный компонент в разного рода благопожеланиях типа 祝福 zhùfú 1) молиться о счастье 2) желать (кому-л.) счастья; пожелание счастья, наилучшие пожелания.

Источник: *Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.*

Слогоморфема (односложное слово) 宝 БАО «драгоценность» также традиционная в Китае шаблонная слогоморфема или компонент для обозначения ценных идей или объектов, например:

宝宝 bǎobǎo (ласково к ребёнку) сокровище [моё], любовь моя

三宝 sānbǎo будд. три сокровища (Будда, его учение – дарма, монашеская община – сангха)

宝刀 bǎodāo драгоценный (чудесный, редкостный) меч

(Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.)

Таким образом, необходимо отметить, что эти крайние морфемы 福 ФУ и 宝 БАО в данных брендах на самом деле весьма обкатанные и широко задействованные в китайской лингвокультуре своего рода «пустые наполнители» и шаблонные формы, первая для выражения благопожелания счастья и вторая для выражения восхищения как наименование драгоцен-

ность. И на самом деле китайцу и глубоко изучающему китайский язык иностранцу совершенно ясно и понятно, что производители бренда ФУЛИБАО не смогли отказаться от этих крайних элементов. Ведь они, эти компоненты ФУ и БАО, устоявшиеся в течение веков единственные для всего китайского лингвокультурного сообщества, почему же они должны от них отказываться? Ведь другого нет, в китайской культуре всё шаблонировано и канонизировано в течение многих столетий. Поэтому эти два элемента неизбежны в этих брендах не в силу стремления стать похожим на конкурента, сэкономить на рекламе и переманить покупателя, а в силу отсутствия выбора, ведь других мощных традиционных благопожелательных слов-шаблонов в языке просто больше нет, но по канонам китайской культуры они непременно должны присутствовать в соответствующих пожеланиях, которые производители закладывают в свой продукт и в его наименование.

Основными же и истинными мощными креативными компонентами, формирующими новизну этих брендов, являются центральные слова-компоненты 潤 ЖУНЬ и 力 ЛИ.

В бренде ФУЛИБАО слогоморфема *ЛИ* делает акцент на формировании силы. Согласитесь, «хорошая жизнь» и «сила», эти понятия и предметы (явления) в смысловом плане трудно смешать, и едва ли они сопоставимы и взаимозависимы. И если в бренде ФУЖУНЬБАО посредством слова *ЖУНЬ* акцент делается на более широком понятии качественной жизни и формируется концепция бренда, которая предусматривает то, что мужчина, применяя данное средство, сможет сделать все аспекты своей жизни яркими, насыщенными, качественными (и ведь действительно, благополучная половая жизнь обуславливает успешность мужчины во всех аспектах его жизнедеятельности), то в бренде ФУЛИБАО слово *ЛИ* формирует концепцию очень узкого порядка и говорит в основном о том, что применение данного средства придаст мужчине силу, причём показания у данного средства как средства для мужчин говорит именно о мышечной силе (о силе пениса), что ещё более сужает и конкретизирует сферу концепции бренда, которую формирует эта ключевая слогоморфема *ЛИ*. Таким образом, в плане семантики для носителя китайского языка эти два бренда существенно различаются как чисто лексически (слова 潤 жунь и 力 ли совершенно разные слова с разными значениями), так и концептуально (слова 潤 жунь и 力 ли задают каждому бренду совершенно разные концептуальные заряды, которые явно различаются по широте содержания: 潤 ЖУНЬ задаёт очень широкий концепт вообще удавшейся жизни, а 力 ЛИ задаёт очень узкий, но конкретный концепт сильной половой способности [мышечной силы полового члена]). В звуковом аспекте эти смыслообразующие центральные слоги также совершенно несопоставимы и чётко различаются носителями китайского языка.

2. Теперь о том, наблюдается ли сходство до степени смешения словесных обозначений Фулибао и Фужуньбао.

Прежде всего, отметим, что оба названия вошли в оборот и в сферу русского культурного пространства в правильном написании русскими буквами, эти названия верно переданы средствами Русской Традиционной Транскрипции (ТРТ), в основе которой лежит так называемая транскрипция Палладия. Латинские варианты написания этих названий (FURUNBAO, FULIBAO) записываются официальным фонетическим алфавитом китайского языка Ханьюй пиньинь, который был принят в КНР в 1958 году и, с 1979 года он используется во всём мире в качестве официальной латинской транскрипции имён и названий из Китайской Народной Республики. В частности, анализируемые нами слоги в составе китайских имен собственных, официально передаются средствами Традиционной Русской Транскрипции¹ следующим образом:

FU – ФУ

RUN – ЖУНЬ

LI – ЛИ

BAO – БАО

Также подтверждением этому является Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. (Т. 1–4. М., Издательство «НАУКА»,

Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.), в котором также принято давать китайские слоги транскрипцией Палладия (ныне ТРТ).

Итак, в словах ФУЛИБАО и ФУЖУНЬБАО, сформированных на основе традиционной русской транскрипции (ТРТ) [см. Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.; Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции. – М.: Муравей, 2002. – 263 с.] центральные компоненты (слогоморфемы) *ЖУНЬ* и *ЛИ* также являются ключевыми, но уже в фонетическом аспекте. Звонкое, мощное слово *ЖУНЬ* совершенно чётко отграничивается русскоязычным человеком от краткого и совершенно иного по звуковому составу слова *ЛИ*. *Жунь* для русскоязычного человека соотносимо с такими звучными словами русского языка как *ЖУТЬ*, *ЖУЙ*, *ЖУ-ЖУ* (жужжание жука, пчелы), *ЛИ* же никаких таких мощных и насыщенных звуковых ассоциаций не имеет. И хотя для русскоязычных никакой семантической (смысловой) нагрузки за этими словами не стоит, русскоязычные люди, тем не менее, чётко с первого раза способны запомнить звуковое различие в этих двух китайских словосочетаниях и в дальнейшем чётко их различать. Причём, как правило, если в каком-либо иностранном бренде нет смысла, то человек ещё более внимателен к звуковой составляющей! Если бы сравнивались, например, *Фушуньбао* с *Фужуньбао* или *Фулибао* с *Фумибао* и с *Фунибао*, то здесь, в силу близости звуков Ш-Ж и Л-М-Н, можно было бы

¹ Подробнее см. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции. – М.: Муравей, 2002. – 263 с.

говорить о возможном смешении, но здесь – *ЖУНЬ* и *ЛИ* – русское ухо способно быстро и совершенно чётко запомнить разницу между этими словами словосочетаний *ФУЖУНЬБАО* и *ФУЛИБАО*!

Крайние же элементы *ФУ* и *БАО* всего лишь окаймляют эти центральные словообразующие слогоморфемы. И если эти слова произносить поочередно несколько раз, то создаётся только лишь впечатление ритмического их совпадения за счёт конечного слога *БАО*, но чёткое различие между словами явно слышится и это различие чётко воспринимается и легко запоминается всеми носителями русского языка.

Звуки, составляющие слово/морфему *жунь* и звуки, составляющие слово/морфему *ли* для русскоязычного человека, не относятся к таким, которые легко спутать. Если бы было *Фулибао* и *Фумибао*, тогда можно было бы об этом говорить. Но *ЖУНЬ* и *ЛИ* для русскоязычного покупателя очень хорошо слышатся как полные антиподы. Звук *Ж* задаёт сильную звуковую среду центра всего словесного комплекса *ФУЖУНЬБАО*. Ведь, например, слова *Шашлык* и *Машлык* в составе наименования ресторанов «*Шашлык-Машлык*» именно и поставлены вместе, что они, будучи схожими по ритмической и общей конструкции, призваны своим отличительными начальными согласными звуками создать особое слово и бренд. Также и с ресторанным брендом «*Киш-миш*». *Киш* и *Миш* – совершенно разные слоги, и для русского они не несут никакого значения, но именно на их противопоставлении возникает бренд. Также, сопоставив *Фужуньбао-Фулибао*, русскоязычные люди сразу же замечают их большую разницу. Уверен, что большинство русскоязычных людей эти слова не смешивают и с первого раза запоминают, что это два разных слова и, следовательно, бренда.

Заключение: слова *ФУЛИБАО* и *ФУЖУНЬБАО* невозможно смешать в силу полного различия звукового наполнения их центральных ядерных компонентов *ЛИ* и *ЖУНЬ*.

Литература:

1. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М., Издательство «НАУКА», Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.
2. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции. – М.: Муравей, 2002. – 263 с.
3. Воропаев Н. Н. О некоторых проблемах передачи китайских имён собственных в русском тексте. // Материалы 12-й Международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки» (Москва, 22–23 июня 2004 года, Институт языкознания РАН). Издательство «Советский писатель». 2004 год. СС. 61–69.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЧИСЛОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ
(на материале китайского языка)**

Связь языка, культуры и мышления давно объективирована учёными и подтверждена многочисленными фактами, демонстрирующими различия культур, находящих отражения в языковых системах. Типологические особенности китайского языка как языка изолирующего типа становятся особенно явными при попытке установить закономерности перевода и выработать стратегии достижения максимальных показателей качества перевода. В таком случае значимость приобретают те фрагменты исходного текста, которые отражают несвойственные иным языковым системам нормы и факты узуального употребления языковых единиц.

Переводческие ошибки являются фактором, влияющим на качество перевода. Проблематика исследования вопросов, связанных с оценкой качества перевода, долгое время остается актуальной как для теоретиков, так и для практиков. Причины переводческих ошибок весьма многообразны. Так, к числу ошибок, влияющих на прагматическую эквивалентность и адекватность текста перевода¹, могут быть отнесены ошибки, связанные с передачей цифровых данных, специфика которых может определяться и культурно значимыми условиями.

В русском языке при записи или переводе числительных часто встаёт вопрос: записывать словами или цифрами? Если записывать цифрами, то арабскими или римскими? Переводческие правила предписывают: века записывать римскими цифрами; числа от одного до двадцати, а также «круглые» однословные числительные во всех родах и падежах записывать буквами; порядковые числительные от первого до двадцатого, а также «круглые» однословные порядковые числительные записывать буквами; числовые интервалы в зависимости от характера могут быть записаны как цифрами, так и буквами².

Как известно, китайский язык развивался долгое время без какого-либо влияния извне, арабские цифры как атрибут иностранного влияния (как и знаки препинания³) появились в китайском языке сравнительно

¹ В классификации Н. Дупленского, представленной в работе «Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику». Электронный ресурс: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/>

² <http://new.gramota.ru>

³ А. Н. Булдыгерова. О китайских знаках препинания Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России). Выпуск 16/ гл. ред. О. В. Стельмак; Забайкальский государственный университет. – Чита: ЗабГУ, 2016. СС. 166–172.

недавно. По мнению Л. П. Банковой, попытки проникновения арабских цифр в Китай увенчались успехом лишь в XX веке¹. Сегодня при работе с письменными текстами довольно часто можно встретить употребление, даже в рамках одного предложения китайских и арабских цифр, например: 一立方的可燃冰大概可以分解为 164 立方的天然气² (пер.: *Из одного кубометра жидкого льда можно получить 164 куб. м. газа*). Использование арабских цифр в письменных текстах на китайском языке регламентируется государственными стандартами³, в частности «Сводом правил об использовании числительных в печатных изданиях»⁴.

Количественные числительные в китайском тексте чаще всего записываются цифрами (без обозначения разряда), например: 然而到了唐武宗时期, 宗教遭到了压制, 佛教道教均受到摧残, “被毁寺院达 4600 所之多, 僧侣还俗者达 26500 人, 没收寺院土地达数十万顷……” (пер⁵: *Позднее с наступлением периода правления танского императора Ли Чаня религиозная философия получила серьёзный отпор, буддизм и даосизм почти были уничтожены, «было сожжено более 4600 монастырей и храмов, к мирской жизни вернулось почти 26500 монахов, были конфискованы огромные земельные угодья, принадлежавшие прежде монастырям...»*).

Перевод словосочетания с количественными числительными требует особого внимания в связи с тем, что «целые числа в китайском языке представлены четырьмя разрядами в каждой ступени⁶», а не тремя разрядами, как в русском языке. Различие, состоящее в том, что тысячи являются разрядом числа, а не ступенью, составляет определённую трудность при переводе, также в связи наличием в китайских числительных четырёхразрядных ступеней: 万 wàn – десять тысяч, 亿 yì – сто миллионов, 万亿 wànyì – триллион. Например, 国家统计局电子商务交易平台调查显示, 2017 年全国电子商务交易额达 29.16 万亿元, 同比增长 11.7%⁷. (пер.: *Исследование торговых платформ на рынке электронной коммерции, проведенное Национальным бюро статистики, выявило, что общая сумма транзакций на*

¹ Л. П. Банкова Арабские и римские цифры как часть китайской семиотической системы, Ученые записки Казанского университета, 2020 г., с. 252. Электронный ресурс: <https://kpfu.ru/portal/docs>

² 中国海底发现一个大宝贝: 价值不可估量

³ 中华人民共和国国家标准

⁴ 出版物上数字用法的规定. Электронный ресурс:

<http://www.xmsyxb.com/fileup/0366-6964/ITEM/20190828170352.pdf>

⁵ Ван Шуин Культурное взаимодействие Китая и Индии. – Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2013, с. 37.

⁶ В. Ф. Щичко. Практическая грамматика современного китайского языка, – М.: Восточная книга, 2014, с. 44.

⁷ <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%B5%E5%AD%90%E5%95%86%E5%8A%A1/98106?fr=aladdin>

китайском рынке электронной торговли достигла 29,16 трлн. юаней, что на 11,7% больше, чем в прошлом году).

Как видно в примере, дробные числа, записываются по формуле целая часть + точка (点 diǎn) + дробная часть, проценты оформляются традиционным знаком. При переводе словосочетаний с дробными и процентными числовыми обозначениями, например, 90.5 分 (в документе об образовании) или 淋巴细胞百分比 LYM% 32.3 (正常值: 20-40 %)¹, важно помнить ещё и о том, что в русском языке при обозначении дробного числа употребляется не точка, а запятая, т. е.: 90,5 баллов или количество лимфоцитов 32,3 % (при норме: 20-40 %).

Если говорить о переводе числовых обозначений в сочетаниях, связанных с процентным, долевым или кратным выражением количества, то определённую актуальность приобретают некоторые особенности традиционной математической логики, понимание которых может исключить возможность переводческих ошибок. Так, например, при переводе следующего предложения важно знать, что показатель кратности в китайском языке 倍 (bèi – раз; крат) переводится по формуле: номинал + 1, т.е. 多一倍 (duō yībèi) – вдвое больше, а 番 (fān – раз, крат) переводится по формуле удвоения номинала, то есть 翻两番 (fān liǎng fān) – увеличить в четыре раза и т. д.

Числовые обозначения могут содержать также и названия разделов и статей разного рода регламентов, например, в иерархической цепочке составляющих кодекс частей можно увидеть следующие наименования: 第一章总则 (dìyīzhāng zǒngzé, Раздел 1. Общие положения), и далее 第一条 (dìyī tiáo – Положение 1). Отличительной особенностью употребления числительных в такого рода сочетаниях, является наличие префикса 第 (dì), указывающего на порядковый характер, и использование особого знака препинания (каплевидной запятой) в нумерованных списках, например:

一、 合同规定的款项应按下列方式支付: ...

(пер.: 2. Предусмотренные контрактом платежи должны быть осуществлены следующими способами...).

Вопрос, связанный с переводом и оформлением дат, может оказаться важным при переводе, в связи с различиями записи даты на китайском и русском языках, актуальность в этом случае имеет, во-первых, последовательность записи: сначала день, затем месяц, затем год; во-вторых, возможность записи названия месяца прописью. Возможность ошибки исчезает, если месяц указан прописью, а год полностью, однако, при полном цифровой записи могут возникнуть сложности, особенно в случае, если на позиции месяца стоит числительное от одного до двенадцати.

Среди распространённых способов оформления дат в письменных текстах на китайском языке можно отметить записи с использованием

¹ В медицинском сертификате.

китайских цифр, например, 二零一零年六月廿一日 или 二二〇一〇年六月十五日; смешанные записи с использованием арабских цифр и китайских слов, например, 2016 年 06 月 20 日; а также цифровые записи, например, 2008-08-04, временные отрезки в которых в отличие от русского языка отмечены дефисом, а не точкой. Однако, независимо от способа записи даты, сохраняется привычный для китайцев формат, актуализирующий одну из доминантных особенностей логического развёртывания смысла: от большего к меньшему, то есть при указании даты строго соблюдается порядок: 年 – 月 – 日, т.е. г-м-д, который должен учитываться при переводе на русский язык¹.

Если говорить о названии дат в современных публицистических текстах, то в отличие от исторических дат, они чаще всего записываются арабскими цифрами, например: 2013 年 9 月 25 日, 云南省国际旅行社因未办好入台证造成 49 名赴台游客滞留机场.² (пер.: 25 сентября 2013 года сорок девять тайваньских туристов международной туристической службы провинции Юньнань застряли в аэропорту из-за невозможности получить разрешение на въезд).

При переводе письменных текстов с китайского на русский язык, кроме специфики порядка следования компонентов, составляющих дату, обнаруживаются и другие особенности. В печатных текстах на китайском языке почти не применяются римские цифры, используемые для обозначения веков, чаще всего века записываются арабскими цифрами, например, 在 19 世纪末 20 世纪初, 翻译对中国的语言革新、文学改造和社会变革起到了不可替代的作用³. (пер.: В конце XIX начале XX вв. перевод играл незаменимую роль в процессах развития языка, литературного творчества и общественных преобразований). Или, 21 世纪的竞争就是人才的竞争. (пер.: Конкуренция в XXI веке – это конкуренция за высококвалифицированные кадры⁴).

Если речь идёт о каком-либо периоде китайской истории, используются другие способы обозначения времени. Так, одним из наиболее

¹ Как известно, формат д-м-г (день, месяц, год) является самым широко используемым в мире. Он используется в Южной и Центральной Америке (за исключением Белиза), Мексике, Африке; формат м-д-г (месяц, день, год) используется практически только в Соединённых Штатах. Помимо этого, это главный способ написания дат в Белизе и Микронезии, а также он является альтернативой к формату д-м-г на Филиппинах, в Саудовской Аравии и Канаде; формат г-м-д (год, месяц, день) используется в Японии, Китае, Северной Корее, Южной Корее, на Тайване, в Венгрии, Литве и Иране, а также он считается второстепенным в некоторых странах Европы и Азии, (цит. по работе Н. Дупленский «Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику». Электронный ресурс: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/>)

² 关于暂停云南省国际旅行社赴台游六个月的公告

³ http://www.tup.com.cn/booksCenter/book_06630401.html

⁴ <https://zhidao.baidu.com/question/1993450527623242307.html>

характерных способов обозначения исторического времени в китайской литературе используются девизы правления императоров. При переводе таким образом обозначенного в китайском тексте года следует, как минимум, уточнить его цифровое обозначение, например: 汤显祖在万历二十六年完成《牡丹亭》，至今已四百余年了。(пер.: *С тех пор, как Тан Сяньцзу в двадцать шестой год правления под девизом Ваньли (1598 г.) закончил писать «Пионовую беседку», прошло уже более четырёхсот лет*).

Ряд особенностей номинации событий и исторических фактов связан со спецификой китайского традиционного летоисчисления, состоящего в использовании для указания на год не цифрового, а словесного формата. Цикличность времени, по мнению древних китайских астрологов, предусматривала шестидесятилетние периоды, в рамках которого каждый год получал свое название. Для номинации временных отрезков использовались объективируемые логикой инь-ян концепции мироздания двенадцать знаков первого цикла, называемых «небесными стволами» (кит.: 天干 tiāngān) и десять знаков второго цикла – «земных ветвей» (кит.: 地支 dìzhī). Небесные стволы и земные ветви объединяются в двусложные номинативные комплексы по закреплённому специальной таблицей порядку (где по горизонтали расположены двенадцать «стволов», а по вертикали – десять «ветвей»), образуя закономерно повторяющиеся через каждые шестьдесят лет наименования: 甲子 jiǎzǐ (год *цзяцзы* – первый год шестидесятилетнего цикла), 乙丑 yǐchǒu (год *ичоу* – второй год шестидесятилетнего цикла) и т. д.¹. Таким образом, формируется один шестидесятилетний цикл, в котором каждый год имеет определённое наименование. Название года – это слово-комбинация знаков из двух циклов, определяющее его место в общей системе шестидесятилетнего цикла.

Названия событий также демонстрируют тенденции к использованию специальных знаков, например, известная Синьхайская революция (кит.: 辛亥革命 xīnhài géming) получила такое название, так как произошла в 1911 году, то есть в год 辛亥 *синьхай* – сорок восьмой год шестидесятилетнего цикла); Название Первой китайско-японской войны (1894–1895 гг.) образовано с использованием названия тридцать первого года шестидесятилетнего цикла – 甲午战争(кит.: jiǎwǔ zhànzhēng); контрреволюционное восстание в городе Чанша 21 мая 1927 года по-китайски называется 马日事变(кит.: mǎrì shìbiàn), где 马日 – указывает на двадцать первое число месяца и т. д.

Кроме того, названия событий могут включать лишь последовательность китайских цифр, связанных по формуле месяц + день, например, событие, ознаменовавшее вторжение японцев в Маньчжурию в сентябре 1931 года, называется 九一八事变(кит.: jiǔ yī bā shìbiàn), в указанных названиях

¹天干地支怎么使用. Электронный ресурс:

<https://jingyan.baidu.com/article/a378c960cfa13db3282830ec.html>

актуализируется традиционный порядок следования числительных, указывающих на месяц и день. Идентично записываются даты праздников, например, 十一(shíyī) – Первое октября (День образования КНР, 国庆节) или 三八(sān bā) – Восьмое марта (Международный женский день, 三八妇女) и др.

В китайских текстах можно найти факты, демонстрирующие употребление специальных иероглифических знаков для обозначения дня в телеграммах. Так, в первой половине XX века, когда телеграфный текст был одним из самых быстрых способов передачи информации, например, во время Гражданской войны, можно увидеть такое оформление: 十一月艳戌电令 (пер.: *приказ получен телеграммой от 29 ноября*), 29 число указано с помощью иероглифа 艳 yàn), кстати, даже название времени, для краткости могло быть обозначено словесной формой. В этой связи циклические знаки китайского языка представляют собой уникальные номинативные единицы, функционирование которых связано с употреблением числовых обозначений, актуализирующих тот или иной временной момент, например, двенадцатый циклический знак из ряда «земных ветвей» 亥(hài) использовался не только при обозначении года, но и для названия десятого месяца по лунному календарю, двухчасового отрезка времени с 21.00–23.00.

Иероглифический характер письменности всегда являлся доминирующим условием для обозначения цифровых значений или поиска способов более лаконичных формулировок. Так, например, в период Китайской Республики (1911–1949 гг.) в целях более удобного произношения в китайском языке некоторые двусложные слова заменялись односложными. Главным образом, это касалось чисел, обозначающих десятки. Специфическое обозначение десятков было вербализовано благодаря идеографическому характеру китайской письменности в следующих иероглифах: 十 shí 10, 廿 niàn 20, 卅 sà 30, 卌 xì 40, 圩 wéi 50, 圆 yuán 60, 进 jìn 70, 枯 kū 80. До сегодняшнего дня не утратили своей популярности первые четыре знака, остальные функционируют в языке с иными значениями¹. Первые четыре знака встречаются при оформлении дат в китайских документах, например, в документе о высшем образовании указана дата: 二〇一六年六月廿一日 (пер.: *21 июня 2016 года*), где вместо трёхсложного числительного, обозначающего число 21 (кит.: 二十一), было использовано двусложное образование 廿一.

Если говорить об употреблении циклических знаков в письменных текстах на китайском языке, требующих перевода на русский язык, то кроме событийной и временной характеристики, это могут быть письменные тексты, повествующие о неких А и В, номинированных в китайском тексте первыми циклическими знаками, или учебные материалы, где реплики в диалогах обозначены аналогичными знаками и т. д.

¹史海钩沉. 从“十廿卅卌”说开去. Электронный ресурс: <http://www.qfx518001.com/>

Перевод сочетаний с числовыми обозначениями в некоторых письменных текстах осложняется принадлежностью последних к официально-деловому стилю, основой которого стал язык официального общения в Древнем Китае – вэньянь. Одной из особенностей такого порядка является использование, например, в китайских личных документах, циклических знаков (главным образом, первых четырёх из представленного списка: 甲 jiǎ, 乙 yǐ, 丙 bǐng, 丁 dīng) для дифференциации степеней, рангов, уровней квалификации, и некоторых последовательностей, например: 甲等 jiǎděng, 乙等 yǐděng, 丙等 bǐngděng, 丁等 dīngděng или 二级甲等 èrjí jiǎděng (в сертификате на знание путунхуа) которое переводится как первая степень второго уровня.

Другим примером использования фактов языка вэньянь могут быть сложные иероглифические знаки для обозначения цифр. Согласно историческим свидетельствам употребление письменной формы цифр 1-10 壹、貳、叁、肆、伍、陆、柒、捌、玖、拾、佰、仟 связано с именем первого императора династии Мин Чжу Юаньчжана (1328–1398 гг.). Данный вариант записи цифр встречается, главным образом, в банковских, финансовых и бухгалтерских документах, чеках, справках о доходах и др., при переводе которых эта особенность стилового характера, будет причисляться к отличиям, связанным с понятием коэффициента нормы, и составлять большую трудность при переводе с русского на китайский язык.

Итак, при переводе числовых обозначений с китайского языка на русский язык следует учитывать, что в китайском языке наряду с арабскими цифрами широко используются не только китайские цифры, но прописные цифровые обозначения. В этой связи объективными становятся трудности, характер которых определяется следующими факторами: во-первых, особенностями, связанными с иероглифическим характером китайской письменности, то есть иероглифической записи цифр и проистекающими отсюда тенденциями использования арабских цифр в письменных текстах; во-вторых, специфическим характером четырёхзначной структуры разрядных числительных и способами сокращённой записи сложных числительных в письменных текстах, а также особенностями мировосприятия, которые находят отражение в системах времяисчисления и номинации, при которых использование циклических знаков определяет демонстрирующее отличие от других языковых традиций способы записи дат, временных показателей, названий праздников, событий и т.д.; влиянием древнего письменного языка вэньянь на стилистические признаки текстов, соотносимых с устной и письменной формами речи.

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

ПОЛЬ ЛАББЕ (1867 – 1963)

В КРАЮ ЛАМ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Лаббе, Поль Огюст (Paul Auguste Labbé), французский лингвист, этнолог, специалист по Сибири, член французского географического общества, генеральный секретарь торгового Географического общества в Париже (1905–1919) и Французского альянса (1919–1935). После окончания лицея учился на юридическом факультете и в Школе восточных языков, где, обладая исключительными данными к изучению языков, выучился русскому. В 1896 году Министерством народного просвещения Франции отправлен в научную командировку в Россию, с которой и начались его путешествия по стране. Один из лучших знатоков нерусских народов Сибири и Дальнего Востока России. Поль Лаббе совершил ряд поездок по восточным провинциям Российской империи (1896, 1897–1898, 1902, 1906). Его книги, насыщенные яркими бытовыми сценами и ценными этнографическими наблюдениями, представляют важный источник восприятия российской глубинки европейцем в конце XIX – начала XX в.

Глава 1. Забайкалье

Ламаизм в Сибири. Бандидо хамбо лама. Забайкалье, страна, флора и фауна; поселенцы и коренное население.

За высокими горами, покрытыми пихтами, за фиолетово темнеющей туманной каймой восточного берега Байкала, невдалеке от ухабистой дороги, по которой когда-то шли караваны из Китая, на берегу Гусиного озера, которое монголы, с бóльшим почтением, чем русские, называют Озером священников, находится резиденция Бандидо хамбо ламы. Издали монастырь, где он пребывает, имеет вид большой деревни, это главный монастырь буддистов в Сибири. Просторные и многочисленные храмы хранят великие богатства, почитаемые огромные статуи, святые реликвии, древние картины и рисунки, талисманы с могущественной силой, богов из золота и серебра. Вокруг его резиденции деревянные дома, где ламы в длинных жёлтых одеяниях с пурпурным полотнищем на плече, вдали от шума светской жизни, наставляют в законах и таинствах учения Будды своих учеников.

Буддизм в Российской империи исповедуют астраханские калмыки и буряты Забайкалья, монгольский народ, особенно меня привлекающий, который наряду с киргизами¹, можно поставить на первое место среди коренных народов Сибири. Буддизм бурятов тот же самый, который известен в Тибете и Монголии под именем ламаизма.

В XIV веке некий монах по имени Дзонкава (Dzongkhava), пришествие которого было возведено святыми книгами, предпринял реформу буддизма, которому он хотел вернуть былую чистоту. Ему удалось установить в нём иерархию и дисциплину, и он создал, возможно, по примеру католических миссионеров, большие монастыри, где дети учились под руководством монахов, известных под именем лам.

В Забайкалье находится тридцать два таких монастыря; во главе каждого стоит настоятель – шеретуи. Я посетил почти все из них. Чтобы добраться до них, приходилось передвигаться от стоянки богатого бурята до избы русского крестьянина, иногда и по железной дороге, иногда на плоту, а чаще всего в тарантасе, что за живописный край!

В качестве советника у меня был сам Бандидо хамбо лама, нечто вроде архиепископа, назначенного русским правительством среди трёх кандидатов, предложенных ламами всех монастырей. Имея резиденцией монастырь у Гусиного озера, он является высшим духовным лицом для буддистов Сибири. Я часто буду упоминать его в своих рассказах.

Забайкалье – одна из трёх провинций под властью Амурского генерал-губернатора. Площадь её больше Франции – 600000 квадратных километров, только чуть больше трети её подходит для оседлого образа жизни. Она образована верхним бассейном Амура и реками разной величины у Байкала: Верхняя Ангара, Баргузин и Селенга. Одни из них текут в Тихий океан, другие – в Северный Ледовитый через Енисей. Водораздел проходит через Становой хребет, самая высокая гора в нём высотой два с половиной километра – Чохондо (Tchokhondo)². У восточного его склона текут Ингода и Онон, которые образуют после их соединения Шилку, которая, присоединив себе воды Аргуни на самой границе, становится Амуром.

Температуры в Забайкалье чрезвычайны, средняя температура самого холодного месяца – минус 30 градусов, даже наблюдалась январская температура минус 38° в Нерчинском округе, который расположен не слишком высоко по широте. Снег в этом округе выпадает редко, и поздно начинают ездить в санях.

Северо-восток края покрыт лесами; остальное занято обширной степью. Растительность по виду чётко разделяется на две: она сибирская в сторону Байкала, монгольская – в сторону Тихого океана. Наряду с сосной, елью, лиственницей, берёзой и осиной, общими для обеих частей, есть виды,

¹ Киргизами именовали в описываемое время и казахов. (Прим. пер.).

² Чохондо (Tchokhondo) Автор так услышал название Сохондо. (Прим. пер.)

неизвестные в Сибири от Урала до Байкала: монгольский дуб, вяз, орех, дикая яблоня. Среди кустарников и трав отмечаются многие виды, свойственные даурской флоре, которая является переходной формой между растительностью сибирской и монгольской.

В животном мире также есть виды животных и растений, неизвестные в остальной Сибири. Среди насекомых отмечены переходные формы между континентальными и приморскими формами, ядовитые змеи и раки необычных видов. Очень различны рыбы двух склонов хребта. Наконец, появляются крупные хищники Маньчжурии и монгольские буйволы. Повсеместно обитают медведи, волки, кабаны, россомахи, олени, козы, мускусные олени, сурки, красные и серые лисы, соболя, выдры, хорьки и белки. Мир птиц разнообразен и многочислен: насчитывается 328 видов, из которых 240 европейских, 43 собственных Китаю и Японии, и 45 собственно забайкальских. Впрочем, их много только летом, зимой в лучшем случае их остаётся видов 50, остальные прилетают огромными стаями в марте и апреле. Дорогу они знают, летят над долинами и берегами озёр. Перелёт над монгольскими степями утомителен, и они массами приземляются в тех же самых более гостеприимных местах.

В Забайкалье живёт 684 тысячи человек, 351 436 мужчин и 333 454 женщин. Область разделена на 8 уездов: с центрами в Чите, Акше, Баргузине, Нерчинске, Нерчинском заводе, Селенгинске, Троицкосавске и Верхнеудинске.

Область пересекают три большие дороги, по первым двум шли караваны из Срединной Империи, одна для товаров из Маньчжурии, другая, ещё более важная, называемая ещё чайной, заканчивается в Кяхте. Третья пересекает Забайкалье с востока на запад. Транссибирская магистраль, которая идёт в том же направлении, захватила большую часть её перевозок.

Сначала огибая Байкал, железная дорога поднимается к северу по долине Селенги, затем после Верхнеудинска идёт по долинам Уды и Арикижа (l' Arikija). После важной промышленной станции Петровский Завод, линия идёт вдоль длинной и живописной долины Хилка, потом тяжело поднимается по склонам Станового хребта и доходит до Читы, главного города области. Во время моего путешествия дорога была очень интересна, но местами и опасна. Путь идёт по очень живописным берегам рек, буквально впритык к горным склонам, но работы по укреплению склонов и полотна дороги сделаны неудовлетворительно, и скалы, готовые обвалиться, нависают над поездами. При таянии снега земля начинает скользить и рассыпаться под весом корней и самих деревьев, и они падают на путь вместе с увлекаемыми ими камнями разной величины. Я был свидетелем многих аварий и несчастных случаев. После Читы магистраль идёт вдоль Ингоды, которая после слияния с Ононом называется Шилкой. Дорога доходит до Нерчинска и заканчивается в Сретенске, от которого она в ближайшем будущем пойдёт по левому берегу Амура. Перед Нерчинском на станции

Кайдалово, берёт начало линия, которая, выйдя за пределы области, называется Трансманьчжурской.

Железная дорога имела благотворное влияние на торговлю и заселение края. Русская колонизация была успешной в Забайкалье, где много плодородной земли и обильных пастбищ. Обрабатывается более 300 тысяч гектаров, поселенцы оставляют землю под пар или разрабатывают целину. Урожаи варьируются между двумя и четырьмя миллионами центнеров. Этого урожая достаточно для местных жителей области, а иногда и для соседей в бассейнах Ангары и Лены.

Крестьянская колонизация края вызвала к жизни появление некоторых видов местной промышленности. Наиболее процветает и наименее благоприятствует здоровью и общественной морали производство водки: открыто три завода, годовое производство которых достигает 1 732 200 рублей. По степени важности вторым идёт производство цемента – более 10 миллионов рублей в год.

Русское присутствие кроме того представлено вдоль границы казаками, которые занимаются огородничеством и освоением новых земель. Иногда они живут вперемешку с крестьянами, живут они по долинам рек Чита, Чикой, Онон, Ингода и Шилка.

Местная администрация желает привлечения в область новых поселенцев, и что бы ни говорили буряты, претензии русских законны. Мы должны отдать дань справедливости русскому поселенцу, скромно делающему своё дело, не подозревая, что он является главным двигателем цивилизации в Сибири. К несчастью, сельскохозяйственная зона не очень обширна, и становится всею меньше доступных земель. Возникает для новых поселенцев необходимость взять земли бурят. Под предлогом, что буряты занимаются только скотоводством, и им нет необходимости в новых землях для земледельческой колонизации, стали распоряжаться этими землями. Нынче предполагается дать каждому некоторое число десятин (*dessiatines*)¹ земли таким образом, что большие стада не могут больше существовать, и коренное население должно заниматься сельским хозяйством и освоением земли. В долине Селенги буряты вынуждены становиться вопреки своему желанию земледельцами. Скотоводство, несмотря ни на что, остаётся главным их занятием. В области насчитывается 650 тысяч лошадей, 1 миллион 300 тысяч крупного рогатого скота и полтора миллиона мелкого.

Луга хорошо поливаются, и пастбища превосходны; к сожалению, эпизоотии² часты и ужасны по последствиям. Иногда приходится забивать целые стада.

¹ Десятина соответствует 1 гектару 092. (Прим. автора).

² Эпизоотия – повальная болезнь скота (Прим. ред.).

Буряты, численность которых достигает 180 тысяч человек, не единственные коренные жители области. Есть еще тунгусы и ороchonы; они-то и есть настоящие дикари, число их сокращается с каждым годом. Они занимаются оленеводством, охотой и рыболовством.

Глава 2. На дороге в Кяхту

От Байкала до Селенги. Верхнеудинск. Сибирская гостиница. Поп и лама. Судоходство на Селенге. Дорога в Кяхту.

От Мысовой, куда нас доставил знаменитый ледокол, наш поезд катился по восточному берегу Байкала среди осин и берёз, над нашими головами горел огромный еловый лес, погибающие старые стволы корёжило со страшным треском. Солнце казалось кроваво-красным из-за дыма, закрывавшего потемневшее небо, и под его ослабевшими лучами через прибрежную зелень Байкал казался тёмно-зелёным с оранжевыми там и сям пятнами.

Иногда наш поезд проезжал мимо уже уничтоженного пожаром леса. От леса остались только обугленные гигантские кучи, ничего не росло на усыпанной пеплом и горелым валежником земле, ни одного признака жизни в этом опустошении, и только шум проходящего поезда будил давно приговорённое к молчанию эхо. Затем наступал черёд зелёных лугов с весело журчащими под ивами и берёзами ручьями, ковёр ярких цветов веселил глаза: жёлтые тюльпаны, голубые барвинки и розовые ромашки. Потом поезд проходил между сводами строевого леса, где огромные вековые ели вздымали к небу гигантские цвета ржавчины стволы, и в вагоны заносило запах зрелой земляники и дикой смородины.

Далее магистраль пошла по бассейну Селенги. Горизонты стали шире, лес вперемешку с зелёными лугами сменялся болотами с зарослями кустарников и камыша. Наконец вдали показался город с возвышающимся над ним белым зданием тюрьмы, город Верхнеудинск с красными и голубыми колокольнями, кокетливо чарующий под обманчивыми миражами лучей заходящего солнца. Издали он действительно великолепен, а вблизи – это только большая деревня, похожая на все уездные городки Сибири с их широкими пыльными улицами, деревянными домами, печально однообразными, как и в большинстве городов России. И, однако, иллюзия ещё продолжалась, когда я постучал в гостиницу, где мне нужно было провести ночь: солнце спускалось во всём своём великолепии, покрывая пригородные холмы густым голубым туманом.

Я оказался в сибирской гостинице, гостинице, в которую несмело вступаешь на пороге ночи несколько взволнованным предстоящей борьбой с ненасытными насекомыми. Но моя комната показалась мне чистой, а бельё, вручённое мне, белейшим, что придавало мне уверенности. Я обратил внимание, что один из моих чемоданов остался в экипаже, в котором меня

привезли с вокзала. Пока мне готовили ужин, я пошёл в сарай за забытым багажом. Ночь наступила быстро, и я всё время наткался на свиней, дремавших вокруг телег и экипажей. Наконец в темноте моя, может быть, немного энергичная длань наткнулась на чемодан, показавшийся мне удивительно большим. Раздался крик – я перепутал экипажи и разбудил заснувшего путешественника. «Какого чёрта, дурак, ты меня разбудил?» – была его первая реплика. Вторая была любезней: «Что, ужин уже готов?»

Меня приняли за хозяина гостиницы, и путешественник смешался в извинениях, когда понял свою ошибку. Это был поп, крепко сбитый здоровьем. Мне, занятому в мыслях поисками священников Будды, пришлось встретить для дебюта одного из миссионеров, призванных к наставлению в вере коренного населения. Мы поужинали вместе. «Божественный напиток!» – вскричал поп, поднимая полный стакан водки за моё здоровье. Сибирские попы, к сожалению, почти все таковы; слишком часто они несравненные питухи, иногда только их жены могут не уступать им в этом. В большинстве случаев они очень гостеприимны, но почти без всякого образования, любят выпить и поиграть в карты, давая – увы! – таким образом, своей пастве плачевный, но хорошо воспринимаемый пример для подражания. Я попытался расспросить миссионера о бурятах, но ничего не мог добиться. Ему всё время надо было водки, и – вещь чрезвычайно удивительная в Сибири – водка в буфете закончилась. «Пьянь ты такая, – повторял поп хозяину, – ты выхлестал всю водку, и выхлестал в одиночку!»

Он встал, качаясь, хозяин взял его под руку и повёл попа к телеге, на которой тот должен был отправиться в путь. Я вышел с ними, за высоким казаком, освещавшим нам путь с фонарём. Повозка была высокая, и поп, вдребезги пьяный, несмотря на все предпринимаемые им усилия, не мог в неё взобраться; он материл повозку, поносил всячески хозяина всё более хриплым голосом. Наконец, когда он поставил ногу на подножку без дальнейшего успеха в подъёме, казак, не говоря ни слова, поддел руками выдающееся поповское седалище и сильным толчком пихнул в экипаж. Несчастный мелькнул в воздухе и рухнул всей тушею, под которою экипаж издал горестный хруст. Мне показалось, что поп ушибся, но звучный храп меня разуверил: едва попав в экипаж, он уже спал сном праведника.

Я вернулся в комнату, не преминув задать хозяину никого не удивляющий в Сибири вопрос: «Не слишком ли много у вас клопов?». Последовало уверение хозяина в полном благополучии гостиницы в этом отношении. Я радостно распостёрся на кровати. Через несколько минут чувствую, что меня атакует, поднимаясь от ножек к изголовью, кровати целая армия насекомых. Подымаюсь, бью, давлю, но к врагу со всех сторон ползут подкрепления. Начало светать, в отчаянии звонком вызываю хозяина, которого, думаю, раздавил бы как простого клопа. Тот входит, старый смешливый поляк. Он не кажется удивлённым, увидев беспорядок на моей кровати, глаза его улыбаются за толстыми стёклами очков. «Вам, путешествующему по

заданию французских музеев, какую великолепную коллекцию насекомых можно было бы собрать у меня этой ночью!» Экипаж был готов, и меня уже ожидал чиновник, назначенный уездным начальником сопровождать меня до Селенгинска, откуда я должен отправиться к Гусиному озеру и монастырю Бандидо хамбо ламы, и мне оставалось только отправиться в дорогу. Верхнеудинск уже проснулся, теперь я уже его видел при лучах восходящего солнца. Я его снова увидел таким, каким он был несколько лет назад, когда я ездил на каторжный Сахалин. В городе восемь тысяч жителей, довольно большие суда здесь нагружаются китайскими товарами из караванов, идущих по кяхтинской дороге. Базар очень шумный и многолюдный, особенно во время оживлённой ярмарки в январе, на которую съезжается много народу. На неё приезжают русские, бурятские, китайские и монгольские купцы. Торговый обмен часто достигает 4 миллионов франков, хотя ярмарка носит местный характер; продаваемые товары по большей части здесь и производятся, на ней также много мехов, чая, тканей и китайского фарфора.

Селенга, протекающая через Верхнеудинск, берёт свое начало в Монголии, пересекает границу возле Кяхты, орошает самую плодородную часть области и впадает в Байкал, образуя болотистую дельту; её длина 1300 км. Эта большая река служит для перевозки зерна (от 8 до 10 миллионов кг ежегодно). Суда нагружаются также лесом, шерстью, водкой и шкурами. Течение довольно быстрое, но глубина её достаточна для летней навигации; однако есть риск наткнуться на подводные камни. Лёд устанавливается в октябре, а ледоход происходит только в конце апреля. Товары, доставленные на берег Байкала, перегружаются на другие суда, так как небольшие селенгинские суда не осмеливаются бороться со штормами на великом озере.

У русских есть мечта, впрочем, вполне реализуемая, везти забайкальские товары в Архангельск: следовало бы улучшить условия тяжёлой навигации по Ангаре довершить канал, пользу которого ещё не понимают, и соединить бассейны Оби и Енисея. Известно, что суда заходят из Белого моря в Обь, и один корабль даже смог подняться к истоку Енисея.

Дорога, которая идёт из Верхнеудинска к монгольской границе, походит на все большие сибирские дороги. Это широкое, пыльное полотно, которое при таянии снегов превращается в трясину. Степь тянется насколько видеть можно, бесконечная, пустая, неразработанная, без малейшей древесной растительности. Недалеко от города, дорога стремительно спускается к Селенге, паром устроен в этом месте для переезда через реку. Сибирские паромы самых разных видов; иногда это ряд сцепленных друг с другом барок, последняя закрепляется на берегу, удерживает паром, чтобы быстрое течение его легко не снесло. Другие представляют канат, протянутый с одного до другого берега, и паром передвигается перебиранием руками за канат. Я видел паромы с колёсами, которые крутят лошади, как на наших каруселях.

Паром на Селенге довольно большой; на нём уже стояли крестьянские телеги. Мы уже отплывали от берега, как услышали крик, всадник нёсся к нам во весь опор. На нём была жёлтая одежда и на плече широкая красная лента. Накануне я ужинал с попом, и у меня была надежда пообедать с ламой, который в самом деле сопровождал меня несколько часов. Он не русский подданный, живёт в Монголии, а сейчас заезжал к родителям. Мы ехали быстро, почти никого не встречая на пути. Чаще всего степные просторы представляли печальный вид, иногда мы пересекали равнины с извилистыми ручьями с берёзками над ними. Птицы немного оживляли пейзаж: серебристые трясогузки, подняв хвосты, бегали друг за другом, издавая радостный писк; стаи уток тяжело переваливались у прудов и речек, большие цапли, серые и белые, держались неподвижно, стоя на одной ноге. Казалось, они не слышали бубенчики тарангасы и продолжали предаваться мечтаниям и философствовать, не соизволяя обратить на нас взгляд.

Слева мы заметили ламаистский монастырь, и, если употреблять его монгольское имя – дацан (datsane). Это не очень большой монастырь. Он походил на небольшую деревню, увешанную многочисленными деревянными колокольчиками. Лама должен был в нём остановиться, но он предложил сопровождать меня несколько километров далее; мы выпили чаю у его сестры. Она, монголка, как и лама, вышла замуж за бурята. Она жила в летней палатке совершенно круглой формы, сделанной из овечьего войлока, похожей на юрты, в которых я ночевал много раз у киргизов на берегах Балхаша и в Туркестане. Несколько более скромных юрт, почти чёрных, находилось в окрестностях, и большое стадо лошадей паслось на соседнем холме. Внутри главной палатки было очень чисто; совсем рядом с ней стояла другая палатка поменьше, она была поставлена в честь монгольского ламы. Для него были открыты ящики с драгоценностями, яркие ковры покрывали пол; нечто вроде пуховика, сделанного из китайских тканей, ему служило кроватью, и бронзовые божки с приношениями находились на почётном месте.

«Вы, конечно, врач?» – спросил я своего нового друга. Посреди статуэток Оточи (Otochi), воплощение врачебного гения Будды, занимало почётное место, между Айюши (Aiouchi), дающего долгую жизнь, и Маньджушири (Mandjouchiri), бога смелости, воплощением которого является китайский император. Лама ответил утвердительно. После приёма в своей палатке лама пригласил меня посетить мужа сестры, где было приготовлено угощение. Я собирался выходить, когда лама с серьёзным видом подошёл ко мне с голубой шёлковой лентой в руке, и по монгольскому обычаю, которого я ещё не знал, поблагодарил за посещение и подарил её в память хорошо проведенного вместе времени. За время моего путешествия я получил неисчислимое множество лент подобного рода, хадаков (khadaks), если называть их собственным именем.

Буряты мне приготовили нечто вроде рагу с бараньим мясом и картошкой, потом были поданы сласти с чаем. Вся семья понимала русский язык. Хозяин дома, один оставался безмолвным, впрочем, его жена не давала ему и слова молвить. У неё куча ребятишек, о которых она говорила с чисто материнским восхищением. Одна из дочерей носила украшения невесты, грудь и рукава были с металлическими украшениями. Другая дочь, только что вышедшая замуж, сидела рядом с молодым супругом, они переглядывались между собою с видимым удовольствием.

– Славно, когда они вот такие юные и так смотрят, – говорит мать.

– Не напоминает ли вам это вашу молодость? – спросил я с улыбкой.

Добрая женщина расхохоталась, и её муж, впервые высказался, положив ей руку на плечо: «Она заслуживает того, чтоб на неё смотрели, старушка. Такой не найдёшь во всей округе».

На угощении присутствовал и совсем молодой парень, племянник моего хозяина, который предложил сопровождать меня по окрестностям и захватить за мной в монастырь у Гусинога озера. Нима, это было его имя, сдержал свое обещание, и мы его скоро увидим. Лама сопровождал меня несколько минут на лошади рядом с моим экипажем. Больше он мне ничего не говорил, и вдруг, пожелав доброго пути и попрощавшись, подал мне бумагу. В ней были написаны четыре правила, которые Будда Сидарта (Sidarta) установил для блага людей, когда он познал истину: «Несчастье сопровождает человека всю жизнь», «Источник всей жизни в желании и страстях». «В жизни освобождаются, освобождаясь от страстей и желаний». «Освобождение достигается благодаря нирване».

«Исполняя эти правила, – добавил лама, – наконец достигаешь мудрости!» И не сказав больше ни слова, повернул лошадь и медленно поехал к родительскому жилью. Пели рядом со мной птицы, поднялся лёгкий свежий ветерок. И вдали на горизонте солнце искрило странные очертания крыш монастыря, перед которым мы проезжали.

Чтобы попасть в Селенгинск, я проезжал несколько деревень, где я менял лошадей. В одной из деревень жили семейские, русские раскольники, которые были сосланы когда-то в Забайкалье, где создали цветущие поселения. Я видел большие поля зерновых, среди которых первое место, казалось, принадлежало яровой ржи: эта рожь питает самую большую часть населения, она очень высокого качества, зерно её очень полное, и ни в чём не уступает пшенице, часто оно тяжелее и крупнее. Поля с пшеницей занимают 14% засеваемой площади, овёс – 12%, рожь – 5%, проса выращивается мало; в бассейне Шилки поля с гречихой больше пшеничных. После узкой дороги панорама становится шире и к ночи появился Селенгинск, местоположение которого мне показалось очаровательным. На почтовой станции остановилось много проезжающих. «Ой, да это вчерашний француз!» – закричал из глубины комнаты верхнеудинский священник.

Я подошёл пожать ему руку, на столе лежали куриные кости и почти пустая бутылка водки. Он размашисто мостил своё ложе на полу. «Я приехал раньше вас, – сказал он мне, – и отправился последним. Только у меня везде прямая дорога, в то время как вы останавливаетесь у лам, ламы люди неинтересные, это дикари, в то время как мы...»

Взалкав спиртного после размашистых упражнений с ложем, поп проглотил оставшееся в бутылке и растянулся на ложе со вздохом глубокого удовлетворения.

«В то время как вы цивилизация», – сказал ему я. Поп кулаком взбодрил упрямую подушку и спокойно повторил: «В то время как мы цивилизация!» Повернулся спиной и, не пожелав мне доброй ночи, заснул.

Перевод с французского Николая Епишкина

ВИКТОР БАЛАБАНОВ (1925 – 1997)

REISENDE

Im Jahre 1912 fuhren durch Tschita einige Reisende, die auf eigene Initiative Weltreisen und Reisen durch die russische Weite unternahmen.

Am 9. Juni kam hierher mit seinem Fahrrad der Sportler M. I. Nairnyi. Er fuhr aus Wladiwostok am 15. Mai ab, eine Fahrradrouten vorgeplant: Harbin – Irkutsk – Wernyi – Taschkent – Kaukasus – Krim – Charkow – Moskau – Petersburg. Am 23. Mai war Nairnyi in Harbin, am 27. Mai fuhr er von dort aus ab, am 5. Juni kam er in der Mandschurei an. In Tschita verbrachte er nur einen Tag. Es ist zu bemerken, dass die Ankunfts- und Abfahrtszeit des Sportlers von einem Polizeihauptmanns der 4. Abteilung der Tschitaer Stadtpolizei beglaubigt wurde.

Im Juli kam in Tschita Fußgänger-Sportler S. Ritter an. 1450 Wersten ging er von Chabarovsk bis Tschita zwei Monate lang, am 3. Juni machte er sich auf den Weg nach Petersburg.

Beide Tschitaer Zeitungen – „Dumy Zabaikalja“ und „Zabaikalskaja Nowj“ merkten die Ankunft des Bulgaren Welitschkow in der Stadt. In dem Artikel „Rund um die Welt“ schrieben „Dumy Zabaikalja“:

„In Tschita weilte der bulgarische Journalist-Schriftsteller, Weltenbummler Konstantin Welitschkow. Seine Reise hat er im Januar 1903 begonnen, er hat Europa, Afrika, Australien, Asien und Amerika abgewandert und jetzt hat er, 70000 Wersten zu Fuß zurückgelegt, den Rand des russischen Reiches erreicht. Danach kehrt er in seine Heimat zurück. Er beherrscht sieben Sprachen, Reisemittel verschafft er sich durch den Kartenverkauf mit dem Bild des Reisenden. In Tschita hat man die Karten mit seinem Autogramm sehr gerne gekauft.“

In Bulgarien lebte am Ende des XIX. und am Anfang des XX. Jahrhunderts Schriftsteller Konstantin Welitschkow. Er war eine bekannte Persönlichkeit in der bulgarischen Kultur. Ob er derselbe Welitschkow war, ließ sich nicht feststellen.

/Путешественники. Из книги В.Ф. Балабанова «Строкой и памятью отмечено...». – Чита: Экспресс-издательство, 2007. СС. 127–128./.

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ЛЮДМИЛА ЭМИРЗИАДИ

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 году)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Уважаемые читатели! В нашей рубрике «Эпистолярное наследие декабристов» мы продолжаем публикацию перевода страниц нового романа известной французской писательницы, обладательницы нескольких престижных литературных премий Франции и кавалера Ордена Национального Достоинства, Ирэн Фрэн (Irène Frain) «Я последую за тобой в Сибирь» («Je te suivrai en Sibérie»). Книга появилась во Франции в издательстве Paulsen (Польсэн) 19 сентября 2019 года. А в 2020 году Ирэн Фрэн была удостоена ещё одной значимой литературной премии Франции – Премии Интералье (фр. Prix Interallié).

Книга «Я последую за тобой в Сибирь» написана по следам мемуаров Прасковьи Егоровны Анненковой, в девичестве Полины Гебль (Pauline Geuble), которые она продиктовала своей дочери Ольге, единственной из детей Анненковых, кто помнил все тяготы тюремной жизни и железные оковы. Француженка по происхождению, русская волею судьбы, по свидетельству современников, до конца жизни Прасковья Егоровна говорила по-русски довольно плохо, поэтому доверила свой рассказ дочери. Воспоминания были озвучены и записаны на французском, затем Ольга Ивановна перевела их на русский язык и издала в 1888 году в ежемесячном историческом издании «Русская старина». Это было в далёком 19 веке.

И вот уже в 21 веке внушительная черновая копия, точнее, несколько кем-то исписанных толстых тетрадей из плотной бумаги, каким-то неведомым образом оказалась в одном из хранилищ Парижа и совершенно случайно попала в руки Ирэн Фрэн. Вот как она описывает внешний вид этих драгоценных рукописей.

«Титульный лист первой тетради отмечен большим коричневым пятном. Предположительно брызги чая... и эти следы исчезают только к десятой странице. Далее текст на русском, перебиваемый фразами на французском, достаточно читабелен. Вначале фразы следуют без малейших помарок. Затем зачёркивания, дополнения и следы чернил увеличиваются..., текст прерывается. Одна или несколько страниц оставлены пустыми,

несомненно, для того чтобы вставить некий эпизод в повествование... Случается, что страница наполовину разорвана. Сделано это грубо, вероятно в гневе, раздражении или боязни. Поскольку я не говорю и не читаю по-русски, и чтобы как-то приблизиться к тексту манускрипта, я решила обращать внимание только на фразы, написанные латиницей, которые возникали тут и там на этих почерневших страницах, исписанных кириллицей: «Любовь, которую я испытываю к Анненкову [...]. В вашей стране он был приговорён к смерти [...]. Милость, которую я получила, следовать за своим мужем в Сибирь...». Эти короткие фрагменты почти соответствуют решающим поворотам повествования. Я знала, что оригинал этого текста находится в Санкт-Петербурге в хранилище Института Пушкина, там, где русские берегут самые драгоценные сокровища своей литературы».

Чтение этих тетрадей было столь же затруднительным, сколь и занимательным, повествование увлекало и не давало покоя. Тогда было принято смелое решение ехать в заснеженную северную столицу России и раздобыть как можно больше информации об этой захватившей её истории. Зимний рейс Париж – Санкт-Петербург приблизил её к заветной цели. Ей удалось получить полную копию этих воспоминаний на французском языке, изданную в 1975 году. Соприкоснувшись с этим материалом, который проник ей в самую душу, всецело завладел всеми её помыслами, она уже не могла спокойно жить и работать. Решение о написании романа, возникшее как бы само собой, преследовало её постоянно. Ей хотелось всё больше и больше узнавать о своей отважной соотечественнице, а главное, ответить на терзавшие её вопросы: «Что заставило эту хрупкую женщину решиться на такой отчаянный шаг? Как хватило сил и мужества преодолеть все препятствия и отправиться в столь рискованное путешествие, да ещё вслед за государственным преступником? И, наконец, что пришлось ей вытерпеть, выстрадать, чтобы выжить, выстоять в суровых условиях каторги?» Однако информации, полученной в северной столице России, оказалось совсем недостаточно, оставалось слишком много белых пятен, и появилось ещё больше вопросов без ответа.

Но теперь она хотя бы знает, благодаря воспоминаниям, где искать следы своей героини во Франции. Из мемуаров Полины стало известно, что она родилась в Лотарингии, в замке Шампиньи, близ Нанси, в семье офицера армии Наполеона. Стало быть, прежде всего, необходимо было узнать всё, что только возможно, о тех местах, где прошли детство и отрочество Полины. И, хотя в воспоминаниях Полины этот период её жизни описан наиболее полно и ярко, Ирэн Фрэн отправляется в те места во Франции с надеждой найти свидетельства жизни своей героини. Но оказалось, что в родном городе Полины сегодня никто ничего о ней не знает. И лишь благодаря подробному описанию тех мест в мемуарах Полины, удалось найти старинные постройки, на втором этаже которых проживала Полина со своей матерью и сёстрами. Точнее сказать, это была полуразрушенная церковь,

некогда принадлежавшая монастырю Сен-Мишель, который был разорён ещё во времена наполеоновских войн. Впоследствии церковь обратили в дом, где расположили несколько квартир. И по сей день в этом доме живут люди. Сохранилась в современной городке другая церквушка, Сент-Этьен, в которой Полина принимала первое причастие, что является важным событием в жизни каждого католика. Но самым, пожалуй, важным из того, что удалось найти Ирэн Фрэн в родном городке Полины, – это запись факта рождения Полины. Эта запись сделана старинным витиеватым слогом и столь же витиеватым почерком в старинной книге с пожелтевшими страницами почти 220 лет назад. Вот, пожалуй, и всё, что удалось обнаружить. Следы ушедшей эпохи будоражили творческое воображение, манили, увлекали за собой, и как бы сама Полина незримо присутствовала и направляла. Поддавшись переполнявшим её чувствам в церкви Сент-Этьен, Ирэн Фрэн невольно приклонила колени перед алтарём и громко произнесла: «Полина, обещаю, я донесу твою историю миру, я проследую твоим путём, в Сибирь...».

Слово, данное перед алтарём, надо было сдержать, следовательно, пора собираться в Сибирь и пройти путь Полины, правда, не в экипаже, запряжённом парой-тройкой лошадей, а самолётом, поездом, на машине: Чита, Петровский Завод, Иркутск, Урик, Бельское и далее в Нижний Новгород, где Анненковы проживали после амнистии и где нашли свой последний приют. Ирэн Фрэн посетила и это последнее пристанище семьи Анненковых в Нижегородском некрополе, поклонилась могиле и возложила простенькие фиалки, скромные цветы, которые так любят выращивать женщины во Франции.

Страницы произведения, которые предлагаются сегодня вашему вниманию, как раз посвящены приезду Ирэн Фрэн в Читу¹.

Глава VII

Читинское сообщество

(продолжение)

КОГДА Я ПРИЛЕТАЮ В АЭРОПОРТ Читы – несколько зданий советской эпохи, асфальт, разбитый десятками зим, – у меня нет определённого плана, кроме как мчаться как можно быстрее в церковь, где венчалась Полина. Наряду с домом Елизаветы, это всё, что осталось от Читы, которую она знала. Каторжная тюрьма, старая крепость и жилища других женщин давно уже были стерты с лица земли.

У меня есть только один контакт: Людмила Э. Я ничего не знаю о ней, кроме того, что она преподаёт французскую лингвистику в Забайкальском

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 20, 2020, СС. 228–239. (Прим. ред.).

университете. Ей приходится прилагать немало усилий, чтобы поддерживать пламя, сибирские студенты теперь предпочитают изучать китайский язык.

Мы встречаемся у багажной ленты. Как только я забрала свои сумки, я сказала ей о церкви: «Мы едем в гостиницу, а потом посмотреть её?».

Она отвечает мне «да», что означает «нет». У неё другой план.

За несколько километров до города Людмила просит водителя остановиться. Она хочет показать мне панораму города. Я тотчас определяю место: это та самая точка, с которой Николай Бестужев рисовал долину Читы. Между его картинами и современным городом, к сожалению, никаких возможных совпадений. На месте нескольких бревенчатых домов, которые увидела Полина, выходя из своей повозки, стоят высотки, длинные вереницы бетонных зданий, сверкающие золочёные купола нового собора, огромная сортировочная станция и железнодорожные пути, где пересекаются на небольшой скорости бесконечные контейнерные поезда. Из того, что напоминает акварели Бестужева, остался только ельник, который венчает горы. Те же леса зелёного бутылочного цвета, та же трава цвета нефрита. Художник ничего не приукрасил, не изуродовал.

Я стараюсь отыскать, но не вижу церкви, где венчалась Полина. Как только мы сели в нашу машину – тойота с левым управлением, которые японцы массово и по низкой цене сбывают сюда – Людмила наблюдает за мной. Она предвосхищает мой вопрос: «Не беспокойтесь, мы увидим церковь, она превосходно сохранена».

Я не отступаю, я хочу попасть туда как можно быстрее:

– Мы посетим её сразу же по приезде?

Она опять уклоняется:

– Несомненно.

У неё на самом деле есть план. И только в Чите она раскрывает его, когда просит припарковать тойоту на стоянке ещё более переполненной, чем стоянка в аэропорту. Она указывает мне на большое кирпичное здание бледно-жёлтого цвета, затем на табличку, которую она лукаво переводит мне на хороший французский язык без акцента: «Государственный архив Забайкальского края! Я хочу, чтобы мы начали отсюда...».

*

Ожидала ли я оказаться в архивном хранилище? Это, конечно же, последняя мысль, которая могла бы прийти мне в голову. Даже не знаю, почему. Предраассудок, несомненно. Фантазия революционеров 1917 года начать всё с чистого листа, которая жила ещё в умах воинствующих коммунистов во времена моего детства и отрочества. Мой отец был социалистом и одним из них. Иногда я слушала их разговоры. Они были убеждены, что русские славно уничтожили до основания всё, что могло напоминать вблизи или издалека царский режим.

И вот я нахожусь в офисе, который ломится под горами записей императорской администрации. Другая Людмила, блондинка, в отличие от первой – брюнетки, принимает меня. Она смеется: «Это наш сюрприз!».

Она прекрасно чувствует себя среди этих стопок колдовских книг с запятнанными картонными или потёртыми джутовыми переплетами. Они разложены повсюду. На полу, стульях, на её рабочем столе, где они образуют нечто вроде башни.

С впечатляющей энергией и уверенностью она достаёт из одной груды том документов, изучает связку из плотной бумаги. И неожиданно, повелительно, указывает на верх одной страницы: «Запишите код. 131, на обороте № 144, папка № 20, страница 123. Свидетельство о заключении брака Полины».

*

Из уклончивых фраз Полины, Марии и их близких, я предчувствовала, что этот день 4 апреля был очень тяжёлым моментом. Благодаря тексту, который мне перевела Людмила-брюнетка, я оценила его суровость: «Государственный преступник Анненков, первым браком, женится на иностранке, Прасковье Егоровне». На этой предварительно разлинованной странице – номер, который обозначает, что это была двенадцатая свадьба в Чите с начала года, далее – упоминание имени служителя культа, некий Симеон Титов, и личностей свидетелей жениха. Ни единого слова о Наталье. Либо женщины не считались достойными статуса свидетелей, либо хотели скрыть присутствие такой знатной и уважаемой аристократки рядом с Полиной.

Архивариус закрывает книгу записей с продолжительным вздохом: «Книги похожи на нас, у них есть душа...». Затем она берёт в руки второй том: «У меня есть кое-что ещё, чтобы показать вам».

На этот раз она немного теряется. Пока она листает страницы, я бросаю взгляд на её офис. На стене напротив её рабочего стола – две гравюры. Первая – монтаж, совмещение портрета Александрины и эскиза мавзолея, который построили для неё ссыльные после её смерти. Вторая изображает свадьбу Полины. Не так, как она проходила на самом деле, а так, как жителям Читы нравится изображать: Полина и Иван перед церковью приветствуются Лепарским в отличной униформе и двумя женщинами из их сообщества, несомненно, Александринной и Марией.

Людмила-блондинка знает лучше, чем кто бы то ни было, что эта сценография придумана с нуля: она посвятит всю вторую половину дня, чтобы наглядно объяснять мне, опираясь на архивы, что свадьба Полины не имела абсолютно ничего романтического. И, тем не менее, в тот день, когда она захотела внести свой личный штрих в своем строгом маленьком офисе, её выбор пал на эту выдуманную картину. Её глаза видят эту сцену, всякий раз

как только она отрывается от своего компьютера. И возможно, это подбадривает в работе.

Людмила как раз находит то, что искала: бухгалтерская отчётность Лепарского. Каждая страница этих книг записей является новой иллюстрацией унижений, предписанных царской администрацией женам ссыльнокаторжных. Им было запрещено держать деньги. С момента их прибытия комендант конфисковал их бумажники.

Вероятно, они были предупреждены об этом. Во время путешествия большинство из них спрятали часть денежных средств в своих шиньонах, а прибыв на место, спрятали их в своих домах. Большинство этих секретных фондов, объясняет мне Людмила-блондинка, использовали для взяток охранникам и на непредвиденные расходы. Для текущей жизни они должны были просить деньги у Лепарского и уточнять все свои самые незначительные расходы, вплоть до покупки белья.

Тюремные правила также предписывали коменданту прочитывать всю их почту, получаемую и отправляемую. Он знал о них всё – по крайней мере, то, что они позволяли знать, так как они очень быстро освоили искусство недосказанности, которым можно высказать всё.

Сокровище – эти тома бухгалтерской отчётности. Они запечатлели грубую реальность этих жизней, которые стали легендами. В них видно, как эти женщины день за днём обеспечивали своё материальное выживание и выживание заключённых. Случается, что они ждут целыми неделями, прежде чем получают продукты первой необходимости: мыло, муку, масло, чай, кофе, галантерею, свечи, бечёвки, щётки и столь же жизненно важные бутылки с чернилами, пачки бумаги, конверты, которые позволяли им сообщать семьям новости о заключённых, которым было запрещено вести переписку. Они разоряют себя, заказывая им книги и газеты, а с приближением зимы, предвидя удары холода, торопятся купить медикаменты, пиявок для кровопусканий больным. И запас вина. Прокипятив его и добавив туда пряности, они приготовят отличное укрепляющее средство.

Одна из семей время от времени отправляет одной из женщин огромную сумму. Получательница вспоминает, что она жила в роскоши. Из Иркутска, считай из Европейской России, она заказывает настенные часы, меха, шляпы, одеколон. Или, наоборот, одна из восьми женщин оказывается без средств – это много раз случалось с Полиной. Она занимает деньги у одной из подруг, которая располагает средствами. Нужно ещё получить разрешение Лепарского, который бережёт копейку и, как всему остальному, ведёт счёт долгам.

В зависимости от недель, тревога или надежда просачивается из этих больших страниц иногда бледно-синих, иногда светло-зелёных, по которым бежит, ровный и никогда не устающий почерк конторских служащих коменданта. Даже здесь, у ворот Монголии, они освоили до совершенства

устаревший и протокольный язык царской администрации. И они управляют невзгодами ссыльных таким же сухим пером, как и в Санкт-Петербурге.

*

Солнцестояние не ослабевает. Я потеряла всякое понимание времени. Я настолько зачарована этими книгами записей Людмила-блондинки, что я могла бы слушать её комментарии часами.

Моя разница во времени неожиданно напоминает о себе. Я зеваю один, второй раз. Людмила улыбается: «Пора остановиться...». Она подзывает своего ассистента и даёт знак разложить эти колдовские книги по своим полкам.

Когда я только вошла в её кабинет, я спросила себя, почему, помимо стопок журналов записей, он был перегорожен тележкой. Я понимаю: она служит для транспортировки архивов между хранилищем и этой комнатой. Однажды должностное лицо устало ждать субсидии, которые всё никак не приходили. Он стащил тележку в супермаркете, и проблема была решена. И вот именно в этом культовом предмете общества потребления я увидела, как исчезает отчётность Полины и её друзей, которые так часто нуждались во всём.

– Теперь хотите осмотреть церковь? Спрашивает меня другая Людмила.

Она шутит. Она увидела, что я больше не могу стоять на ногах.

Мы покидаем кабинет. Она слегка толкает меня в спину. Я делаю ей тоже самое. Несмотря на усталость, я чувствую себя весёлой. Благодаря этим старым бумагам я приоткрыла дверь мира Полины и обнаружила, за легендой из папье-маше, – кулисы её судьбы. Ещё немного, и я увижу её там, в кулуарах, толкающей тележку, в которой спит часть её жизни.

*

На следующий день Людмила-брюнетка организует для меня фестиваль встреч. Я подсчитываю: она, я, Людмила-блондинка, Надежда, Марина, Нина, Лариса и другая Марина: вот нас восемь женщин, пытающихся воскресить Полину. Это совпадение обращает меня к ангелам.

Утром я встречаюсь с Ниной, после обеда с Ларисой. Первая знает музей, который устроили в церкви, как свои пять пальцев; вторая долгое время царствовала в самой большой библиотеке города.

Затем очередь молодой Надежды и двух Марин. Каждая по-своему оберегает память о женщинах Читы.

Одни являются фанатками Марии и Каташи; другие могли говорить об Александрине и Елизавете до самой ночи. Но все они единодушно очарованы судьбой Полины и, как Людмила-брюнетка и Людмила-блондинка, они всегда грустят, когда вспоминают её свадьбу с Иваном.

Их рассказы пересекаются. Нина и Лариса подчёркивают, насколько сильным был холод утром в день церемонии. Между минус 15 и 20 градусами, утверждают они. В церкви, несомненно, было теплее благодаря печке, но только была ли она растоплена?

Поскольку всё было сделано на скорую руку: «Поспешишь – людей насмешишь», – негодовала Лариса. Церемония длилась не более четверти часа. Служитель культа сократил молитвы и умышленно опустил самый важный ритуал, тот, когда трижды спрашивают у брачующихся, правда ли они решили пожениться. Это разрушило всю прелесть, всю загадочность православных свадеб.

Что касается толпы, которая окружала церковь, она была там, чтобы посмотреть, как выглядит иностранка. Окрестные жители, которые иногда приходили издалека, никогда в своей жизни не видели и не могли понять, что могло толкнуть такую красивую женщину покинуть свою родную страну, чтобы выйти замуж за разорившегося человека без будущего.

По мнению Нины, жители деревни задавали себе много вопросов об этих «Месье с каторги», как они их называли, а наплыв зрителей сильно волновал Лепарского. Малейший инцидент в этот день, и его отстранят от должности.

НАКОНЕЦ Я ПОСЕТИЛА ЦЕРКОВЬ. Людмила-брюнетка сопровождала меня туда между рассказами Нины и Ларисы. Всё на месте, прихожая (сени), два храма, расположенных друг над другом, лестница. Она была расширена. Лепарский не рискует больше оказаться там застрявшим. Но ничего не осталось от религиозного убранства. В тридцатые годы, объясняет мне Нина, часовня была варварски разрушена, закрыта, затем снова открыта. Она служила помещением для общественных организаций, которые продолжали наносить ей ущерб. В семидесятые, наконец, спохватились, что вместе с домом Елизаветы эта красивая бревенчатая церковь является единственным свидетелем присутствия повстанцев 14 декабря в городе. Её переделали в музей.

Она выглядит как мавзолей, особенно в зале на верхнем этаже, который заменил летнюю церковь. Кажется, что под досками старого пола можно найти останки восьми женщин.

Посреди комнаты массивный камень, установленный на цоколь, задаёт тон: он воспроизводит даже по своему бледно-голубому цвету книгу записи свадьбы, хранящейся в архиве. Портреты новобрачных замещают текст имперской администрации. Легенда в трёх строчках, написание которых имитирует символы кириллицы прошлых веков: «4 апреля 1828, Церковь Святого Архангела Михаила, бракосочетание Ивана Анненкова и Полины Гебль». Унижение влюблённых было исправлено.

В глубине старинного святилища чувствуется сопротивление и сплочённость восьми женщин. Перед канделябром и букетиком разноцветных

маргариток воздвигли что-то похожее на алтарь их памяти. На двух симметричных панно тёмно-зелёного цвета представлены их лица. В своей овальной золотой оправе они производят впечатление. Посетители – ребята начальной школы, бабушка со своим внуком, группа прихрамывающих стариков, чьи дни сочтены, – застывают перед ними и предаются размышлениям. Никакого намёка на то, чтобы перекреститься как перед иконами, всё очень просто. После короткого созерцания каждый тихо пересекает в обратном направлении комнату, в которой хранятся реликвии эпопеи восьми женщин.

Сундук и шкатулка для драгоценностей принадлежали Марии. Она оставила их, покидая Читу, а почтительные руки их сохранили. Старые вышивки стежком; может быть, они были в руках Полины. Портреты Бестужева, на которых я узнаю Сандру, Елизавету и, конечно же, Полину и Ивана. «Новобрачные приходят сюда в день свадьбы, – подсказывает мне Нина. Это – паломничество, приносящее счастье. Они фотографируются здесь. Декор идеальный».

Она указывает мне на большую золочёную люстру, свисающую со свода старинной церкви, покрытую нежно голубой райской глазурью. Затем она приближается к старому пианино. Кто-то положил на него розу из белой ткани. «Некоторые новобрачные играют вальсы, – продолжает Нина. Или – мелодии Шопена...».

Через час по пути из церкви на повороте бетонного жилого квартала мне открывается бронзовая статуя двух влюблённых, которую можно было бы назвать «Предложение руки и сердца». Скульптор изобразил в ней коленапреклонённого Ивана. Блистательный в своем офицерском мундире, он не отрывает глаз от Полины, одетой в простое скоромное платье портнихи. Разве могла бы Золушка отвергнуть Прекрасного Принца? Она согласится, это очевидно.

По словам Людмилы и, как указывает табличка, установленная на одном из зданий, это парк «Любви и верности», который является местом встреч и знакомств. Рядом с этими влюблёнными из бронзы я замечаю большую скамейку с кованой спинкой. Десятки «замков любви» прикреплены к её металлическим частям, почти все в форме сердца, одни пылающие красные, другие розовые, как конфеты. Я предполагаю, что число молодых пар в Чите, как и везде, не слишком велико. Тем не менее, между церковью и этой статуей жители города всегда находят, о чём помечтать.

ВЕСНОЙ 1828 ГОДА свадьба Полины, несмотря на мрачную атмосферу, которая её окружала, произвела мощный возбуждающий эффект на её новых подруг. В дни после свадьбы все они охвачены одной и той же навязчивой идеей: видеть своих мужей как можно чаще.

Они больше не могут встречаться с ними два раза в неделю, в тюрьме, на какой-то час под пристальным присмотром охранников. Нужно это

изменить, решают они единогласно. Это не займет много времени чтобы понять, как. <...>

История начинается с ребячества. Одна из девушек сообщества – это сознательно, что я пишу здесь *девушки*, а не *женщины*; в этот момент они ведут себя как воспитанницы пансиона в разгар подросткового кризиса – она обнаруживает, что две доски частокола, который окружает тюрьму, разъединены. Образовалась щель, через которую видно заключённых. Можно также их позвать, поговорить с ними. Достаточно выбрать для этого подходящий момент после полудня, во время их прогулки во дворе.

Та, которая обнаружила эту щель, без труда передала это другим. На следующий день они все идут туда посмотреть одним глазком.

Тотчас, засечённые часовыми, которые размахивают своими штыками, они убегают – ноги в руки, но возвращаются на следующий день.

Солдаты снова прогоняют их. А они возвращаются. Даже когда адъютанты Лепарского вмешиваются в это дело и кричат им срочно убраться, дамы прячутся, но, как только путь свободен, бегут занять позицию перед щелью.

Комендант – славный малый, но это становится известно и ему. На следующий день он там. Они убегают. Затем, как только он уходит, дамы возвращаются и незаметно дают монетку солдатам. Те соглашаются наблюдать и оповещать.

Новые разговоры с их мужьями. Они (мужчины) вне себя от счастья. Они (женщины) тоже. По возвращении Мария оценивает эти подпольные разговоры как «самые романтические моменты дня».

В конце концов, женщинам надоедает ждать своей очереди, чтобы поговорить. Некоторые должны наклоняться, чтобы добраться до щели, а самым маленьким приходится вставать на цыпочки.

Однажды после полудня, вооружившись ножами, они нападают на деревянные колья. Они жёсткие. Это не останавливает дам. С неистовым упрямством каждая выдалбливает полукруглый вырез для своего удобства. Грузная Каташа, которая ненавидит стоять, приносит свой складной стул.

Рандеву у частокола становятся ритуалом. Они больше не довольствуются только тем, что утешают своих мужей. Когда мужчины рассказывают им об отчаянии своих товарищей по несчастью, все дамы восклицают: «Мы можем помогать и им тоже!». И это имеет продолжение. С тех пор каждый день после полудня женщины видели появление новых лиц в отверстиях. Дамы должны будут организовать, мужчины тоже.

*

Часовые не надёжны, их бдительность ослабевает; один из людей Лепарского застигает врасплох Каташу. В ярости он ударяет её кулаком.

Рассерженная Мария адресует коменданту письмо протеста. Настоящее обвинение. Лепарский воспринял это очень плохо. В качестве наказания

он больше не будет разговаривать с ней. Поддержанная своими подругами, она делает то же самое, и во все дни после полудня вся группа находится возле частокола.

Комендант меняет стратегию. Они разыгрывают дерзких женщин, он будет игнорировать их. В часы их randevu он исчезает. Никто не знает, где он и что он делает, послеобеденный отдых, почта, бумаги, инспектирование дорог. Он испаряется, и это не пустое слово для столь грузного человека.

Закрывать глаза на неповиновение властям, бунт женщин, он берёт на себя неслыханный риск, к тому же они ещё больше увеличили дыры, которые теперь очень заметны. И утвердилась привычка: в тот момент, когда мужчины узнают, что женщины прибыли, они сходятся возле ряда отверстий, образуют полукруглую арку, и разговор начинается.

Он не носит светского характера. Заключённые по очереди и часто взволнованные спрашивают, не получали ли они новостей от их семей. Или сообщают, в чём они нуждаются, чего им не хватает. Еды, книг, тёплой одежды, медикаментов. Женщины составляют списки и тотчас у Александрины распределяют между собой задачи.

От дерзости они перешли в открытую оппозицию и борьбу.

*

Все мужчины возвращаются от частокола изменившимися. Открытие женщин производит на них впечатление чуда. Они говорят о воскрешении, о знаке с неба. Один из заключённых, поэт князь Одоевский – человек, который прокричал «Мы умрём!» накануне мятежа 14 декабря, – объявляет, что он собирается написать поэму во славу тех, которых он называет «наши ангелы-хранители».

Он напишет её три года спустя. Его текст скорее вычурный, но он взволновал восемь женщин.

«И каждый день садились у ограды,
И сквозь неё небесные уста
По капле им точили мёд отрады...»

У Одоевского есть раздражающая склонность принимать себя за Пушкина, но эти слова, на этот раз, не являются простым способом выразительности. До приезда женщин у ссыльных практически не было никакого контакта с внешним миром. Когда они выходили в деревню, отправляясь на работу или в баню, это всегда происходило с большим эскортом: они не имели права обменяться словечком с жителями.

Благодаря щелям и дырам в частоколе, внешний мир проникал каждый день в тюрьму. Тогда они забывали о своих рабских цепях, выпрямлялись, расправлялись, лучше дышали, шли лучше.

Чтобы понять, какое место занял частокол в их жизни, перечитайте Достоевского «Записки из мёртвого дома», написанные между 1850 и 1854, после лет, проведённых в сибирской каторге. Он тоже рассказывает о частоколе, который окружал тюрьму. Один только вид ровных рядов кольев, объясняет он, заставлял чувствовать себя исключённым из человеческого сообщества и обречённым на смерть. Его ежедневные прогулки во дворе были далеки от того, чтобы его успокоить, а ещё больше удручали его.

Он также вспоминает просвет, который образовался между кольями. Самый незначительный фрагмент извне, схваченный этой расщелиной, позволял ему придумать целый мир. Оскорбительное пространство узилища рассеивалось и порождало размышления о том, что он вновь становился человеком, каким он был прежде, до того, как его заперли, открытым для того, чтобы удивляться, для самых сдержанных ощущений, сырой зелени травинки, дуновения ветра на коже. Он возвращался к миру живых людей.

Или в ту пору, прислонившись к частоколу, он встречал другого ссыльного, и они разговаривали. Это там, у стены из кольев, он заводил друзей, делил свои надежды и скорбь, собирал, копил секреты, открывал бесконечное разнообразие человечности, о существовании которой он даже никогда и не подозревал.

Достоевский рассказывает в конце о том, что накануне его освобождения он в последний раз прошёл вдоль деревянной стены – семиметровой высоты, как в Чите. Он так страдал от того, что бесконечно ходил вокруг по своей клетке, но он также многому научился у неё, что в момент, когда он отправлялся к своей новой жизни, он захотел попрощаться с ней. Как если бы это был настоящий человек. Он воображал, что этот последний контакт позволил бы ему унести с собой самые ценные из своих уроков, наставлений: те, которые привели его к пониманию полного и глубокого значения слова *свобода*.

Всю свою жизнь декабристы и их жёны были преследуемы образом частокола. Как только они сами или кто-то другой заговаривал о Чите, они вновь видели его, и к ним снова возвращались эмоции, которые жили внутри них.

Художник Бестужев часто изображал частокол на своих акварелях. Некоторые декабристы хранили их. Они считали, что частокол подвёл итог их истории. Для них это был политический образ, символ их сопротивления имперскому произволу и всем бедам, которые разъедали Россию: крепостному праву, коррупции, жестоким репрессиям противников, отрицанию общественных свобод.

У Полины и Ивана была одна из таких акварелей; с того момента как они вернулись в европейскую часть России и обосновались в Нижнем Новгороде, они расположили её на видном месте в своём салоне. Мне

представляется, что она находилась напротив Полины, когда она диктовала Ольге свой рассказ.

Иван нарисовал её сам. В юношестве он, несомненно, учился акварели; его кисть уверенная, и он хорошо владеет перспективой. На этой маленькой картине частокол представлен во всю свою длину. Улица, как на всех рисунках Бестужева, широкая и изрыта глубокими колеями. Здесь она занимает половину картины и создаёт впечатление реки, которая разбивается об утёс.

Солдат несёт караул перед своей будкой. Кажется, что ему явно скучно. Немного дальше стена из кольев ослабевает. Колья раздвигаются, наклоняются. Может быть, он хотел показать место шлюза, который ежедневно после полудня связывал внутренний мир с внешним. Вселенная, где всё было наоборот, в отличие от обычного мира. Мужчины были затворниками, а женщины были свободными.

/Из книги: Irène Frain. «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

ОЛЬГА МАРКЕЛОВА

В этом выпуске мы представляем нашим читателям поэтическое творчество Ольги Маркеловой, одного из наших постоянных авторов, – переводчика с датского, исландского и фарерского языков. Стихи, которые вошли в данную подборку, были написаны автором в последнее десятилетие.

Родилась в 1980 г. в Москве. В 2001 г. окончила филологический факультет МГУ (специальность – датский язык и литература). С 2002 по 2004 гг. обучалась в Университете Исландии в Рейкьявике. В 2005 г. защитила кандидатскую диссертацию «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» на кафедре зарубежной литературы филологического факультета МГУ. С 2000 г. занимаюсь научной деятельностью в области литературоведения (основные научные интересы – исландская и фарерская литература XX–XXI вв.).

Художественным переводом занимаюсь с начала 2000-х. Я переводила на русский язык исландских и фарерских авторов XX–XXI вв. и (в меньшей степени) современных датских прозаиков, а также образцы скандинавского фольклора и древнеисландской словесности.

Собственные стихи сочиняю с детства. Самые сильные поэтические впечатления юности – поэзия русских футуристов и обэриутов, и позже, в студенческие годы – древнескандинавская словесность и поэзия сибирского панка. Я пишу философскую и пейзажную лирику, стихи о деревьях, горах, путешествиях, работе со словом, взаимосвязи прошлого и настоящего, общении человека с высшими силами, иногда источником вдохновения для меня служат произведения любимых авторов. Также у меня есть юмористические и иронические стихи, крупная и малая проза. Мои произведения были опубликованы в различных периодических изданиях. Кроме того, у меня вышло семь сборников стихов.

Так как моя жизнь неразрывно связана с культурой скандинавских стран, особенно Дании, Фарерских островов и Исландии, я пишу стихи и прозу не только на русском, но и на датском (редко) и исландском языках. Некоторые мои исландские стихи были опубликованы в литературных журналах Рейкьявика. Современные исландские авторы оказали влияние на моё русскоязычное творчество, в частности, подали пример бережного отношения к родному языку и к художественному слову.

На моём бескрайнем пустыре
прорастает дерево надежды,
Пьёт земную влагу, ловит звёзды
призрачными робкими ветвями.
Распрямляются тугие листья –
прорастает дерево познания.
Прорастает мировое дерево –
поднимает крону
из руин.

Привыкай: здесь нет асфальта.
Привыкай: здесь нет дорог.
Фиолетовый острог
из гребнистого базальта.
На вершине замер в сальто
в снег застрявший носорог, –
синекаменный, ребристый,
утопает в леднике...
Сон во мхах. Валун в реке
и кулик с протяжным свистом.
Знамо, ночь невдалеке...

Это пустошь вне времён,
это броды без дороги...
Где ползут к реке отроги,
средства техники убоги:
замолкает телефон!

Научи свой объектив ловить туманы,
научи автомобиль скакать по лаве,
научись без сожаленья выходить
из ковровой теплоты кабины
в моховую зябкую реальность.
Научись брататься с ветром, спать на камне
и по кликам различать вечерних птиц.
Привыкай-ка, вновь прибывший, научись!

Я когда-то тоже научился
всей науке пустошей и гор,

а сейчас – смогу ли это вспомнить?
Я и сам не видел много лет
каменных лиловых носорогов:
всё штудировал науку городов,
дань платя безветренному миру.
И когда я окажусь в горах, –
на пути по трудной, ломкой лаве, –
сам себе твердить тихонько буду:
«Привыкай же, снова привыкай!»

ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС

В ином измеренье ночные слова бежали...
Лампы теплились.
Звери спали,
завернувшись уютно
в мех своих тихих лет...

Промокшими крыльями хлопал холодный рассвет.
Ширился зев подвала.
Небесные стыли ключи.

И белая свеча безразлично кивала
при гибели чёрной свечи.

Льёт дождём,
гремит огнём,
шуршит песком
и летает надо мной своими птицами.
Разбегается морскими брызгами.
Нависает горными уступами.
Завывает штормом.
Светит звёздами.
Наплывает новыми эпохами.

Надвигаются слова и песни
на меня – из влажной пустоты.

ЕЩЁ РАЗ О ЛЕСЕ ПОДСОЗНАНИЯ

Белый лес расставил пальцы
сновиденческих ветвей.
Напружил извилины стволов.
То ли иномирье приглашает в гости,
то ли память движется в тиши.

Красный лес!
И ветви – копыя!
Кровяные деревца!
Алый ветер бродит по листве.
Наше мирозданье – это песнь и доблесть,
наше мироздание – борьба.

Синий лес:
растут кристаллы,
голубеют мхи –
чада непорочного ума.
Это средоточие священной мысли.
Это наша воля и простор.

Но больше всего бы мне хотелось оказаться
в бездонно-фиолетовом лесу.

Пора запрячь трёхпалого коня
и снова вспахивать гектары текста.
Обычно пахота проходит ночью,
когда вокруг прохлады, тишина...
И битва с неподатливой почвой!
Полночный труд до звона в голове!

А поутру другие выйдут на поля
и чёрно-белые бороздки
засеют смыслами.

Российская осень – глубокий аккорд
под сводом торжественным медного леса
и мягкие травы на склоне оврага.

Исландская осень – суровый хардкор,
железные струны под пальцами беса,
неистовый вихрь и небесная влага.

В ЗАЩИТУ МУЗЫКАНТОВ

Пусть исполнят твои симфонии
в гостиных при синих свечах –
всё равно ты весь век проходишь
 в ледяных башмаках,
 в ледяных башмаках,
в ноябрьских худых башмаках.

Пусть твои оратории станут гвоздём программы –
но озаботятся кайзер и милые дамы,
чтоб тебе не досталось лета
 даже в рассрочку,
а только ноябрь,
только стужа на все времена!

Мойры ставят в эдаких спорах последнюю точку.

За поруганных музыкантов – мстит тишина.

Устал-устал.
И из десятков книг
снял с полки лишь одну –
которую всегда считал полнейшим вздором.
Но в этот вечер именно она
единственная – оказалась способной
дать ему
утешение.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЖИТЕЛИ И СТИХИ

Простые люди любят тихие стихи
о родине, любви, о лунном свете,
и чтобы строки в них ложились ровно,
как нити в домотканом полотне.
И чтобы образы в них были
милы и будничны, как вечер возле хлева.

Чтоб были выводы. Чтоб было можно
легко ответить на вопрос «О чём?»

Они не жаждут авангарда,
безумного круженья слов и знаков,
в которых пламя бурное растёт.
В стихах они не ищут бури:
им за глаза её хватило в жизни.
Вот, скажем, как когда горел сарай,
когда под праздник света не было в деревне.
Когда в Гражданскую прапрадед
навёл винтовку на родню.
Когда в войну на лесозаготовках
прабабушку лесиной придавило.
Иль – за примером далеко ходить не надо, –
когда сосед припёрся пьяный с топором...

И вся-то жизнь – новелла Кафки!
Зачем такое же – в стихах?
А им бы стрóf иных – простых да мирных...

...И вот, когда я окажусь в деревне,
я напишу им колыбельную Луны.

К тебе, в твой сумрак, хотят деревья –
такие трепетные деревья –
в ветвях – светила живое пламя
и вороны вверх ногами.

А там, за лесом, растут постройки –
такие правильные постройки –
там звёздам место лишь на помойке,
творцам – на казённой койке.

Но над домами летят виденья –
такие сказочные виденья –
всем-всем даны по праву рожденья
и сны, и стихотворенья.

Уютна античность нашего советского детства!
Величава, прочна, как колонна!
Чистый мрамор неба с коринфскими облаками.
Пионеры-герои: Геракл и Тезей.
Звеньевая Паллада.
Хулиганка Горгона – мишень
для завтрашней стенгазеты.
Отец бессмертных и смертных –
актёр из доброго фильма.
И дальше: Гомер – старик ветеран;
класснуха Сапфо...

Но ах, иная античность
у нынешнего постмодерна!
Словно Осса на Пелион, тут и там громоздятся
туманности, интерпретации, чудища, мненья.
Кислая рыба да пёстрая глина –
а мрамора ни полкрошки!
И герой уже не герой, и с поэтессой всё сложно.

Вот и читатель в панике:
колонна теряет незыблемость!
Но слепой старик всё ещё поёт на вокзале,
и проходим покуда слышна
его песнь о судьбе Илиона...

С ОГНЁМ СИДИТ

Может, я из породы ночных сторожей,
что никак не могу задремать до утра?
Караулю и шорохи всех этажей,
и сырое молчанье двора.

И с глухими часами я с детства на «ты»,
и гляжу в темноту, как дозорный – в трубу.
По ночам караулю и смысл, и мечты...

По ночам караулю Судьбу.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК НЕ ПОВТОРИТСЯ

Серебряный век был хорош.
Но наш-то век не серебряный.
Ещё ни один металлург
 не узнал, что это за сплав –
из странных атомов слепленный,
трагизма и лютых забав
 и лютых забав.

Серебряный век хорош –
уютен резной альков!
А нас пробирает дрожь:
мы помним много веков,
мы знаем много систем
и можем их выбирать –
лишь для того, чтоб затем
раскритиковать.

На всех экранах идёт –
идёт электронный снег.
Нареченья имени ждёт
незавершённый век!

ЗНАКОМАЯ С ДЕТСТВА МЕЛОДИЯ

Вот и выплыло трезвучье из затерянных глубин,
жёлтым деревом и лаком смутно пахнущих времён.
Вот оно плывёт, сверкая / незабвенными огнями,
на своих цветных просторах / приглашая / пожить.
Как ты жил в своих мифических эпохах на заре,
необъятных и тягучих, словно звонкая синь,
величавых и наивных, / как берёзовые лица,
украшающие грани деревянных колонн.
Не нашлось машины времени – уносит мелодия
в те же мненья, увлеченья, страхи, выкладки и сны.
И аккорд, не зная фактов, воскрешает ощущения:
никудышный архивариус –
но психолог и поэт!

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXVI МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2021 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2021 года подведены итоги XXVI Межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России на базе историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. В конкурсе приняли участие около 80 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Участниками конкурса стали молодые люди из Читы и Забайкальского края, Самары, Москвы. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов читинских и московских вузов – ЗабГУ, ЧГМА, МГУ, МГПУ, СФ МГПУ, а также старшеклассников средних школ и гимназий Читы и Самары. Среди них, в первую очередь, следует назвать учащихся многопрофильной языковой гимназии № 4, многопрофильной гимназии № 12; городских средних школ: №№ 30, 33, 38, 47, 48; агинской МАОУ № 1; самарской средней школы № 63; учащихся лингвистической школы English Club, выпускников Забайкальской летней школы перевода при ЗабГУ разных лет, учителей городских и краевых средних школ, преподавателей вузов.

Лучшие переводы на конкурс представили:

с английского языка – Юлия Мусорина (учитель английского языка высшей категории МБОУ СОШ № 27), Екатерина Коржова (работник музея истории психиатрии Читы и Забайкалья), Ольга Романенко (учитель английского языка высшей категории МБОУ СОШ № 33), Ксения Иванова (экономист), Полина Зорина (11 класс, МБОУ СОШ № 38), Иван Жеребков (10 класс, МЯГ № 4).

с немецкого языка – Екатерина Коржова и Лилия Краус.

с русского на английский язык стихотворений забайкальского поэта Геннадия Головатого были выполнены Екатериной Коржовой.

с китайского языка – Юлия Каретникова (выпускница ИИЯ МГПУ), Юлия Ермакова (студентка 3 курса, МГПУ), Анастасия Гончар (студентка 6 курса МГУ), Александра Филатова (студентка 1 курса ИФФ, ЗабГУ).

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет победителей и всех участников межрегионального конкурса

молодых поэтов-переводчиков 2021 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода.

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

Переводы с английского

EDGAR ALBERT GUEST
(1881 – 1959)

SUCCESS

I hold no dream of fortune vast,
Nor seek undying fame.
I do not ask when life is past
That many know my name.

I may not own the skill to rise
To glory's topmost height,
Nor win a place among the wise,
But I can keep the right.

And I can live my life on earth
Contented to the end,
If but a few shall know my worth
And proudly call me friend.

ЭДГАР АЛЬБЕРТ ГЕСТ

УСПЕХ

В моих мечтах давно нет благ,
Бессмертной славы нет.
Когда умру – пусть друг и враг
Моих не знают бед.

Не стать искуснее богов,
Славнее высших слав,
Мне места нет среди мудрецов,
Всё ж я бываю прав.

Покуда век земной идёт,
Могу довольным быть,
Коль хоть один меня поймёт
И будет горд дружить.

Перевод Екатерины Коржовой

УСПЕХ

Я не хочу богатым стать,
О славе не мечтаю.
И когда буду умирать,
Её не пожелаю.

Пусть я успеха не добьюсь,
В анналы не войду,
Средь мудрецов не окажусь,
Но честь не посрамлю.

И буду знать я, что прожил
Не зря свой век земной,
Когда те люди, с кем дружил,
Гордятся будучи мной.

Перевод Ивана Жеребкова

УСПЕХ

Несметного богатства не ищу
И не стремлюсь к бессмертной славе.
И вовсе не хочу, когда уйду,
Чтоб оды обо мне слагали.

Быть может, мне и не дано
Постичь невиданные дали,
Мудрейшим стать не суждено,
Но хуже я других едва ли.

И до конца бы я прожил
В ладу с своей судьбою,
Если бы кто-то меня ценил
И дружбой гордился со мною.

Перевод Юлии Мусориной

SAMUEL TAYLOR COLERIDGE
(1772 – 1834)

**IF I HAD BUT TWO LITTLE
WINGS**

If I had but two little wings
And were a little feathery bird,
 To you I'd fly, my dear!
But thoughts like this are idle things
 And I stay here.

But in my sleep to you I fly:
I'm always with you in my sleep!
 The world is all one's own,
And then one wakes, and where am I?
 All, all alone.

**КОЛЬ Я Б ИМЕЛ ЛИШЬ
ДВА КРЫЛА**

Коль я б имел лишь два крыла
И был бы пернатым птенцом,
 К тебе б летел, родная!
Но мысль глупа, хоть и мила,
 Что ж, не взлетаю.

Но в снах лечу к ногам твоим:
Всегда я с тобой в моих снах!
 Весь мир – для нас двоих,
Но – вновь рассвет, и я один
 В мольбах моих.

Перевод Екатерины Коржовой

**FRANCIS WILLIAM
BOURDILLON (1852 – 1921)**

LIGHT

The night has a thousand eyes,
The day but one;
Yet the light of the bright world dies
With the dying sun.

СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОП КОЛРИДЖ

МНЕ БЫ ПАРУ КРЫЛЬЕВ

Мне бы пару крыльев, как у птицы.
Расправить их и полететь к тебе.
 К тебе, к тебе, моя девица,
Увы, летать могу я лишь во сне.
 Но я один. Мне это снится...

Мне снится мой полёт к тебе,
К тебе, к тебе, моя родная,
 И мы вдвоём летим во сне
И мир вокруг не замечая.
 Но утром очень грустно мне...

Перевод Ольги Романенко

**МНЕ Б ДВА КРЫЛА И ПТИЦЕЙ
СТАТЬ**

Коль были б крылья мне даны,
То стал бы я пернатой птицей.
 К тебе бы полетел, любовь моя!
Но это всё напрасные мечты,
 И остаюсь здесь я.

Но в каждом сне лечу к тебе я:
Всегда с тобою я во снах!
 И целый мир у наших ног.
А как проснусь, и где же я?
 Безмерно одинок!

Перевод Юлии Мусориной

**ФРЭНСИС УИЛЬЯМ
БУРДИЛЬОН**

СВЕТ

Ночь имеет тысячу глаз,
А днём лишь один бывает;
Но яркого мира свет гаснет в тот час,
Когда солнца луч догорает.

The mind has a thousand eyes,
And the heart but one;
Yet the light of a whole life dies
When its love is done.

Разум имеет тысячу глаз,
А в сердце один бывает,
Но свет целой жизни тускнеет подчас,
Когда любовь умирает.

Перевод Юлии Мусориной

СВЕТ

У ночи сотни глаз,
У дня – один;
Но солнца свет погас –
Мир гаснет с ним.

У разума сто глаз,
У сердца – нет.
Но без любви погас
Всей жизни свет.

Перевод Полины Зориной

WILLIAM HENRY DAVIES
(1871 – 1940)

DAY OR NIGHT

Again I, and cry for light,
My golden day has gone,
And looking through my window now,
I see the stars and moon.

Which shall I sacrifice to sleep,
With both beyond my praise?
So lovely are these silvery nights,
So bright these golden days!

ДЕНЬ ИЛИ НОЧЬ

Проснулся вновь и свет зову,
Прошёл день золотой;
И вижу, подойдя к окну,
Созвездия с луной.

СВЕТ

Ночь зрит мириадами очей,
Одним всего день.
Но гибнет солнце, и без лучей
Мир падает в тень.

Ум зрит миллионами глаз,
А сердце – одним.
Но гаснет любви свет – и тотчас
Уходит жизнь с ним.

Перевод Ксении Ивановой

УИЛЬЯМ ГЕНРИ ДЕЙВИС

ДЕНЬ ИЛИ НОЧЬ

Я вновь без сна, взываю к свету,
Ведь золотые дни прошли.
Гляжу в окно и тихо созерцаю
Сиянье звёзд и лик луны.

Но что дороже мне, увы, не знаю.
Что предпочтительней душе моей?
Как восхитительны серебряные ночи!
Как ярок золотой оттенок дней!

Перевод Юлии Мусориной

ДЕНЬ И НОЧЬ

Вдруг я проснулся, вспомнив день,
Где так светило солнце.
В ночную окунулся тень
И в звёздное оконце.

Что сделать жертвой сна очей,
Сравнений не найдя?
Так мило серебро ночей,
Так ярко золото дня!

Перевод Полины Зориной

ELLA WHEELER WILCOX
(1850 – 1919)

I AM

I know not whence I came,
I know not whither I go;
But the fact stands clear that I am here
In this world of pleasure and woe.
And out of the mist and murk
Another truth shines plain –
It is my power each day and hour
To add to its joy or its pain.
(extract)

Я понял: больше не усну
И как же не молиться
За серебристую луну,
За солнышка десницу!

Перевод Ольги Романенко

ЭЛЛА УИЛЛЕР УИЛКОКС

Я ЕСТЬ

Не знаю я, откуда я пришла.
Не знаю я, куда иду.
Но очевидно лишь одно,
Что в мире радости и горя я живу.
Но всё же сквозь туман и мрак
Ко мне приходит пониманье –
В моей лишь власти каждый миг
Раскрасить счастьем иль страданьем.
(отрывок)

Перевод Юлии Мусориной

JOSEPH HILAIRE PIERRE RENE BELLOC (1870 – 1953)

I'm tired of Love: I'm still more tired of Rhyme.
But Money gives me pleasure all the time.

ДЖОЗЕФ ХИЛЭР ПЬЕР РЕНЕ БЕЛЛОК

Любовь совсем наскучила и от стихов мутит.
Лишь денег тяжкий груз меня не тяготит.

Перевод Ксении Ивановой

Я от Любви устал. Стихами вовсе утомлён.
Но Деньгами всегда я вдохновлён.

Перевод Юлии Мусориной

Я от Любви устал. устал и от Стихов безмерно.
Но Деньги радость мне даруют неизменно.

Перевод Юлии Мусориной

Любовь скучна. И Рифма всё скучней,
Но мне всегда с деньгами веселей.

Перевод Зориной Полины

О прочь Любовь! О прочь, долой Стихи!
Лишь Деньги – век блаженства, хи-хи-хи!

Перевод Екатерины Коржовой

Устал любить, еще больше – писать.
Лишь Денег радость не дает угасать.

Перевод Даны Аблязовой

Переводы с русского языка на английский

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛОВАТЫЙ

(1940 – 2001)

20 лет назад не стало Геннадия Головатого – замечательного Забайкальского поэта российского масштаба. Этот мужественный, сильный духом Человек, несломленный тяжелой болезнью и обстоятельствами, для многих поколений служит примером неиссякаемой воли к жизни, трудолюбия, любви к Родине и людям.

С другими переводами лирики поэта на английский и немецкий языки можно познакомиться в журнале «Переводчик» № 13, 2013, сс. 228–231.

И ЛЕТЯТ . . .

Я не видел вас, журавли.
Я не слышал вас, соловьи.

AND YOU FLY . . .

I saw none of you, cranes of mine.
I heard none of you, nightingales.

Но в недетские думы мои
Вы, как сказки в детство, вошли.

Though I'm grown-up – with fond childly tales
Adult burthens you intertwine.

И когда неизбежный закат
Дожигает надежды мои,
Вспоминаю: поют соловьи,
И летят журавли, летят!

And when imminent set of my sun
Burns my hope such a way that it pales,
I remember: you warble, nightingales,
And you fly, cranes, you fly at one!

ДВЕ ЗАРИ, ДВА ПОЛЮСА

Хочу, чтоб мир – был смехом переполнен
и целью общею объединён.
Но две зари, два полюса, два пола –
противоречия для всех времён.

Есть жизнь и смерть. Нет счастья без печали.
У вещества – есть антивещество.
И две строфы – две стороны медали
Иль две руки объятья одного.

THE ANTITHESES OF LIFE

I want the world to laugh whate'er vexes,
with common aim to be reunified.
But dawn and set, two poles, and then two sexes –
at any epoch they will all collide.

We live and die. No bliss without affliction.
The substance heals – but it brings also harm.
Two sides of medal are of poetic diction
Oh both of hands when I or thou inarm.

СЧАСТЬЕ

Ведь это – счастье, чёрт возьми:
Вот так – ни за что – в бытиё!
Из недоступной чувствам тьмы –
И в жизнь и осязать её!

И воду пить! И солнце – пить!
И нежность пить из рук твоих...
А лес! А музыка! А стих!...
Какое это счастье – быть!

BLISS

I do feel blithe – let deuce be droll:
This life's my gratuitous gift!
From darksome ban within my soul –
To life – and chant and joy and drift!

And water – take! And Phoebus – take!
And take fond heart from hands of thine...
Ah holt! Ah symphony! Ah rhyme!...
What bliss it is to live and make!

ЧТОБ ДОБРЕЕ

Я пришёл в этот мир не здоровье беречь,
Не деньгу сколотить и не толпы увлечь.
Я родился на свет, чтоб добрее он стал.
Я родился, чтоб камню отверзнуть уста.

Я родился, открыть, и постичь, и сказать.
Я родился грядущее с прошлым связать.
И таинственный дар, что природой мне дан,
Погрузить в бесконечный людской океан.

ABOUT KINDNESS

I did come to this world not for saving my health,
Not for ruling the crowds, not for building my wealth.
I was gendered to world lest it should be ill-bred.
I was gendered for stone that will say but ain't said.

I was gendered to know, to perceive, to recount.
I was gendered for future and past must be bound.
And mysterious verse, which is gifted by birth,
I'll immerse in mankind and give everyone mirth.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Переводы с немецкого языка

DETLEV VON LILIENCRON (1844 – 1909)

HERBST

Astern blühen schon im Garten,
Schwacher trifft der Sonnenpfeil.
Blumen, die den Tod erwarten
Durch des Frostes Henkerbeil.

Brauner dunkelt längst die Heide,
Blätter zittern durch die Luft.
Und es liegen Wald und Weide
Unbewegt im blauen Duft.

Pfirsich an der Gartenmauer,
Kranich auf der Winterflucht.

Herbstes Freuden, Herbstes Trauer,
Welke Rosen, reife Frucht.

ДЕТЛЕВ ФОН ЛИЛИЕНКРОН

ОСЕНЬ

Астры сада отцветают,
Солнце не пронзает вскачь.
Клумбы смерти ожидают:
Стужа – вечный их палач.

В степь гневной закат вливает,
В вальсе с ветром – листопад.
Лес и пастбище смиряют
Неба синий аромат.

Персик за оградой сада,
И журавль зимой – в полёт.
Осень скорбна – осень рада:
Вянут розы – спеет плод!

Перевод Екатерины Коржовой

ОСЕНЬ

Астры всё ещё в цветенье,
Солнца луч уж не горяч.
Увяданья ждут растения,
А виной – мороз-палач.

Степь коричнево темнеет,
Листья в воздухе дрожат,
И в тумане, что синее,
Тихо лес и луг лежат.

Персик около ограды.
Журавлю – на юг лететь.
Грусть осенняя и радость.
Розам вянуть. Фруктам зреть.

Перевод Лилии Краус

LUDWIG UHLAND (1787 – 1862)

WINTERREISE

Bei diesem kalten Wehen
Sind alle Strassen leer,
Die Wasser stillstehen,
Ich aber schweif umher.

Die Sonne scheint so trube,
Muss fruh hinuntergehen;
Erloschen ist die Liebe,
Die Lust kann nicht bestehen.

Nun geht der Wald zu Ende,
Im Dorfe mach ich halt;
Da warm ich mir die Hande,
Bleibt auch das Herze kalt.

ЛЮДВИГ УЛАНД

ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

При этаких сугробах
Все улицы пусты,
Стоят спокойно воды,
Бреду средь пустоты.

Нахмурилось светило,
Ведь рано угасать;
Любовь теряет силу,
Восторг не испытать.

И лес уже редееет,
В деревню путь ведёт.
Там руки я согрею,
А в сердце – только лед.

Перевод Лилии Краус

Переводы с китайского языка

小庙春景

要太阳光照到
我瓦上的三寸草,
要一年四季
雨顺风调。
让那根旗杆
倒在败墙上睡觉,
让爬山虎爬在
它背上, 一条, 一条, ……
我想在百衲衣上
捉虱子, 晒太阳;
我是菩萨的前身,
这辈子当了和尚。

ЧЭНЬ МЭНЦЗЯ (1911 – 1966)

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ ВЕСНОЙ

Пусть солнце освещает черепицу,
Поросшую травой на три ладони,

Пусть дождь обильно пашню поливает,
И ветер круглый год гуляет в поле.
Хочу, чтоб древко знамени склонилось
И прилегло поспать на тех руинах,
А дикий плющ, слегка его обняв,
Ему густым ковром укрыл бы спину.
Хочу в монаха скромном одеянье
Сидеть и греться, вшей ловить на солнце,
Прообраз бодхисаттвы, в этой жизни
Я стал монахом, этих гор питомцем.

Перевод Анастасии Гончар

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ ВЕСНОЙ

Пускай свет солнца золотой
Траву в три цуня высотой
На крыше храма обольёт;
Пускай и дождик круглый год
Поля поит водой.
Пусть древко знамени падёт,
В руинах стен в тиши заснёт;
Пусть дикий плющ, за плетью плеть,
Взберётся на спину, и впредь
На нём, ветвясь, растёт...
Хочу ловить я в рясе вшей
Под жаром солнечных лучей.
Уж бодхисаттва я в мечтах,
Ну а пока – простой монах,
Живу среди людей.

Перевод Юлии Каретниковой

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ ВЕСНОЙ

Хочу увидеть снова те лучи,
что храм весенний мягко освещают,
Дождей почувствовать поток,
что травы с неба окропляют.

И снова хочется флагшток поставить
И стены храма, что уснули пробудить,
Взойти опять на эту гору
И тигра взор потухший оживить.

Войдя в тот храм, хочу избавиться от боли,
Одежду тленную сменить;
И осознать, что есть во мне святое
И жизнь свою в монашестве прожить.

Перевод Александры Филатовой

雁子

我爱秋天的雁子，
 终夜不知疲倦；
 （像是嘱咐，像是答应，）
 一边叫，一边飞远。

从来不问他的歌，
 留在哪片云上，
 只管唱过，只管飞扬——
 黑的天，轻的翅膀。

我情愿是只雁子，
 一切都使忘记——
当我提起，当我想到，
不是恨，不是欢喜。

ДИКИЕ ГУСИ

Люблю я по осени слушать, как дикие гуси
Крича, как команду или давая обеты,
Не зная усталости, ночи считают крылами,
Летят на чужбину, в дороге встречая рассветы.

Не мыслит о том, чтобы вдруг спросить – свою песню
Я оставил в подарок кому из седых облаков?
Лишь знает, как спеть и как взвиться в чернильное небо
На крыльях по ветру, что воеет на сотню ладов.

Ах, и сам бы хотел обернуться я диким гусём...
Проснется ли память, придётся ли вспомнить о чём,
Я бы знал ту свободу – возможность забыть обо всём,
Ни радость, ни ненависть в сердце не видеть своём.

Перевод Юлии Каретниковой

ДИКИЕ ГУСИ

Я люблю диких гусей по осени,
Что всю ночь, не зная усталости,
(Кажется, будто дают обещания,
Кажется, настойчиво просят)
Кричат, и летят далеко,
Не зная слабости.

Никогда не различал их песен, их тихого голоса,
Что оставлен в перистых облаках,
Но несмотря ни на что поют,
И несмотря ни на что летят
Сквозь черного неба грозы
На лёгких крылах.

Я бы стал таким диким гусем,
Чтобы все навсегда позабыть.
Когда об этом говорю я,
Когда об этом думаю,
Нет сожаления,
Нет радости.

Перевод Юлии Ермаковой

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ
РАСТЕНИЙ¹

Составитель НИНА МАРКОВА

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
чабер	savory	Satureja L. (Labiatae)
чабер садовый	garden savory, summer savory	Satureja hortensis
чабрец (тимьян)	thyme	Thymus L. (Labiatae).
чай	tea-plant	Thea L. (Theaceae)
чай китайский (каме- лия китайская)	Chinese tea, common tea	Camelia sinensis (Thea sinensis)
чай луговой (вербей- ник, вербейник монет- чатый)	creeping Jenny, down-hill- of-life, money-wort, two- penny grass	Lysimachia nummularia L. (Primulaceae)
чай почечный	Java tea	Orthosiphon Benth. (Labiatae)
чайная роза	1. China rose 2. tea-rose	1. Rosa chinensis 2. Rosa adorata
чайный куст	tea-plant	Camellia sinensis
чайот	chayote	Sechium edule Sw. (Cucurbitaceae)
чаполоть (зубровка ду- шистая, лядник души- стый)	holy grass, sweetscented grass	Hierochloë odorata Wahlb. (Gramineae)
частьуха	alisma, water-plantain	Alisma L. (Alismataceae)
частьуха болотная	American water plantain, water plantain	Alisma plantago-aquatica
чашелистик	calyx, lobe, sepal	sepalum
чашечка цветка	calyx (pl. calices)	calyx
чемерица	false hellebore	Veratrum L. (Liliaceae)
чемерица белая	European white helle-bore, white false helle-bore	Veratrum album L. (Liliaceae)
чемерица даурская	Dahurian false hellebore	Veratrum dahuricum (Liliaceae)

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009.

чемерица зелёная	American false helle-bore, tickleweed	<i>Veratrum viride</i>
чемерица чёрная	black false hellebore	<i>Veratrum nigrum</i> (Liliaceae)
чемыш	salt tree	<i>Halimodendron</i> Fisch. (Leguminosae)
череда	bur-marigold, sticktights, sticktight Spanish needles	<i>Bidens</i> L. (Compositae)
череда трёхраздельная	bur beggar-ticks, tripartite bur-marigold	<i>Bidens tripartita</i>
черемша (лук медве- жий)	bear's garlic, ramson	<i>Allium ursinum</i> L. (Liliaceae)
черешня (вишня пти- чья, шпанка, шпанская вишня)	bing cherry, bird cherry, black cherry, crab cherry, merry, sweet cherry, tart cherry, wild cherry, wood cherry	<i>Prunus avium</i> var. <i>Cerasus avium</i> L. (Rosaceae)
черешок (безлистный стебель)	scape	
черешок листа	leaf stalk, petiole	petiolus
черёмуха	bird cherry	<i>Padus</i> Mill. (Rosaceae)
черёмуха-антипка (ку- чина, магалебка)	Mahaleb cherry, Saint-Lucy cherry	<i>Padus mahaleb</i> L. (Rosaceae)
черёмуха виргинская	common choke berry	<i>Padus virginiana</i>
черёмуха кистевая (че- рёмуха обыкновенная, черёмуха птичья)	bird cherry, European bird cherry	<i>Padus avium</i> (<i>Padus</i> <i>racemosa</i>)
черёмуха обыкновен- ная (черёмуха кисте- вая, черёмуха птичья)	bird cherry, European bird cherry	<i>Padus avium</i> (<i>Padus</i> <i>racemosa</i>)
черёмуха пенсильван- ская	pin cherry	<i>Padus pennsylvanica</i>
черёмуха поздняя	black cherry	<i>Padus serotina</i>
черёмуха птичья (черё- муха кистевая, черё- муха обыкновенная)	bird cherry, European bird cherry	<i>Padus avium</i> (<i>Padus</i> <i>racemosa</i>)
черника	bilberry, blueberry, huckle- berry, hurtleberry, myrtle whortleberry, wineberry, whortleberry	<i>Vaccinium myrtillus</i> L. (Ericaceae)
чернильный орешек (галл, дубильный оре- шек)	gall, gallnut, ink-berry, oak- apple, oak-button, oak-fig	<i>Galla tinctoria</i>
чернобыльник (полынь обыкновенная)	motherwort, mugwort, sage- brush, wormwood	<i>Artemisia vulgaris</i> L. (Compositae)

черноголовка	self-heal	Prunella L. (Labiatae)
черноголовник	garden-burnet	Poterium L. (Rosaceae)
черноклён	Tatarian maple	Acer tataricum L. (Aceraceae)
чернокорень	dog's tongue, hound's-tongue	Cynoglossum L. (Boraginaceae)
чернокорень лекарственный	common hound's-tongue, dog bur, sheep-lice, toryweed, wood-mat	Cynoglossum officinale
чернолоз (ива пятитычинковая, чернотал)	bay-leaf willow, bay-willow, laurel willow	Salix pentandra L. (Salicaceae)
черноплодный	melanocarpus	melanocarpus
чернотал (ива пятитычинковая, чернолоз)	bay-leaf willow, bay willow, laurel willow	Salix pentandra L. (Salicaceae)
чернушка («девица в зелени», нигелла)	gith, fennel-flower, love-in-a-mist	Nigella L. (Ranunculaceae)
чернушка посевная	black cumin, garden fennel-flower, nutmeg flower	Nigella sativa
чертополох	thistle	Carduus L. (Compositae)
чертополох пустошный (синеголовник равнинный, синеголовник полевой)	field holly, field sea-holly, snakeroot eryngo	Eryngium campestre
чеснок	garlic	Allium sativum L. (Liliaceae)
чесночник	garlic-scented agaric	Marasmius scorodoni (Fr.) Fr. (Agaricaceae)
чесночник аптечный (чесночница черешковая)	garlic mustard, hedge garlic	Alliaria officinalis
чесночница	garlic-mustard	Alliaria Scop. (Cruciferae)
чесночница черешковая (чесночник аптечный)	garlic mustard, hedge garlic	Alliaria officinalis
четырёхкрыльник	winged-pea	Tetragonolobus Scop. (Leguminosae)
четырёхлистный	quadrifoliate, quadrifolious	quadrifolius, tetrphyllus
четырёхтычиночный	tetrandrous	tetrandrus, tetrarinus
чечевица	lentil	Lens Adans. (Leguminosae)
чечевичка	lenticel	lenticella, lenticula
чешуйчатость	squamation	
чешуйчатый	lepidote, scaled, scaly, squamate	lepidosus, squamosus
чёрная смородина	black currant, European black currant, quinsy berry	Ribes nigrum

чёрное бразильское дерево (кампешевое дерево, сандаловое дерево, сандал синий)	logwood	<i>Haematoxylon campechianum</i>
чёрное дерево (эбеновое дерево)	ebony	<i>Diospyros ebenum</i>
чёрный перец	black pepper	<i>Piper nigrum</i>
чёточник	rosary-pea	<i>Abrus L. (Leguminosae)</i>
чилибуха (рвотный корень)	glume grass, nux-vomica poison-nut, poison-nut, strychnine	<i>Strychnos nux-vomica L. (Loganiaceae)</i>
чилига (караганник)	pea-shrub, pea-tree	<i>Caragana Lam. (Leguminosae)</i>
чилига древовидная (акация жёлтая, караганник древовидный)	Siberian pea-tree	<i>Caragana arborescens Lam. (Leguminosae)</i>
чилима (орех водяной, рогульник плавающий)	Jesuit's nut, ling, water caltrop, water-chestnut	<i>Trapa natans L. (Trapaceae)</i>
чина	everlasting pea, lathyrus, vetching	<i>Lathyrus L. (Leguminosae)</i>
чина весенняя (сочевичник весенний)	spring vetching	<i>Orobus vernus L. (Lathyrus vernus L.) (Leguminosae)</i>
чина Гмелина	Gmelin vetching	<i>Lathyrus gmelinii Fritsch</i>
чина душистая (горошек душистый)	sweet pea	<i>Lathyrus odoratus L. (Leguminosae)</i>
чина клубненосная	heath pea	<i>Orobus tuberosus L. (Leguminosae)</i>
чина Комарова	Komarov vetching	<i>Lathyrus komarovii Ohwi</i>
чина многолетняя	everlasting pea	<i>Lathyrus latifolius</i>
чинар (платан восточный)	Oriental plane	<i>Platanus orientalis L. (Platanaceae)</i>
чинар американский (платан)	American plane tree	<i>Platanus occidentalis</i>
чингиль серебристый	silvery salt tree	<i>Halimodendron argenteum Fisch. (Halimodendron halodendron) (Leguminosae)</i>
чистец	hedge nettle, wound-wort	<i>Stachys L. (Labiatae)</i>
чистец альпийский	Alpine betony, Alpine woundwort	<i>Stachys arvensis</i>
чистец байкальский	Baikal woundwort	<i>Stachys baicalensis</i>
чистец клубненосный	Chinese artichoke	<i>Stachys tubifera</i>
чистец лекарственный (буквица лекарственная)	common betony, wood betony	<i>Stachys officinalis (Betonica officinalis)</i>

чистец лесной	hedge nettle, hedge woundwort, whitespot betony	<i>Stachys silvatica</i> L. (Labiatae)
чистец полевой	corn woundwort, field-nettle betony, field woundwort	<i>Stachys arvensis</i>
чистец шерстистый	woolly woundwort	<i>Stachys byzantina</i> , <i>Stachys lanata</i>
чистотел	celandine	<i>Chelidonium</i> L. (Papaveraceae)
чистотел большой	celandine poppy, greater celandine, rock poppy, swallowwort	<i>Chelidonium majus</i> L. (Papaveraceae)
чистоуст королевский	royal-fern	<i>Osmunda regalis</i> L. (Osmundaceae)
чистяк	pilewort	<i>Ficaria</i> Adans. (Ranunculaceae)
чистяк весенний	buttercup ficaria, figroot buttercup, pilewort	<i>Ficaria verna</i>
чистяк лютичный	pilewort	<i>Ficaria ranunculoides</i> Roth. (<i>Ranunculus Ficaria</i> L.) (Ranunculaceae)
чихотная трава (птармика, тысячелистник птармика)	bastard pellitory, European pellitory, sneezewort, sneezewort yarrow	<i>Ptarmica</i> Neck. (Compositae), <i>Achillea ptarmica</i>
чолья	cholla	<i>Cylindropuntia</i>
чубушник	mock-orange	<i>Philadelphus</i> L. (Saxifragaceae)
чума водяная (зараза водяная)	ditch-moss, water-weed	<i>Elodea</i> Rich. (Hydrocharitaceae)
чумиза (гоми, щетинник зелёный)	green foxtail	<i>Setaria viridis</i> (L.) P.B. (Gramineae)
чуфа (миндаль земляной, сыть съедобная)	chufa, chufa flat sedge, earth almond, earth-nut, rush nut, yellow nut sedge	<i>Cyperus esculentus</i> L. (Cyperaceae)

Шш

шалот (лук-шалот, лук-шарлот)	shallot	<i>Allium ascalonicum</i>
шалфей	sage, salvia	<i>Salvia</i> L. (Labiatae)
шалфей благородный (шалфей лекарственный)	garden sage	<i>Salvia officinalis</i>
шалфей греческий (шалфей трёхлопастный)	trilobite sage	<i>Salvia triloba</i>

шалфей лекарственный (шалфей благородный)	garden sage	<i>Salvia officinalis</i>
шалфей луговой	meadow sage	<i>Salvia pratensis</i>
шалфей мускатный	clary	<i>Salvia sclarea</i> L. (Labiatae)
шалфей трёхлопастный (шалфей греческий)	trilobite sage	<i>Salvia triloba</i>
шампиньон	meadow mushroom, mushroom, true mushroom	<i>Agaricus campestris</i> Fr. (<i>Psalliota campestris</i> (Fr.) Quel.) (Agaricaceae)
шампиньон полевой	horse mushroom	<i>Agaricus arvensis</i> Fr. (<i>Psalliota arvensis</i> Quel.) (Agaricaceae)
шандра	hoarhound, horehound	<i>Marrubium</i> L. (Labiatae)
шандра белая (конская мята, шандра обыкновенная, шандра постенная)	common hoarhound, marvel	<i>Marrubium vulgare</i>
шандра обыкновенная (конская мята, шандра белая, шандра постенная)	common hoarhound, marvel	<i>Marrubium vulgare</i>
шандра постенная (конская мята, шандра белая, шандра обыкновенная)	common hoarhound, marvel	<i>Marrubium vulgare</i>
шаллот (лук-шалот)	shallot	<i>Allium ascalonicum</i> L. (Liliaceae)
шаровница (глобулярия)	globe-daisy	<i>Globularia</i> L. (Globulariaceae)
шафран (крокус)	crocus, saffron	<i>Crocus</i> L. (Iridaceae)
шафран посевной (крокус посевной)	saffron crocus	<i>Crocus sativus</i>
шеддок (пампельмус)	pummelo, pumpelmous, shaddock	<i>Citrus maxima</i> (Burm.) Merr. (<i>Citrus decumana</i> Merr.) (Rutaceae)
шелковистый	sericeous, silky	sericeus
шелковица (дерево тутовое)	mulberry	<i>Morus</i> L. (Moraceae)
шелковица белая (тутовое дерево)	white mulberry	<i>Morus alba</i>
шелковица бумажная	paper mulberry, paper tree	<i>Broussonetia</i> Vent. (Moraceae)
шелковица красная (шелковичное дерево)	American mulberry	<i>Morus rubra</i>

шелковица чёрная	black mulberry	<i>Morus nigra</i>
шелковник (лютик водяной)	water crowfoot	<i>Batrachium</i> Gray. (<i>Ranunculus aquatilis</i> L.) (Ranunculaceae)
шелюга (верба)	violet willow	<i>Salix daphnoides</i> Willd. (Salicaceae)
шестилистник	hexaphyllus	hexaphyllus
шерохватка	bottlebrush grass	<i>Asperella</i> Humb. (Gramineae)
шерстестебельник	pipewort	<i>Eriocaulon</i> L. (Eriocaulonaceae)
шерстестебельник китайский (эриокаулон китайский)	China pipewort	<i>Eriocaulon chinensis</i>
шерстяное дерево	silk-cotton-tree	<i>Eriodendron</i>
ши (дерево масляное)	shea butter tree	<i>Butyrospermum</i> Kotschy (Sapotaceae)
шизантус (схизантус)	fringe-flower	<i>Schizanthus</i> Ruiz. et Pav. (Solanaceae)
шикша (водяника, вороника)	black crowberry, crowberry	<i>Empetrum</i> L. (Empetraceae)
шильник	awl-wort	<i>Subularia</i> L. (Cruciferae)
шинус	California pepper-tree, Peruvian mastic-tree	<i>Schinus molle</i> L. (Anacardiaceae)
шип (колючка)	acanthus, prickle	aculeus
шиповник (роза)	brier, dog-bramble, dog rose, hedge-rose, rose	<i>Rosa canina</i> L. (Rosaceae)
шиповник Беггера (роза Беггера)	Begger's rose	<i>Rosa beggeriana</i>
шиповник даурский (роза даурская)	Dahurian rose	<i>Rosa dahurica</i> Pall.
шиповник коричный (роза коричная, шиповник майский)	cinnamon rose	<i>Rosa cinnamomea</i>
шиповник майский (шиповник коричный, роза коричная)	cinnamon rose	<i>Rosa cinnamomea</i>
шиповник морщинистый	hedge-row rose, ramanas rose	<i>Rosa rugosa</i>
шиповник ржавчинный	sweet-brier	<i>Rosa eglanteria</i>
шиповник собачий (роза дикая, роза собачья)	bird brier, canker rose, dog rose, wild rose	<i>Rosa canina</i>
шиповник Федченко	Fedchenko's rose	<i>Rosa fedtchenkoana</i>
шишечник (шишник)	hawk nut	<i>Bunium</i> L. (Umbelliferae)

шишка (хвойных)	cone, strobile	strobilus
шишковидный (конусообразный)	cone-shaped, strobilaceous	strobilaceous, strobiliformis
шишник (шишечник)	hawk nut	Bunium L. (Umbelliferae)
шляпка гриба	cap, dish, pileus	pileus
шлемник	skullcap	Scutellaria L. (Labiatae)
шлемник байкальский	Baikal skullcap	Scutellaria baicalensis
шлемник узколистный	narrow-leaved skullcup	Scutellaria angustifolia
шнитт-лук (лук-резанец, лук-скорода)	chive	Allium schoenoprasum L. (Liliaceae)
шоколадное дерево (какао настоящее)	cacao tree, cocoa-tree	Theobroma cacao
шпажник (гладиолус)	corn-flag, gladiolus	Gladiolus communis L. (Iridaceae)
шпанка (вишня птичья, черешня, шпанская вишня)	bing cherry, bird cherry, black cherry, crab cherry, merry, sweet cherry, tart cherry, wild cherry, wood cherry	Prunus avium var. (Cerasus avium) L. (Rosaceae)
шпергель	corn spurry, poverty weed	Spergula arvensis L. (Caryophyllaceae)
шпинат	spinach	Spinacia L. (Chenopodiaceae)
шпорник (дельфиниум, живокость)	delphinium, larkspur	Delphinium L. (Ranunculaceae)
шпороцветник	cockspurflower	Plectranthus L'Herit. (Labiatae)

ЭЛЕОНОРА ПАНКРАТОВА

ИНГРИЯ – НАША РОДИНА ...
воспоминания, эссе, стихи, рассказы

Этот сборник¹ – своего рода объяснение в любви несуществующей ныне – стране Ингрии теми, кому довелось родиться и жить или быть связанным с ней своими корнями, теми кто полюбил её историю и культуру, теми кто так или иначе связан с прошлым или настоящим этого края.

Авторы этой книги – и маститые писатели (такие как Сергей Коледин и Роберт Винонен), профессионалы, исследователи (Э. Г. Карху) и те люди разных профессий и жизненного опыта, кто просто делится с нами воспоминаниями, историей своей жизни, рассказывает о своей судьбе или судьбе своих родных, своих далёких и не очень далёких предков.

Составитель и один из авторов сборника, Элеонора Панкратова родилась в 1946 году в Ленинграде-Петербурге, (предки со стороны матери из кингисеппского района – бывший наровский уезд), Литературовед и переводчик с норвежского языка, кандидат филологических наук. Переводила классиков, нобелевских лауреатов, (Гамсуна, Сигрид Унсет, Бьёрнстjerne Бьёрнсона) и современных норвежских писателей (Юхана Боргена, Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера). Автор статей и предисловий. Член союза писателей Москвы, член Союза Переводчиков России. Почетный член Гамсуновского общества (æresmedlem i Hamsun selskapet). Печатается в газете Инкери, альманахе «Соседи – Inkerin Uutiset», журнале Таллинн.

Надеемся, что книга будет интересна и специалистам: историкам, этнографам, лингвистам, исследователям финно-угорской культуры, хотя в целом она обращена к самому широкому кругу читателей, ко всем тем, кому дорога история своей родины, родного края, кому дороги свои корни и память о прошлом.

Ниже предлагаем читателям рецензию на данную книгу канд. филол. наук, Ольги Маркеловой.

¹ Ингрия – наша родина... Воспоминания, эссе, стихи, рассказы. Составление и предисловие Элеоноры Панкратовой. – СПб: Изд-во «ГЙОЛЬ», 2020. – 209 с.

ИНГРИЯ

В истекшем году я стала счастливым обладателем познавательной, трогательной и необыкновенно многогранной книги «Ингрия – наша родина...» (Из-во «Гйоль», Спб, 2020; составление и предисловие Элеоноры Панкратовой).

В эту книгу вошли мемуары, стихи, рассказы, очерки, материалы для исследований, принадлежащие уроженцам Ингерманландии – или просто людям, любящим этот край и его культуру. Авторы сборника очень разные: от крупного филолога Эйно Карху и маститого писателя Сергея Каледина – до влюблённой в родной ингерманландский язык воспитательницы детсада Хилмы Химанен.

В гуманитарных науках в последние годы популярны “memory studies”, изучение формирования и передачи культурной памяти на всех уровнях. Исследователи, придерживающиеся этого направления, должны были бы обратить на Ингерманландию самое пристальное внимание. Э. Карху, чьим очерком открывается эта книга, назвал ингерманландскую культуру «мемуарной», и значительная часть сборника – воспоминания авторов о собственном детстве, юности, своих предках. Важно и то, что в сборник включены мемуары людей, которых на момент издания уже не было в живых: их голос продолжает звучать, и их память передаётся дальше.

Мемуары, мемораты, предания – расширяют временные границы малой родины в прошлое, начиная от легендарных времён Петра Первого и Карла Двенадцатого (отражённой в фольклорных текстах, пересказанных Константином Сакса).

«Легендарными» можно назвать и времена детства авторов, когда они посвящают ему свои воспоминания. В эссе Элеоноры Панкратовой «Родная деревня... Родные края...» с деревней Копаницы (Кингисеппский район) связаны радостные воспоминания детства и «самые безмятежные, самые счастливые... сны».

Однако далеко не каждая эпоха ингерманландского прошлого равнозначна «золотому веку»: важной и трагичной вехой в нём является период коллективизации, репрессий и войны (то есть, эпоха запрета родного языка и утраты родины).

Для характеристики Ингерманландии часто используется цитата из Эдит Сёдергран (жизнь которой связана с этим краем самым непосредственным образом): «Страна, которой нет». Эти строки замечательной шведской поэтессы взяты из стихотворения об идеальной стране мечтаний; но они оказываются вполне применимы к местности, многие жители которой были выселены в страшные годы репрессий или угодили в немецкие лагеря во время войны, – а когда наконец смогли (и получили разрешение) вернуться

на родину, то обнаружили, что родных деревень уже след простыл, а родной язык, в эпоху «великих переломов» подпавший под запрет, утрачен. Надо отметить, что мемуары людей, переживших те жуткие времена, в целом лишены явной тенденциозности. Арво Саволайнен рассказывает в своих воспоминаниях о лютом голоде, мучительных ссылках, чудовищных жилищных условиях, частых смертях близких – будничным тоном: «как сага, беспристрастный», если воспользоваться выражением Э. Тегнера.

Память расширила границы Ингрии с пределов «малой родины» фактически до территории всего Советского Союза или даже всего мира. Авторы старшего поколения (Раиса Плотникова, Айно Хиеканен, Арво Саволайнен) судьба забрасывала и в Финляндию, и в Якутию (в качестве узников лагерей или спецпереселенцев). Сальме Сярг сама родилась в селе Рыжково Омской области и лишь в зрелом возрасте узнала о своих ингерманландских корнях. (Её очерк посвящён происхождению финского населения Рыжкова – крестьянам Ямбургского уезда, в начале девятнадцатого века высланным в Сибирь за бунты против своего помещика).

Один из лейтмотивов многих мемуаров (и художественных текстов) сборника – возвращение на родину. Это возвращение, впрочем, может быть полно трагизма: так, героиня рассказа С. Каледина «Ингерманландка» в преклонном возрасте доезжает до места, где когда-то стояла её родная деревня, и получает от прохожего категоричный ответ: «Здесь никто никогда не жил». Однако возвращение может носить символический характер, связанный с памятью: внук уехавшего возвращается в родные края или делится воспоминаниями о своём предке. (В нашем сборнике Андрей Пехота рассказывает о своём прадеде, пасторе Антти Ятинене, расстрелянном в 1937 году).

Об этом расширении, размыкании, и как следствие, размывании границ – строки Роберта Винонена (чьи стихи также помещены в книге):

...Которая тут Родина-то снится?
Где явь, где сон? Границы никакой!..

Мемуарная правда соседствует в книге с правдой художественной. Отдельно стоит назвать записи фольклорного материала, на ингерманландском финском и русском языках. (Хилма Химанен – загадки и поговорки, Алексей Крюков – пословицы и поговорки. Константин Сакса – легенды. Лев Бабурин – записи ижорских народных песен, включённые в подборку собственных стихов на русском и ижорском языках).

Но такое же яркое впечатление оставляют стихи и новеллы, вдохновлённые Ингрией. Поле изящной словесности расширяет ингерманландское пространство даже ещё больше, чем мемуарная сфера: авторы таких текстов не обязательно связаны с Ингерманландией происхождением – но могут

дать этому краю и его жителям голос. Как сказано в стихотворении Екатерины Чевкиной:

Не выбирают бога и страны,
бог и страна тебя настигнут сами
и поведут дорогами войны...

В «Ингерманландском триптихе» Элеоноры Панкратовой речь уже не только о самой памяти об Ингрии как таковой, но и о месте носителей этой памяти в современном российском окружении, где большинство соседей не знает об их личности и судьбе ровным счётом ничего. В рассказе «Айно, Айно...» после смерти одинокой героини в больнице медсёстры с грехом пополам пытаются подытожить то немногое, что им было известно о ней: «Какая она тебе чучмечка, она чухонка, из Питера, может, и блокадница...». В рассказе «Белобрысые» судьба немолодой героини Лины складывается гораздо более счастливым образом: во время поездки на Левашовское кладбище она находит земляка по имени Эро и перевозит его в недавно купленный ею дом в деревне Костромской области. Вместе герои вспоминают родной язык и заученные в далёком детстве лютеранские молитвы; пение непривычных псалмов вначале порождает в деревне кривотолки, но, в конце концов, сельская «общественность» решает: «Оставь ты этих Белобрысых... Блаженные они...». (В этой связи бесконечно трагикомично звучат наивные рассуждения деревенского милиционера о различии между «Белобрысыми» и «Чёрными», в ходе которых странные соседи получают от него аттестацию «Безобидные»). Завершается рассказ словами о том, что Лина и Эро обрели «радость привычной, обыденной жизни», которой они «будут жить, сколько бог пошлёт». Рассказ «Белобрысые» замыкает собой сборник (после него идёт лишь краткое послесловие), и такой его финал можно считать финалом всей книги.

Сюжеты большинства текстов – и художественных, и мемуарных – посвящены утрате; однако сам сборник вовсе не оставляет у читателя ощущения безнадеги. Напротив, каждая его строка говорит о том, что память и культура неистребимы, и даже при самых страшных обстоятельствах человек обретает в них опору.

Размыкаются ли границы ингерманландского пространства в будущее? У тех авторов, которые прямо касаются этого вопроса, отношение к «перспективам на будущее», мягко говоря, скептическое. (Очерк Эйно Карху носит красноречивое название «Прощание с Ингерманландией», а письмо из Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, выполняющее в книге функцию послесловия, по сути, является не ответом на животрепещущие вопросы о будущем, а откладыванием таких ответов на неопределённый срок). Но из самих текстов сборника порой можно вычитать

совершенно иной – и гораздо более оптимистичный – ответ на этот же вопрос. Юная Соня Ромашкова в школьном сочинении «Традиции моей семьи» с воодушевлением рассказывает об обычаях лютеранского рождества, идущих в её семье от бабушки-ингерманландки. В рассказе Льва Бабурина «Песня из сна» герой начинает интересоваться песенной культурой Ингерманландии благодаря сновидению и концерту этнической музыки. (О самом авторе сказано, что он увлечён изучением нижнелужицкого диалекта ижорского языка, фольклора и культуры финно-угорских народов). Гимн «Просыпайся, Ингрия!» авторства Моозеса Путро вливается в творчество поэтов, пишущих на русском языке: Андрей Пюккенен представляет собственно перевод этого гимна; а в стихотворении Али Деконской описано – не много, не мало – вознесение его автора:

Черти, прочь! Вы слышите в тумане
Ингрии старинное наречье?
В котелке и с нотами в кармане
В облаках шагает человечек!

Оптимистично стихотворение Александра Гуринова «В гостях у воды». Оно написано в безошибочно узнаваемом моим поколением ритме заставочной песни из советской детской передачи «В гостях у сказки». И пространство, где живёт народ *vadda*, в нём тоже сказочное, с лешими, русалками и цветущими папоротниками, – но главным чудом в нём является не фольклорный антураж, а вот что:

Нас давно учёные люди
хоронят,
Ну, а мы махнули
рукою на них:
Пусть же сомневающиеся
запомнят:
Мы пока ещё живее
всех живых!

Также хочется процитировать верлибр Роберта Винонена, который, вероятно, мог бы стать ещё одним эпиграфом к этой книге:

На мою Ингерманландию
Упала
Ленинградская область –
Этих придавила, тех выдавила,
Многих убила.
Лишь кое-где ещё

Зеленеет этнос –
Трава.
Пробивающая асфальт.

Вопрос «Кому адресована книга, повествующая о судьбах малого народа?» я не ставлю, т. к. ответ на него очевиден: человечеству, мирозданию, каждому из нас. Ибо, как написано на плакате в краеведческом музее Кингисеппа, «Мы все живём на одной земле».

Сборник «Ингрия – наша родина...» не претендует на академичность – но как раз это я не побоюсь назвать его достоинством. В нём звучат именно живые человеческие голоса.

Научно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

*За 2001 – 2021 гг. опубликованы переводы с 39 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка
на иностранные*

1. Абазинский язык	21. Корейский язык
2. Абхазский язык	22. Латинский язык
3. Алтайский язык	23. Македонский язык
4. Английский язык	24. Мальтийский язык
5. Армянский язык	25. Монгольский язык
6. Болгарский язык	26. Немецкий язык
7. Бурятский язык	27. Норвежский язык
8. Венгерский язык	28. Польский язык
9. Вьетнамский язык	29. Португальский язык
10. Галисийский язык	30. Русинский язык
11. Грузинский язык	31. Русский язык
12. Датский язык	32. Сербский язык
13. Ивритский язык	33. Словацкий язык
14. Индонезийский язык	34. Татарский язык
15. Ингерманландский язык	35. Фарерский язык
16. Исландский язык	36. Французский язык
17. Итальянский язык	37. Хорватский язык
18. Испанский язык	38. Якутский язык
19. Каталанский язык	39. Японский язык
20. Китайский язык	40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Забайкальский край)

Известный русскоязычный поэт, прозаик, публицист, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 году Указом Президента России за вклад в развитие культуры и искусства награждён медалью А. С. Пушкина, в 2012 году хамбо-лама буддистов наградил его медалью «200 лет Агинскому дацану», в 2014 году Постановлением Законодательного собрания Забайкальского края награждён медалью «За укрепление дружбы народов». Автор романов «Разные люди», «Последние войны волков»; стихотворного сборника «Каторга», книг прозы и поэзии – «Русский мир бурят-монгола» (Торонто, 2013), «Разговоры в полнолуние» (Торонто, 2014), «Голоса бездны» (Чита, 2014), Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин», «Алханай – Шамбала моей души», «Рассказы», «Звезда над степью», «Между Алханаем и Ямато». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). **E-mail: baldorzheff@yandex.ru**

БЕЛОКРЫЛОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт, переводчик, журналист. Автор сборников стихов и переводов «Солнечное сплетение», «Избранные стихи», «Вотчина», «Первая сотня», «Я видел ангела». Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук. Член Союза писателей, Союза переводчиков России и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Художественный руководитель и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия) и «Степная лира» (станция Новопокровская Краснодарского края). Ведущий литературной гостиной «На перекрёстках миров» при Клубе писателей ЦДЛ (Москва). Стихи и философские миниатюры переведены на венгерский, македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, словацких, венгерских, английских, итальянских, китайских, русинских и мальтийских поэтов. **E-mail: ivan_belokrylov@mail.ru**

БОБРОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила университет им. братьев Гумбольдтов в Берлине (Германия), аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена, аспирантуру по философии при ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

E-mail: bobrovaia@mail.ru

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)

Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых

красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отражение» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013).

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Сотрудничает с журналом «Переводчик». **E-mail: annbuldigerova@mail.ru**

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский госуниверситет им. А. А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский госпединститут иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»), аспирантуру и докторантуру при кафедре зарубежной литературы МОПИ им. Н. К. Крупской. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского госуниверситета. Действительный член Союза переводчиков России. Входит в редсовет журнала «Переводчик», ведёт рубрику «Американа». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской литературы и сибирско-американского этнокультурного параллелизма. В период академических стажировок поэтические переводы представлены на конференциях *Corridos* (CA, 2008), *R. Sanchez' Poetry* (TX, 1996) и в программе Клемента Диаса де ла Вега *Pulso Ciudadano* на национальном радиоканале Мексики (2007). В числе переводов: эссе Рудольфо Анайи «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже», «Ацтлан: Отечество без границ», известный рассказ Анайи «Рождественские фаролитос», главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы» (1898) и др. Автор литературоведческих трудов, среди них: глава в монографии *International Perspectives on Chicana/o Studies "This World Is My Place"* (Routledge, New York, 2014), книга «Мексикано-американский дискурс в литературе США» (ЗабГУ, Чита, 2019). Государственная награда РФ – орден Дружбы. **E-mail: tavoronch@mail.ru**

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997) и синхронный переводчик (с 2006 года) с/на китайский язык в период с 2002 года по настоящее время работал на более 400 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Из них на более 100 мероприятиях как синхронный переводчик. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и справочников по китайскому языку, в том числе инновационного лингвокультурологического словаря-справочника для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи»; Персональный сайт: www.vokitai.ru **E-mail: voropaev@vokitai.ru**

ГЛАДКИХ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности «Лингвистика» (французский и английский языки), аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики

историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы связаны с культурой коренных народов Сибири и Америки и литературным регионализмом. В журнале «Переводчик» (2016) опубликован перевод с английского главы из романа мексикано-американской писательницы Марии А. Р. де Бёртон «Скваттер и Дон». Автор ряда научных публикаций, среди них: раздел в монографии «Феномен пограничья в литературе» (2016). **E-mail: gourouleva@mail.ru**

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликовано: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, причёски», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски». **E-mail: epishkinni@mail.ru**

ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА (ЗАМИРСКАЯ ИДА)

(Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков (отделение «Немецкий язык и литература») Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИхиммаш и учителем английского языка. Художественным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: save.us@bk.ru**

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва)

Кандидат педагогических наук, доцент. Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических переводов с английского и итальянского языков. В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. **E-mail: Lziman@yandex.ru**

КВЯТКОВСКАЯ МАЙЯ ЗАЛМАНОВНА (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «Французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камознс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). **E-mail: kvimaya@yandex.ru**

КОВАЛЁВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Москва)

Окончила РГМУ им. Н. И. Пирогова и Литинститут им. Горького. Поэт, переводчик, публицист. Работала гл. редактором ряда журналов, включая русско-японский проект «О’Генки». Член Союза писателей Москвы, руководитель секции художественного перевода СПР. Почётный член международной ассоциации «Liguria-Russia» и Русского дома в Генуе. Посол мира и доброй воли от Италии. Вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая литгостиной «На перекрёстках миров» Клуба писателей ЦДЛ. Президент и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия) и «Степная лира» (станция Новопокровская Краснодарского края). Лауреат международной Русской премии (Чехия), Большой премии Международного литфонда им. Милана Фюшта Венгерской академии наук, премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, журнала «Кольцо А». Победитель Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Книги стихов: «Четвертая Троя», «Кесарево сечение», «Вёрстка мира», «Орден госпитальеров», «Terra Italica», «Страна стрекоз», «Карта памяти», «Лигурийский залив», «Я сегодня нарисую крупноспелую волну», «Заосередные сады».

E-mail: ivan_belokrylov@mail.ru

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает в музее истории Психиатрии Читы и Забайкалья им. В. К. Кандинского. **E-mail: yek.korzova@yandex.ru**

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (с. Акша, Забайкальский край)

Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времен» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились еще два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны. **E-mail: nina_markova@mail.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Работает в Московском лингвистическом университете. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор семи сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языках в журналах «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

МУРОМСКАЯ ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Студентка 4 курса китайского отделения (направление «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. **E-mail: muromskayad@mail.ru**

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России, Почётный член гамсуновского общества. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета “Aftenposten”, журналы “Prosa”, “Forfatteren”, “Nordlit”) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии. **E-mail: noralauri@yahoo.com**

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)

С отличием окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Поэт-переводчик. Автор более 60 книг переводов со славянских языков на русский. С македонского языка перевела стихи более 250 поэтов. Автор проектов: «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века». С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Автор поэтических сборников: «Предзимье», «Параллельные миры», «Плеск». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письма» (2010), имеет награды за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2018) – Россия; «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль» и награда за успехи в художественном творчестве «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново

признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звёздный македониум» Фестиваля искусств города Скопье (2016), государственная награда Медаль за заслуги перед Македонией (2019) – Македония. **E-mail: olga_pankina@hotmail.com**

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ [1936 – 2015]

Окончил университет им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького, учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник, руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года работал журналистом-международником. Перевел около 30 книг. В 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой Пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом». Награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвящённый 65-летию Великой Победы. Автор поэтических переложений бессмертных шекспировских трагедий.

САРАЕВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА (Чита)

Студентка 4 курса китайского отделения (направление «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. **E-mail: kalinina3d@gmail.ru**

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: detschoolakad@mail.ru**

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета ЗабГУ. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик», директор ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...», «The Songs of Joy and Sorrow». Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...», «Волшебный мир любимых грёз», «Мой зачарованный мираж...»; «Сладкой грусти наслаждение...».

Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года». **E-mail: ovstelmak@mail.ru**

ФЁДОРОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Чита)

Окончила филологический факультет Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности «Филология» (английский и испанский языки), магистратуру по программе «Литература народов зарубежных стран (на английском языке)», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы сосредоточены в области культуры коренных народов Сибири и Америки, мексикано-американской литературы. В журнале «Переводчик» (2020) опубликован рассказ Мэри Хантер Остин «Маленький городок Виноградных Лоз» из сборника «Земля редких дождей» в переводе на русский язык. Автор и соавтор ряда литературоведческих работ, среди них: пособие (в соавторстве) «Мифопоэтика в литературном творчестве коренных американцев и чикано США XX–XXI веков» (2016), раздел в монографии (в соавторстве) «Интерпретация текста» (2019). **E-mail: katyaz@bk.ru**

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и почётный член Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 50 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в антологии «Семь веков английской поэзии», Д. Китс «Эндимион», Р. Бёрнс «Былые времена», Р. Киплинг «Кабульский брод». В 2012 г. опубликованы книги: Р. Бёрнс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». В 2017 г. в издательстве «Вита Нова» (СПб) вышла книга переводов Р. Бернса «Стихотворения». Лауреат премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства им. Н. Л. Мартынова за 2018 год. **E-mail: feldman@omsk.edu**

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времён»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. Подтвердила учёную степень в португальском университете. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник» и др.). В её переводе вышли: поэзия

Антонио Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа», Фернандо Пессоа: «Книга непокоя», «Поэзия Оды Рикарду Рейша», «Рубайят». **E-mail: irenerussian@mail.ru**

ЩЕТНИКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (Новосибирск)

Окончил физический факультет Новосибирского государственного университета. Автор более ста книг и статей по истории точных наук и прикладной эпистемологии; более 300 видеороликов по физике в проекте GetAClass. Инициатор и организатор ряда проектов в области дополнительного образования. Поэт, переводчик. Переводы с английского (Байрон, Шелли, Китс, Уитмен, Уильямс, Стивенс, Ферлингетти, Керуак, Гинзберг, Корсо, Снайдер, Буковски), испанского (Борхес, Хименес, Неруда, Лорка), украинского (Андрухович, Жадан, Пасичник), польского (Мицкевич, Милош, Шимборская), древнегреческого (Аристотель, Прокл, Евклид, Гемин, Клеомед и др.) языков.

E-mail: schetnikov@ngs.ru

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает главным специалистом Управления международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликованы переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из книги Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь...». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова. **E-mail: intdep@mail.ru**

Научное издание

Переводчик

Выпуск 21

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией,
при участии издательства*

*Контактный телефон 8 (3022) 44-15-29
e-mail: ovstelmak@mail.ru*

Главный редактор О. В. Стельмак

Подписано в печать 24.05.2021.

Формат 60x84/16.

Печать по требованию

Усл. печ. л. 16,2. Уч.-изд. л. 13,7

Заказ № 21063.

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30.